

УИЛЬЯМ МАЛВИХИЛ
ПЕСКИ КАЛАХАРИ

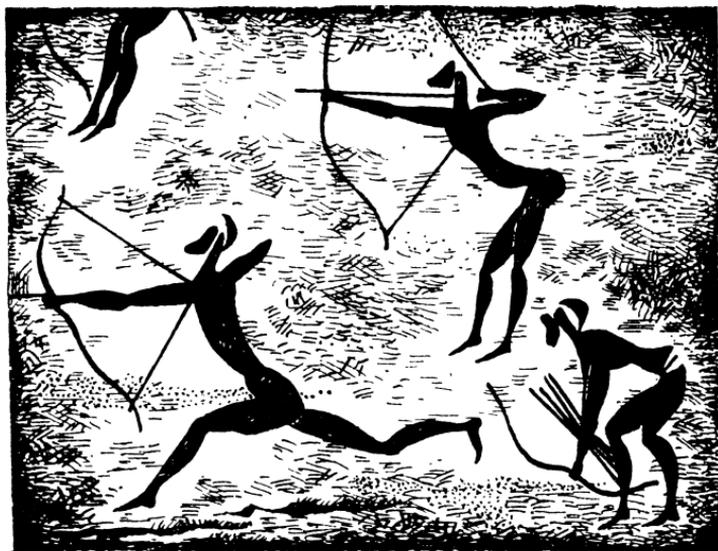
ПУТЕШЕСТ'
ВНЯ
ПО
СТРАНАМ
ВОСТОКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

УИЛЬЯМ МАЛВИХИЛ

ПЕСКИ КАЛАХАРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА · ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА · 1969

William Mulvihill
THE SANDS OF KALAHARI
New York 1960

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
А. П. ПОЕЛУЕВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Л. А. АФАНАСЬЕВ

Малвихил У.

М18 Пески Калахари. Пер. с англ. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969.

230 с. (Серия «Путешествия по странам Востока»).

Основные события этой приключенческой по своему жанру книги происходят на территории Юго-Западной Африки, в пустыне, куда не ступала нога человека. По ходу повествования автор сводит своих героев с местными жителями, рассказывает о борьбе, быте и нравах свободолюбивых народов Африки.

Когда пролетаешь над Юго-Западной Африкой, внизу проплывает пустыня: треть миллиона квадратных миль песков. От границ Анголы на юг до Оранжевой реки в океан не впадает ни одного регулярного водного потока; пляж распространяется на сотни миль в глубь суши; здесь почти не бывает дождей. Это — пустыня Намиб. То тут, то там возвышаются холмы и безымянные черные горы, простираются обширные иссушенные и безлюдные саванны. Дальше ее сменяет еще одна пустыня — Калахари — «Громадная Страна Жажды», превосходящая по площади штат Техас. Южнее пятьсот квадратных миль покрывто опаленными солнцем кустарниками.

По всей этой колоссальной территории разбросаны городишки и ранчо, рудники и поселения, но они так далеки друг от друга, как атолы, вкрапленные в безбрежный океан.

Г л а в а 1

Детьенс умер ночью, и оставшиеся в живых были почти рады этому. При катастрофе с самолетом у него был сломан позвоночник и раздроблен череп. Он скончался, так и не приходя в сознание. Их осталось шестеро: пятеро мужчин и одна женщина. Они стояли вокруг завернутого в одеяло тела, согретые теплом раннего утра.

Когда самолет разбился — это произошло накануне, — пострадал только Детьенс. Прежде они не были знакомы ни с ним, ни между собой, но его агония сблизила их, и теперь им казалось, что они знают друг друга очень давно. Все ухаживали за умирающим, молились за него, просидели над ним долгую темную ночь напролет. Из-за него они остались у обломков самолета; из-за него им не удалось добраться до невысоких черных гор, едва видневшихся на горизонте. И вот он мертв, но они все еще стояли у трупа, словно ожидая чего-то. Нервы у них были натянуты, как струны, каждому передавалась взволнованность соседа. Они то смотрели на тело Детьенса, то переводили взгляд на отдаленные холмы. Стюрдевант, пилот, откашлялся.

— Я полагаю, нам следует похоронить его здесь,— сказал он, не поднимая глаз.— Здесь, около самолета. Нет никакого смысла искать какое-либо другое место.

Все согласились с ним. Если Детьенс будет похоронен там, где он лежит сейчас, значит, Стюрдевант намерен добраться до холмов, до дальних черных гор. Ведь они доверились ему и теперь изучающе смотрели на пилота: рыжеволосый, высокий мускулистый человек лет сорока, с энергичным волевым лицом, бывший летчик-истребитель, родом из Южной Африки. Всего несколько дней назад они даже не подозревали о его существовании. Теперь их жизнь всецело зависела от его решений. А Стюрдевант, потирая рыжую щетину, покрывавшую его худощавое лицо, посмотрел мимо них на грозную пустыню, поправил пилотку и шлепнул ладонью по мухе, севшей ему на ногу. На нем были коричневая спортивная рубашка, шорты цвета хаки и туфли на резиновой подошве. Все ждали, что он заговорит, но летчик повернулся и отошел в сторону, осматривая обломки разбитого самолета. Подняв скрученный кусок алюминия, он опустился на колени и принялся копать песок. Полукруг распался. Женщина устало поплелась к изуродованному фюзеляжу и через низкую дверцу вошла внутрь. Мужчины, захватив кто жестянку, кто обломок металла, присоединились к Стюрдеванту.

Пока они рыли могилу, которая становилась все глубже, пилот присматривался к четырем своим спутникам. За жизнь каждого из них он чувствовал себя ответственным.

Самым старшим был Гриммельман, годившийся каждому из них в отцы, совершенно седой немец. Он слегка прихрамывал и при ходьбе опирался на тяжелую трость с резиновым наконечником. Гриммельману — за семьдесят, но он еще достаточно силен. Когда он вылетел из Мосамедиша, на нем был европейского покроя костюм и рубашка с жестким белым воротничком. Вместо чемодана — туго набитый дешевый портфель, вид которого вызывал у Стюрдеванта воспоминания о беженцах. Старик направлялся в Виндхук, разыскивая своего брата — владельца большого овцеводческого ранчо. По-английски Гриммельман говорил медленно и четко, словно старый учитель. Сейчас, копая песок, он скинул пиджак, а копну седых волос на голове прикрыл старой фуражкой военного образца, которую достал из портфеля.

Самый молодой — Джеферсон Смит. Ему не более тридцати. Это высокого роста американский негр, ассистент профессора, занимавшийся какими-то исследованиями в Африке. Смит подвижен и разговорчив, отличается хорошими манерами, всегда улыбается. Голос у него глубокий и приятный. Для Стюрдеванта Смит необычен. Негры, которые до сих пор летали в его машине, были рабочими, чаще всего шахтерами, и потому он никак не мог представить себе Смита американцем, богатым и образованным.

Рядом с негром жестяной банкой выгребал песок из могилы еще один американец — Майк Бэйн, которому на вид было около сорока. «Хороший парень, — подумал о нем Стюрдевант, — но за ним надо присматривать». Майк слаб и мягок, в его движениях и словах ощущалась какая-то вялость, а на лице лежала печать глубокого безразличия. Даже Гриммельман, который был гораздо старше его, казался физически крепче и сильнее духом. Ростом Бэйн не достигал и шести футов. Стюрдевант знал, что Бэйн — американский инженер, несколько лет скитавшийся по Западной Африке.

И, наконец, О'Брайен — крупный, статный, красивый мужчина. Он с силой вонзал в землю заостренный кусок металла и листом фанеры выбрасывал песок вверх. Голова его была непокрыта, и давно не бритая борода сливалась с шевелюрой цвета воронова крыла. О'Брайен тоже американец и почти ровесник Стюрдеванту. В Африку он приехал поохотиться.

Кроме большого кожаного чемодана, у него было два дорогих отличных охотничьих ружья и пара биноклей. О'Брайен выше пилота и шире его в груди и плечах. Когда они познакомились в Анголе и обменялись рукопожатием, Стюрдевант почувствовал в нем скрытую силу, превосходящую его собственную. И теперь он рад, что О'Брайен с ними.

Могила становилась глубже. Копали молча. Говорить было не о чем: человек умер, и его надо похоронить. Вот и все. Наконец, заполненный гравием подпочвенный пласт кончился, и грунт стал мягче.

Стюрдевант смахнул пот с лица. Скоро, очень скоро, если они не найдут воды, все погибнет от жажды. В самолете еще оставалась вода, почти две канистры, но когда она кончится...

Ни один самолет не вылетит на их поиски. Пилот заявил об этом спустя несколько часов после катастрофы. Машина принадлежала ему лично, и полет нигде не был зарегистрирован. Стюрдевант согласился доставить их в Свакопмунд и покинул Анголу без каких-либо формальностей — одинокий самолет, летящий куда-то на юг над выжженной и оголенной равниной. Искать их не будут, потому что никто так и не узнает о случившемся. Они сами должны позаботиться о своем спасении, а одни драгоценные сутки уже потеряны.

Все еще много людей погибает в пустынях. Для двадцатого столетия это кажется странным, но и такое иногда случается. До сих пор в мире остается немало белых пятен. Там, в неизведанных местах, люди умирают по совершенно простым причинам: от жажды, голода, холода, жары... Недавно Стюрдевант прочел в газете о страшном зрелище, представшем перед партией геологов в Ливийской пустыне. Американский бомбардировщик времен второй мировой войны лежал в сыпучих песках. Там он оставался более пятнадцати лет. Никто не прикоснулся за это время к бортовым журналам, к одежде и оружию. В самолете сохранилось даже несколько банок с водой, но никаких следов экипажа обнаружить не удалось. Пришли к заключению, что люди покинули самолет в поисках воды и погибли в бескрайней пустыне в четырехстах милях от побережья.

— Достаточно,— проговорил Стюрдевант.

Все бросили копать одновременно.

Пилот и О'Брайен подняли труп и опустили его на дно неглубокой могилы. Затем все стали забрасывать ее землей.

Грэйс Монктон сидела в глубоком, похожем на раковину кресле самолета и дремала, закрыв глаза. Большую часть ночи ей пришлось просидеть с умирающим, и теперь эта молодая и красивая женщина чувствовала, как от пережитого потрясения и усталости у нее кружилась голова.

Ее лицо аристократки даже в полусне сохраняло самоуверенность и какую-то живость. Временами ей, наверное, грелилось нечто страшное: она бормотала что-то, стонала

и вздрагивала. Да, Грэйс была молода и не хотела умирать.

Протянув руку, она взяла выцветший плащ и накрылась им, так как ночная прохлада все еще давала себя знать. Когда Грэйс вылетала из Мосамедиша, на ней были только шорты из мадрасского полотна и легкая блузка. Ночью кто-то из мужчин дал ей большой плотный свитер. И сейчас она забылась беспокойным сном.

Мужчины отошли от могильного холма и поднялись в изуродованную кабину самолета, чтобы укрыться там от лучей восходящего солнца.

Последним вошел Стюрдевант. Как и все, он, пригнувшись, пролез через низкую дверцу, опустился в одно из откидных кресел и закрыл глаза. Как нелепо все вышло! Угробил Детьенса, разбил самолет и разрушил дело всей своей жизни. Теперь у него на руках оказалось пять человек, за судьбу которых он в ответе. Ах, если бы машина ожила, взревела, помчалась вперед, поднялась и полетела, унося их отсюда...

— Мне кажется, — заговорила Грэйс Монктон, — нам надо что-то делать. Кто-нибудь из нас или мы все вместе должны попытаться найти какой-то выход.

Стюрдевант кивнул, все еще не открывая глаз. В самолете было прохладнее, чем снаружи, и он отдыхал.

— Попробуем, — проговорил пилот. — На закате двинемся к тем горам.

— А есть ли там вода? — спросила Грэйс.

— Кто знает? — развел руками Стюрдевант.

— У нас нет выбора, — сказал О'Брайен. — Дольше сидеть у самолета уже нельзя.

Пассажиры, сидя в тех же креслах, которые занимали в полете, слушали и молча соглашались. Лишь один Гримельман потихоньку похрапывал.

— Нам надо хорошенько отдохнуть, — сказал пилот. — Идти будем всю ночь.

Майк Бэйн закурил последнюю сигарету. Сама мысль о том, что придется куда-то идти, внушала отвращение. Путь к черным горам, по-видимому, труден, может быть, даже чересчур труден. Ему, наверное, лучше остаться здесь. Когда самолет разбился, Майка швырнуло о землю, как и всех остальных, и он порезал большой палец на руке. Сейчас палец нарывал и беспокоил Бэйна. Следовало бы осмотреть ранку, тогда он почувствует себя лучше: в

аптечке Стюрдеванта, должно быть, что-нибудь осталось. Это надо бы сделать именно сейчас, но кресло было таким удобным, а Бэйн так устал.

Сигарета жгла пальцы. В течение нескольких часов он берег ее и думал о ней и, наконец, закурил, с удовольствием затягиваясь и хорошо помня, что сигарета последняя. Это пугало Бэйна. Вот уже много лет он ежедневно выкуривал по две пачки. Щелчком Бэйн выбросил крошечный окурочек через разбитый иллюминатор и долго смотрел, как тот угасал на песке. Потом закрыл глаза и заснул.

В самолете оставалось еще немного продуктов и воды, которые Стюрдевант всегда возил с собой. Большая часть Африки — пустыня, а самолет для пилота — всегда его дом, и потому Стюрдевант заботился, чтобы у него «в доме» было все необходимое. Одна канистра лопнула во время катастрофы, воду из второй они уже выпили. Остались еще две, почти десять галлонов воды.

Стюрдевант посадил свою машину на «брюхо». Это было похоже на чудо. Самолет долго бесшумно планировал над плоской, как стол, пустыней; земля приближалась с каждым мгновением. Наконец, колеса коснулись грунта и в тот же момент их сорвало. Затем раздался скрежет раздираемого металла у хвостового оперения и левого крыла. Самолет занесло и начало вращать, он чуть не перевернулся. Наступила тишина. Все остались живы.

Из обломков металла Джефферсон Смит принялся выкладывать знак «Help»¹. Появилась первая буква. Пассажиры присоединились к нему и помогли закончить слово. Потом, спасаясь от палящего солнца, все забрались в разбитый фюзеляж, довольные, что для их спасения кое-что уже сделано.

Позднее О'Брайен поджег колесо, которое оторвалось от самолета и теперь лежало в трехстах ярдах от фюзеляжа. Он вылил на шину масло и поднес спичку. Все смотрели на черный дым, столбом вздымавшийся в небо в неподвижном воздухе. Они долго подбрасывали в огонь обломки, но в конце концов он все-таки погас. Никто не отозвался на их сигнал. Перед самым рассветом сожгли второе колесо в надежде привлечь все же чье-либо внимание.

О'Брайен взял одно из своих ружей и выстрелил три

¹ «Help» — «Помогите» (англ.) — (Здесь и далее прим. пер.).

раза подряд, однако все оказалось бесполезным. Пустая трата времени и патронов. Они затерялись в бесконечном море песков.

Когда солнце коснулось линии горизонта, пассажиры потерпевшего аварию самолета пустились в путь. Было предложено и отвергнуто несколько планов. О'Брайену хотелось составить две группы. Одна — из более молодых и выносливых пойдет вперед в качестве разведывательного отряда. Вторая — должна следовать за ней и нести с собой бóльшую часть воды и все необходимое снаряжение. План пришелся всем по душе, кроме Стюрдеванта, который его решительно отверг. Пилот не хотел разбивать всю группу.

Однако собраться в дорогу было не так-то легко. Все стояли у разбитого самолета, пригоняя на себе различные тюки и узлы. Советовали друг другу не брать с собой непосильного груза, но уже через минуту вспоминали о ценности того или иного предмета, который невозможно было оставить. О'Брайен помогал всем, ловко увязывая груз в одеяла с помощью кусков шнура. Гриммельман подходил то к одному, то к другому и настаивал, чтобы обязательно взяли всю обувь: в пустыне она не менее важна, чем вода. Ружья и боеприпасы О'Брайена роздали мужчинам, а канистры с водой Стюрдевант решил нести сам. От воды зависела теперь жизнь шестерых людей. Но оставалось ее на три-четыре дня, не больше.

Постояв несколько мгновений, Гриммельман с нетерпением посмотрел на своих спутников и, опираясь на тяжелую трость, первым зашагал по направлению к маячащим вдалеке горам. Не было почти никаких шансов, что за горами могло что-нибудь оказаться: например, шахтерский поселок или линия железной дороги. Но, может быть, там есть родник. Или им улыбнется счастье, и они встретят бушменов², дамаров горных³, а, может, даже старых добрых немецких фермеров-овцеводов.

² Бушмены — древнее коренное население Южной Африки. Живут в пустынях Калахари, Намиб и смежных районах. Говорят на бушменских и других местных языках, для которых характерно наличие щелкающих звуков. Ведут жизнь бродячих охотников и собирателей дикорастущих плодов.

³ Дамара горные — африканские племена, близкие к готтентотской группе; проживают в Юго-Западной Африке; говорят на одном из готтентотских языков. Занимаются скотоводством и земледелием.

Один за другим двинулись они за Гриммельманом. Первой бодро и уверенно шла Грэйс Монктон. За ней — О'Брайен, сильный и волевой. На плечах у него лежал огромный тюк, в руке — ружье. Далее торопливо шагал Джефферсон Смит.

Стюрдевант стоял, не отрывая глаз от обломков своего самолета. Все уже ушли, кроме Майка Бэйна, который еще копался в вещах, оставленных в кабине. Хорошая это была машина, и вот ее уже нет, как нет и тех других, на которых он летал в войну. Самолета нет, Детъенс умер, и ни одна живая душа в мире не знает, где они сейчас. Трудно было уходить, ведь машина — последнее, что у него оставалось. И вот она разбита, а вокруг простирается древняя пустыня. Он поднял две канистры с водой и двинулся вслед за остальными.

Майк Бэйн видел, как уходил Стюрдевант. Теперь он остался совсем один. Выругавшись, Майк бросил поиски. Ведь должна же была завалиться хоть пачка сигарет в каком-нибудь чемодане или в кармане! Ему так не повезло! Бэйн вышел из самолета, посмотрел на большой гаечный ключ, который держал в руке, и бросил его на песок. Этот ключ, найденный Бэйном в глубине кабины, был не менее двух футов длиной. Майк пользовался им, роясь в брошенных вещах.

Бэйн поспешил за Стюрдевантом, на ходу поправляя сползающую со спины ношу. Внезапно, словно чего-то испугавшись, он бросился назад к самолету, подхватил ключ и побежал догонять своих спутников.

Солнце уже село, но жара не спадала. Она оставалась в песке, в воздухе, в их памяти. Они брели по бесплодной земле рядом друг с другом, изредка переговариваясь. Под ногами шуршал песок и скрежетал гравий. Стало темно и сразу похолодало. А до гор было еще далеко. Время от времени путники посматривали на них, прикидывая расстояние.

Ночь выдалась светлой: в небе сияла яркая луна и плыли легкие облачка. Путники упрямо шли, иногда останавливаясь и собираясь вместе, чтобы отдохнуть и выпить немного воды. Все устали, но никто не хотел в этом признаться. На ночлег останавливаться было нельзя, иначе с восходом солнца они могли оказаться в песчаной ловуш-

ке и уж никогда не сумели бы дойти до гор. Что бы ни таили в себе эти скалы, они должны добраться туда, даже если там ничего нет, кроме тени, в которой им суждено умереть.

Рассвет наступил как-то внезапно. А горы все еще были далеко. Первой не выдержала Грэйс Монктон, заплакав от усталости и отчаяния. Все так старались, так долго шли, а разбитый самолет, казалось, по-прежнему лежал совсем близко от них. Мужчины отвернулись, чтобы не видеть, как она плачет. «Я бы тоже заплакал,— подумал Майк Бэйн,— будь я женщиной. Непременно заплакал бы».

И они снова двинулись в путь, то и дело спотыкаясь и падая. Навязчивая мысль о приближении дневного зноя подгоняла их и заставляла идти все быстрее. Мало-помалу группа распалась, уже не было того единства, которое сохранялось всю ночь, и лишь растянувшаяся на целую милю цепочка одиноких фигур спешила теперь к черным горам.

* * *

На рассвете бабуины⁴ вылезли из своей пещеры и уселись у входа, щурясь от яркого света, почесываясь, гримасничая и зевая. Только детеныши чувствовали себя превосходно и радостно резвились на солнце.

Для обезьянней колонии прошла еще одна спокойная ночь. В пещере они долго возились и толкались, а потом заснули, сгрудившись в один сплошной комок тел, цепляясь друг за друга в надежде защитить себя от воображаемой опасности и ночного холода. Те, кто оказывался снаружи, мерзли и старались держаться подальше от входа, чтобы согреться. Некоторым обезьянам грезилось, наверное, змеи или леопарды, и они металась во сне, пока потревоженные соседи не награждали их хорошими туманками.

Итак, ночь осталась позади. Бабуины-часовые взобрались на высокие и отдаленные друг от друга скалы и осматривали оттуда расстилающуюся перед ними панораму крутых обрывов, усыпанных гравием склонов и острых пиков. Обезьянье стадо ожидало внизу, наслаждаясь теп-

⁴ Бабуины — крупные обезьяны из рода павианов. Голова бабуина похожа на собачью, отсюда данное еще Аристотелем второе название павианов — «собакоголовые обезьяны».

лом ясного солнечного утра. Но вот часовые подали вожаку знак: «Все спокойно».

Вожак двинулся вниз по склону. Он был уже стар, но размерами и силой превосходил всех самцов стада. Ключья поседевшей шерсти покрывали его волосатую коричневую шкуру. Вожак вел стадо вниз от выступа к скале, потом к гладкой плите, вдоль узкого гребня до отвесного обрыва высотой в десять футов. Он спускался, перепрыгивая со скалы на скалу без особых усилий. Стадо с криком следовало за ним. Вот, наконец, и место, где достаточно пищи. Обезьяны разбрелись по обширной территории, стараясь, однако, не терять друг друга из виду. Одни переворачивали камни в поисках личинок, гусениц и многоножек, другие — брели к купе акаций, чтобы полакомиться сладким отвердевшим соком, третьи — искали ягоды, вырывали корни. Часовые зорко осматривались: враг мог оказаться совсем рядом.

Бабуины медленно двигались по дну долины, держась ближе к скалам, так как в траве нередко мог скрываться хищник, выжидающий благоприятный момент, чтобы схватить детеныша. Много тысяч лет назад обезьяны жили на деревьях, но сейчас их пристанище — скалистые утесы.

Солнце палило все сильнее. Животные насытились. Старый вожак сначала бродил у подножья скал, а потом взобрался футов на двадцать выше, чтобы лучше видеть часовых. Стадо не спеша следовало за ним. Они нашли место в тени, где дул легкий ветерок. Здесь можно было отдохнуть и поспать, а детеныши могли вволю поиграть.

Вдруг один молодой часовой издал тревожный крик. Животные в ужасе застыли. Это был какой-то странный крик, бабуины никогда раньше не слышали ничего подобного. Они бросились наверх и увидели то, что разглядел часовой. Вдалеке среди горячих песков, куда они никогда еще не спускались, что-то передвигалось, какие-то крошечные фигурки подходили к ним.

Обезьяны замерли в ожидании, напряженно наблюдая за людьми. Одна из фигурок упала. Самки забеспокоились, прижимая детенышей и награждая их тумаками, когда те поднимали слишком большой шум. Старый вожак нахмурился. Он был рассержен. Обезьяны отодвинулись от него, зная, как он страшен в гневе.

А маленькие фигурки, там далеко внизу среди пустыни, постепенно приближались к ним.

Перед путниками возвышались одни только скалы. Они подходили к горам, и страх перед предстоящим дневным зноем пропадал. Теперь-то уж они доберутся до гор. Осталось всего каких-нибудь десять миль.

«Эти скалы похожи на громадный тонущий корабль, задравший нос и погружающийся кормой в пучину,— подумал О'Брайен.— Они напоминают еще и судно без мачт, выброшенное на берег и наполовину покрытое пенным прибором. Или черный айсберг в песчаном море. Но там должно находиться что-то живое, должно. Ведь даже на некоторых айсбергах встречается жизнь. А если есть жизнь, значит, и вода, достаточно воды, чтобы поддерживать эту жизнь».

Приближаясь к горам, измученные люди нагоняли друг друга, но не обменивались ни словом. Все были поглощены своими мыслями, да и от разговоров только сохло во рту и усиливалась жажда. Наконец путники достигли пологой возвышенности около мили длиной, которая вела к склону, покрытому глинистой почвой, обломками скал и песком. Некоторые камни представляли собой острые глыбы, отколовшиеся от нависающих утесов, может быть, много веков назад. О'Брайен подошел к одной из скал и тяжело опустился на землю в ее тени. Вскоре показались Джеферсон Смит и Грэйс Монктон. Потом Стюрдевант с двумя канистрами воды. Последними, поддерживая друг друга, подошли Гриммельман и Майк Бэйн. Все сидели в тени, вытянув ноги. Пластиковой пробкой-стаканчиком от термоса Стюрдевант отмерял воду. Они напились и в изнеможении заснули прямо на песке.

Прошло три часа. Стюрдевант поднялся, отряхнул с шорт песок и толкнул О'Брайена. Тот повернулся, потревоженный, и сел, готовый выполнять приказ.

— Хочу подняться повыше,— сказал Стюрдевант.

— Идем вместе,— ответил О'Брайен.

— Думаю, тебе лучше остаться здесь,— возразил пилот.— Я только посмотрю, что там, на той стороне. Возьму одно из твоих ружей. Если я выстрелю, приведи всех ко мне. Если выстрела не будет, значит, я вернусь, и на заходе солнца мы двинемся вдоль скал. Спрошу Бэйна, не захочет ли он подняться вместе со мной. А ты оставайся здесь на случай, если кому-нибудь придется помочь.

О'Брайен кивнул в знак согласия и погладил свои густые черные бакенбарды. Он был самым сильным, сильнее и находчивее Стюрдеванта, но он, как и все, повиновался пилоту, поскольку тот был не только хозяином самолета, но и жителем Африки. О'Брайена беспокоили другие. Джефферсон Смит — мягок и изнежен, как истинный горожанин. Гриммельману — за семьдесят; просто чудо, что он после такого перехода через пустыню еще остался жив. Хуже всего обстояло дело с Майком Бэйном, жестоко страдавшим из-за отсутствия спиртного и табака. Майк Бэйн слишком долго жил в тропиках, и они порядком измотали его. А о женщине и говорить не приходилось: она была на грани истерики. Всем им понадобится помощь. Чего доброго, ему еще придется тащить их на гору.

Стюрдевант наклонился над Майком и осторожно потряс его. Страхнув с себя сон, Бэйн, пошатываясь, вышел из тени, стараясь защитить заспанное лицо от солнца. Он присоединился к Стюрдеванту, и они, шагая по рыхлой глинистой почве, начали осторожно пробираться между гигантскими валунами.

Солнце жгло сквозь рубашки, раскаленная земля обжигала ступни ног через подошвы ботинок, но они не имели права вернуться. Оба понимали это и старались отогнать всякую мысль о возвращении. Они должны идти вперед. Сейчас так же, как и при переходе через пустыню после аварии, для них оставался лишь один путь — только вперед. Стюрдеванту и Бэйну пришлось взбираться на вершину горы днем по рыхлому склону под палящими лучами солнца: ведь в прохладную темную ночь они рискуют ничего не увидеть, а, может быть, на той стороне раскинулся город или ранчо.

Валуны становились все меньше и ниже. Почва стала тверже; рыхлую глину сменил скальный грунт. Они шли осторожно, стараясь не нарушать равномерного темпа ходьбы. Оглянувшись на Майка, Стюрдевант начал понимать, что идти дальше его спутник не в состоянии. Напрасно взял он его с собой, в этом не было никакой нужды, разве что пилоту просто не хотелось идти одному.

Они дошли до конца пологой возвышенности. Дальше круто вверх уходил склон — гигантская сверкающая на солнце черная стена. Стюрдевант уже нашел себе место в тени, когда к нему присоединился Майк Бэйн. Они молча посмотрели друг на друга. Прошло немало времени, пока

у них восстановилось дыхание. Стюрдевант с трудом поднялся на ноги.

— Подожди меня здесь. Я пойду выше,— сказал он, показав на расщелину в стене.

Майк Бэйн кивнул. Стюрдевант ушел, и вскоре его не стало видно. В тени нависающего выступа скалы было прохладнее. Бэйн откинул несколько больших камней и растянулся на земле. Пожалуй, ему следовало бы пойти со Стюрдевантом; может быть, именно в этот момент пилоту нужна помощь. Но что он мог поделать? Сил уж, конечно, не хватило бы на подъем. Алкоголь и годы сломили его, и от прежнего Майка теперь уже ничего не осталось. Былая энергия и сила исчезли. Ему все надоело. Он ничего не достиг, и люди стали относиться к нему безразлично, смотрели на него так же, как только сейчас, когда он не смог подняться, на него посмотрел Стюрдевант. Он стал никому не нужен, и все отвернулись от него. Так было в течение многих лет, и это все еще причиняло ему боль. Он оставался гордым человеком, но утратил силу воли.

Позже, когда Бэйн уже задремал, до него, как и до всех остальных, донесся звук далекого выстрела, неожиданного в безмолвии и многократно повторенного эхом. Бэйн не двигался. Ему было удобно лежать.

«Стюрдевант, видно, что-то обнаружил,— подумал он.— Теперь всех спасут. Будут пища, вода, сигареты. Все было страшным сном, и вот он кончился. Скоро подойдут все его спутники, он подождет их и поможет старику и женщине».

Спустя два часа все присоединились к Стюрдеванту и остановились на краю черного камня. Перед ними, вероятно, на расстоянии многих миль, возвышался еще один крутой зубчатой формы хребет. Он тянулся параллельно тому, на котором находились путники, и оба хребта сходились вдали, оканчиваясь остроконечным пиком. Вместе они образовывали воронкообразную глубокую замкнутую долину, покрытую сухой выгоревшей травой. Кое-где виднелись деревья. А вдалеке около отвесных утесов можно было заметить зеленое пятно.

Они начали спускаться.

Г л а в а 2

Теперь они все подчинялись Гриммельману.

Стюрдевант провел их через песчаную пустыню до горного хребта. Все шли за ним, восхищаясь его умом и энергией. Потом авторитет его несколько поколебался, и верх взяла мудрость старика Гриммельмана.

Путники спустились по обрыву и, изнемогая от зноя и усталости, укрылись в тени. Немец отошел на несколько сот футов в сторону. Вскоре он вернулся и принес пять каких-то плодов, похожих на дыни. Все сидели молча. О'Брайен держал ружья на коленях; Джеферсон Смит медленно пил воду из жестяной чашечки. Старик достал перочинный нож, проткнул одну из дынь и принялся высасывать из нее сок.

— Дыня цамка, — улыбнулся Гриммельман, разрезая начатую дыню на четыре части и протягивая их Грэйс. — Передайте дальше, — сказал он. — Эти дыни сладкие. Бывают и горькие, те тоже съедобны. Если их здесь много, мы сумеем продержаться долго. И люди и животные могут употреблять их в пищу в течение многих недель. Они источник существования всего живого в этих местах. Бушмены и те не могут обойтись без дынь.

Старик насадил на нож другую дыню и бросил ее Стюрдеванту. Бэйн подошел сам и взял еще одну. Вскоре уже все потягивали сок и ели сладкую мякоть.

— Дыни цамка превосходно приспособились к окружающей среде, — продолжал старый немец. — Когда они созревают, корка, как видите, отвердевает, становясь все крепче и крепче, и сохраняет при этом воду и семечки. Кстати, они тоже съедобны. А когда начинаются дожди и наступает пора прорастания, корка лопается, и семечки высыпаются.

— Вкусно, — заметил О'Брайен. — Но сколько же их здесь?

— Чуть-чуть подалее — большая поляна, — ответил Гриммельман, показывая в сторону долины. — Надо пойти взглянуть. Если мы, конечно, решим остановиться здесь на

некоторое время. Хорошо бы набрать побольше дынь и сложить их в тени.

Английский язык старика был почти безукоризнен. Хотя говорил он с сильным немецким акцентом, все слушали его с удовольствием.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил Стюрдвант. — Ты говоришь совсем как мой дед, старый бур⁵, который тоже знал много всякой всячины.

— Я был много лет назад в Южной Африке, — ответил старик. — Участвовал в войне против племени гереро⁶. Воевать пришлось в пустыне, и я многому тогда научился. По-моему, сейчас мы находимся в Юго-Западной Африке. Ты полагаешь, это Калахари? Не все ли равно. Всего лишь пятно на карте.

— То была ужасная война, — заметил Смит. — Кое-что о ней я читал.

— Да, — продолжал Гриммельман, — ужасная война, впрочем, как и все войны. Мне стыдно признаться, что я участвовал в ней. Гереро — хорошие люди. Но поселенцам, видите ли, понадобилась их земля, их скот и их труд. Од-

⁵ Буры (африканеры) — народность в Южной Африке. Потомки голландских колонистов, основавших на юге Африки Капскую провинцию. После 1806 г., когда Англия, преследуя свои экспансионистские цели, захватила Капскую провинцию, буры переселились севернее, за реку Вааль, и образовали Республику Трансвааль и Оранжевое Свободное государство. В результате англо-бурской войны 1899—1902 гг. эти республики были ликвидированы и в 1910 г. включены в состав бывшего британского доминиона — Южно-Африканский Союз.

⁶ Гереро — народ, проживающий в Юго-Западной Африке и Анголе. Гереро занимаются скотоводством и земледелием.

В 1884 г. области, заселенные гереро, были захвачены немецкими колонизаторами. 12 января 1904 г. после издания колониальными властями указов о создании туземных резерватов и взысканий с гереро якобы налоговой задолженности, возникшей в результате установленных колонизаторами порядков, гереро подняли вооруженное восстание. В начавшейся войне против племени гереро хорошо вооруженные германские войска долго не могли подавить восстание. 11 августа 1904 г. в битве при Ватерберге двадцатитысячный экспедиционный корпус под командованием генерала Трота сломил силы восставших, после чего началось преследование гереро, закончившееся в 1907 г. их зверским истреблением. В результате кровавой расправы погибло более тридцати тысяч гереро.

В настоящее время гереро загнаны в резервации и влачат жалкое существование. Они лишены всяких политических прав, подвергаются жесточайшей расовой дискриминации со стороны властей ЮАР.

нако гереро не могли, да и не захотели покориться. Большая часть племени была уничтожена. Шестьдесят тысяч. В общем совсем так, как вы расправлялись с индейцами у себя в Америке.

Дыни были съедены, на твердом песке валялись теперь лишь одни корки. Старик, опершись на свою тяжелую трость, медленно поднялся и зашагал вверх по долине. Первым встал и двинулся за ним О'Брайен, а потом потянулись и все остальные.

— Ты что-то говорил о дожде,— обратился О'Брайен к немцу, поравнявшись с ним.

Гриммельман утвердительно кивнул, на мгновение остановился и перевернул тростью плоский камень размером со столовую тарелку. Две пестрые ящерицы бросились наутек.

— Да, о дожде. В этой части Африки дожди льют чаще, чем ты думаешь. А в некоторых районах осадков даже больше, чем об этом говорят официальные данные. Однако много ли в них проку, мой друг. Дожди-то выпадают, но вода так быстро уходит в песок, что через несколько минут от нее не остается и следа. В этой почве нет слоев, которые задерживали бы влагу. Если копать достаточно глубоко, можно и до воды добраться. Такие колодцы здесь называют шахтами. А на поверхности вода не задерживается. Иначе на территории почти всей Калахари можно было бы разводить громадные стада скота. Но воды нет. Кое-где после хорошего дождя образуются мелкие водоемы, но и они высыхают, а на их месте вырастает трава. Известно ли тебе, что с каждым годом земля в этом районе Африки становится все суше? Озеро, которое открыл знаменитый доктор Ливингстон и которое ты еще можешь найти на старых картах, более не существует. Оно исчезло. Высохло. И теперь по нему можно ездить на автомобиле. Засуха, а не джунгли — проклятие Африки, мой друг.

— А сейчас уже наступил сухой сезон? — спросил О'Брайен.

— Да,— ответил старик.— Сухой сезон. Не жди дождей, ибо ждать придется долго. Однако здесь должен же быть какой-нибудь родник. На склоне я заметил следы бабуинов.

— Надо надеяться.— сказал О'Брайен.

— Последний самый сильный дождь прошел здесь в 1934 году,— продолжал Гриммельман.— Я прочел об этом

в газетах, когда жил в Германии. Река Свакоп достигла тогда океана и вынесла столько гальки, что береговая линия отодвинулась в сторону моря. За последние десятилетия это был самый страшный ливень. Он срывал даже железнодорожные мосты. С тех пор ничего подобного уже не бывало.

Вскоре путники достигли пещеры, миновали ее и у подножья высокого утеса нашли естественный прудик шести футов диаметром и пяти — глубиной. Прудик был непроточным, однако вода в нем не застоялась и не просолилась. Вокруг росло несколько невысоких деревьев и виднелись следы животных и птиц.

— Теперь, пожалуй, мы останемся живы, — проговорил Гриммельман. — Пока есть вода, у нас есть на это шансы. Во всяком случае, на какое-то время.

Все опустились на колени и, черпая воду пригоршнями, начали жадно пить. Потом О'Брайен погрузил в прудик свою большую ковбойскую шляпу, надел ее на себя и громко расхохотался, когда вода побежала по его волосам и лицу. Грэйс плескала воду на лицо и шею. Опустив голову в прудик, лежал неподвижно Бэйн. Гриммельман попросил у Стюрдеванта чашечку и стал поливать живительную влагу на затылок. Смит обливал себя всего с головы до ног, а Стюрдевант окунул голову в воду, сбросил рубашку, наполнил одну из канистр и, приподняв ее над собой, принял душ. Довольный, он начал напевать веселую песенку «Вальсирующая Матильда».

Они возвратились на четверть мили назад к пещере, которую миновали ранее, двигаясь вверх по долине. Высокая и просторная, с дном, покрытым белым песком, и входом, который, как показалось Стюрдеванту, был достаточно широк для того, чтобы в него мог въехать грузовик, пещера представляла для них превосходное убежище.

О'Брайен достал из своего тюка карманный фонарик, и все последовали за ним в полумрак.

— Сюда, — позвал Гриммельман. Тростью он показывал на странные рисунки на ровной стене. — Живопись бушменов.

— Какая прелесть! — воскликнула Грэйс Монктон.

Глядя на странные фигурки, ожившие под лучом фонарика, все согласилось с ней. Это была динамичная живо-

пись: миниатюрные силуэты воинов с луками и стрелами, преследующих стройных газелей; отпечаток маленькой руки; сцена танцев. Сюжет другого рисунка, казалось, говорил о войне: рослые люди с копьями сражались против маленьких человечков с луками.

О'Брайен прошел дальше. Все двинулись за ним, не переставая восхищаться древними рисунками. Много лет назад здесь уже кто-то жил; быть может, и им тоже удастся выжить.

Пещера сузилась, песчаный пол стал подниматься круто вверх и внезапно закончился скалой. О'Брайен осветил фонариком, все подняли головы. Пещера уходила ввысь неровным конусом, словно высверленная в горе.

— Провал,— произнес Стюрдевант.— Труба. В древности по этой трубе стекала вода, она размыла более мягкие породы и образовала пещеру.

— Для бушменов,— добавила Грэйс.

— И для тех, кто здесь был до бушменов,— сказал Смит.— Возможно, люди жили здесь десятки тысяч лет назад и даже ранее. Готов держать пари, что, если копать песок, на большой глубине можно натолкнуться на древние стоянки, обнаружить кости, инструменты эпохи неолита и кремни для высекания огня.

— А может, бушмены до сих пор наведываются сюда? — предположила Грэйс.

Все невольно вздрогнули, словно эти слова произнес кто-то другой, им неизвестный, и они ощутили свою полную беспомощность.

— Возможно ли это? — усомнился О'Брайен.

— А где Бэйн?

Луч фонарика пробежал по лицам. Бэйна не было. Путники не на шутку встревожились.

— Бэйн, ...эйн... эйн...— ответило эхо, многократно отразившись от куполообразного свода пещеры.

— Пойдемте назад,— предложил Гриммельман.— Может, он остался у входа.

Они пошли обратно, быстро шагая по тонкому белому песку мимо наскальной живописи.

А Бэйн прилег на песке, чтобы хоть немного поспать и отдохнуть. Товарищи по несчастью окружили его.

— Я думал, мне лучше остаться здесь,— сказал он.— Что-нибудь случилось?

— Мы тебя потеряли,— проговорил О'Брайен.

— Я повернул назад, когда вы смотрели росписи на стене, — ответил Бэйп. — Кажется, у меня началась лихорадка из-за пореза на руке. Чувствую себя отвратительно.

— Надо достать одеяло, — сказал Смит. — Если мы собираемся оставаться здесь, можно развязывать тюки, — он вопросительно посмотрел на спутников. — Остаемся?

— Да, — ответил Гриммельман. — Здесь отлично. Нам определенно повезло. Находишь эта пещера чуть выше, она могла бы стать удобным пристанищем для бабуинов или леопардов, если они, конечно, тут водятся. Решено, мы остаемся.

Не дожидаясь возражений, старик вышел из пещеры. Каждый занялся своим делом. Смит внес вещи и достал одеяло для Бэйпа. Грэйс и О'Брайен отправились на поиски дынь. Гриммельман стал собирать сучья и складывать их у входа в пещеру. Стюрдевант вернулся к пруду, захватив с собой ружье, взятое у О'Брайена, так как у воды он заметил следы птиц.

С наступлением темноты похолодало, и пришлось одеть на себя все, что только было у них из одежды. Стена пещеры с наскальной живописью изгибалась, образуя нишу. Здесь, где лучше всего могло сохраниться тепло, Гриммельман развел костер. Один за другим все пододвинулись к огню и стали смотреть на пляшущее пламя, тени на стене, прислушиваясь к треску горящих сучьев.

Ужин состоял из дынь, принесенных О'Брайеном и Грэйс. Больше ничего не было. Стюрдевант стрелял по какой-то птице, но промахнулся. Судя по рассказу пилота, Гриммельман решил, что Стюрдевант упустил дрофу. «Мясо жаренной дрофы по вкусу напоминает индейку», — подумал старик, но предпочел не говорить об этом спутникам.

Никто не испытывал теперь ни голода, ни жажды. Дынь цамка и воды оказалось достаточно. А главное — они живы, у них есть пещера и огонь. Грэйс подняла глаза от костра к рисункам бушменов. Проследив за ее взглядом, Смит понял, что Гриммельман постарался развести костер так, чтобы не повредить живопись, и в то же время пламя костра позволяло ее хорошо рассмотреть. В бликах пляшущего огня маленькие фигурки, казалось, ожили: они бегали, прыгали, танцевали и сражались.

— И все-таки не вернуться ли они сюда? — снова спросила Грэйс.

Смит повернулся к ней и понял, что Грэйс обращалась именно к нему. Несмотря на все пережитое, светловолосая женщина держалась замкнуто и почти высокомерно. И это удивляло Смита.

— Вернутся? — переспросил он. — Кто знает? Этим рисункам, вероятно, не менее сотни лет. Однако здесь по-прежнему еще обитают дикие бушмены, если верить тому, что я читал. — Он повернулся к старику, ожидая от него подтверждения своим словам.

— Да, — поддержал его Гриммельман. — Что касается бушменов, то их, пожалуй, осталось немного, всего лишь несколько сот человек. Но есть еще и другие племена, смешанные, полудикие и полуцивилизованные. Их трудно отнести к какой-либо определенной группе, в том числе и к бушменам.

— Бушмены жили и в Родезии, — заметила Грэйс. — Так говорил мой дедушка.

— Знавал я этих бушменов, — продолжал старый немец. — Когда бродил по Юго-Западной Африке лет пятьдесят назад. Она еще была тогда немецкой колонией. «Попрыгунчики» — так их называли. Одни бушмены жили на побережье. Занимались сбором моллюсков. Другие — во внутренних районах страны. Низкорослые, не более пяти футов ростом. Не странно ли это, если хорошенько вдуматься? На земле в эпоху, когда человечество проникло в космос, все еще существуют люди каменного века.

— Как же, черт побери, удалось им выжить! — воскликнул Бэйн.

— Как и всем людям, — ответил Смит. — Они сумели приспособиться к окружающей среде.

— А ты считаешь, что это так просто? — возразил Бэйн. Завернувшись в одеяло, он тоже подсел к костру, пытаясь согреться.

— Ну, — засмеялся Смит, — может быть, я выразил свою мысль слишком сложно, но все это действительно так, и Гриммельман, надо думать, согласится со мной.

— Смит, конечно, прав, — подтвердил старик. — В настоящее время бушмены обитают в Калахари и Юго-Западной Африке. Они продолжают жить так, как жили еще в эпоху неолита. Охотятся совсем как австралийские аборигены, эскимосы или пигмеи Конго. Охота до сих пор для них — единственный источник существования. А ведь за это время выросли огромные города, образовались импе-

рии, прогремели мировые войны, возникла и развилась агротехника.

— Но почему бушмены оказались именно здесь? — снова спросил Бэйн. — В пустыне, где они вынуждены вести постоянную борьбу с природой, преодолевая огромные трудности?

— Их согнали сюда, — ответил Смит. — В книгах пишут, что бушменов вытеснили более сильные племена. Это обычная история. Могущественные племена захватывают земли, а коренных жителей или истребляют, или порабащают, или загоняют в болота, горы, пустыни. Выбора у бушменов не было. Завоеватели получали лучшие земли и обеспечивали себе более легкую жизнь.

Стюрдевант подбросил в костер небольшую ветку, все молча наблюдали, как огонь пожирал ее.

— Может быть, бушменов уничтожали банту⁷, — заявил пилот. — Полагают, что банту пришли на юг из Центральной Африки, вероятно, из Нигерии или из соседних с ней районов. Это совпадает по времени с проникновением ван-Рибекка и других голландцев в Южную Африку. Они тоже убивали и порабащали местные племена, которые оказались между двух огней: бурами и банту. Все большее число аборигенов вытеснялось в Карру, Калахари и другие безлюдные районы. Я — бур по происхождению и не стыжусь этого, но должен признать, мы жестоко обращались с бушменами и готтентотами⁸. Спускали на них собак, травили ядами, чего только ни делали... Охотились за ними, как за преступниками. Мне кажется, аборигенов преследовали только за то, что они никак не хотели считать коров и овец домашним скотом и могли, не понимая

⁷ Банту — народы, расселенные в южной половине Африканского материка, говорящие на языках семьи банту. Численность около 69 млн. человек. Происхождение банту до сего времени точно не установлено. Предполагают, что они выходцы из Южного Судана. Большая часть банту занимается земледелием, а в Южной и Восточной Африке — животноводством.

В настоящее время значительная часть банту, как и гереро, согнана в резерваты.

⁸ Готтентоты — народ, живущий в Юго-Западной Африке, весьма сходный с бушменами по антропологическим признакам и языку. В период войны против племени гереро готтентоты, предводительствуемые Г. Витбоем, вели борьбу с немецкими колонизаторами, но в 1907 г. потерпели поражение.

Готтентоты занимаются охотой и скотоводством. Работают на полях белых фермеров либо согнаны в резерваты.

принципа частной собственности, уничтожать бессловесных животных, которые от них не убегали.

Все с удивлением посмотрели на пилота. Они знали Стюрдеванта как грубоватого и резкого человека, который ограничивался лишь сухими приказами. Неожиданно он сделался мягче и как-то спокойнее.

— Их преследовали даже в пустыне,— добавил Гриммельман.

— Здесь можно провести любопытную параллель,— продолжал Стюрдевант.— События стали повторяться, только на этот раз меж двух огней оказались буры. С одной стороны, их теснили зулусы⁹, пришедшие с севера, а с другой — англичане. Бурам пришлось уйти в труднодоступные районы, чтобы совершить роковую ошибку — найти золото и алмазы, которые, разумеется, захотели иметь и англичане.

— Бушмены вполне могут быть в этих местах,— заметил Бэйн.— Неплохо было бы установить с ними контакт и потребовать, чтобы они вывели нас отсюда.

— Я не заметил здесь никаких следов их пребывания,— сказал Гриммельман.

— А разве они оставили бы что-нибудь после себя?

— Ну, например, кости,— ответил старик.— Следы костров. Или еще что-либо. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что вот уже сотни лет здесь не было ни одного человека.

— Вполне можно предположить, что бушмены сейчас наблюдают за нами,— проговорил О'Брайен, пристально глядя на огонь.

Все повернулись, но не в его сторону, а туда, ко входу

⁹ Зулусы (амазулу) — одна из народностей языковой группы банту, населяющая провинцию Наталь в ЮАР. В XIX в. произошло объединение зулусских племен во главе с Дингисвайо, а впоследствии во главе с выдающимся африканским вождем Чакой. Для борьбы против англо-бурского вторжения была создана армия, в которую входило все мужское население. Зулусская армия оказывала ожесточенное сопротивление захватчикам, однако войскам буров в 1838 г. удалось разбить зулусов.

В 1879 г. английские войска начали новое вторжение на территорию, населенную зулусами. Армия зулусов была разгромлена. В 1887 г. территория зулусов включена в состав колонии Наталь под названием Зулуленд.

Значительная часть зулусов работает на фермах и плантациях европейцев, предприятиях обрабатывающей промышленности, рудниках и в портах.

в пещеру, окутанному сплошным мраком. Грэйс вздрогнула.

— Нас привел в пещеру древний инстинкт,— продолжал О'Брайен.— Но бушмены вряд ли руководствуются этим инстинктом. Каждую ночь они могут проводить на новом месте под открытым небом.

— Похоже, что так,— вставил Гриммельман.— Мысль правильная.

— Бушмены могли пройти мимо этой пещеры на прошлой неделе, напиться из прудика, убить себе на обед какую-либо дичь и двинуться дальше. Зачем им оставаться в этом проклятом богом месте, если они могут свободно передвигаться по пустыне, не боясь умереть от жажды? Мы оцениваем их поступки лишь с нашей точки зрения и судим о них по себе.

— Тогда художник, вероятно, наш современник,— заметил Смит.

Все посмотрели на рисунки и пляшущие на них тени. Выглядело все это очень красиво.

— Каким же образом, черт возьми, они умудряются жить в пустыне,— недоумевал Бэйн.— Как они не погибли здесь?

— Бушмены — лучшие в мире охотники,— ответил Гриммельмай.— Их оружие — луки с тонкими стрелами, наконечники которых пропитаны только им известными ядами. На охоте они перенимают повадки животных: вплотную подползают к газели, пускают стрелу, потом часами, а порой даже целыми днями, преследуют ее. Напав на след, они уже не потеряют его. Так же охотятся и австралийские аборигены. Именно такими и должны быть охотники каменного века, вынужденные приспособляться к окружающей обстановке. Лук и стрелы — оружие весьма примитивное. Если бы не яд, применять его вообще было бы бессмысленно. Когда дичи нет, бушмены собирают дыни, такие же, как только что ели мы, кроме того коренья, различные клубни, ягоды, мед, смолы и луковицы. В пищу идут ящерицы и змеи, насекомые, муравьиные, птичьи и особенно страусовые яйца, ямс, семена и личинки — все, что только может переварить желудок. Я вижу брезгливое выражение на ваших лицах, друзья мои. Вероятнее всего, скоро и мы перейдем на подобную пищу. Кое-что, во всяком случае надеюсь, нам удастся найти. Завтра мы должны выяснить, что еще есть в этой долине.

— Завтра мы проведем здесь последний день,— отрезал Стюрдевант.— С утра я поднимусь на тот пик, откуда хорошо видно все кругом. Мы наполним водой канистры и пойдем дальше. Нельзя больше оставаться в этой долине.

— Наверяд ли ты что-нибудь и увидишь с той скалы,— сказал Гриммельман.

— И все-таки следует попытаться,— поддержал Стюрдеванта О'Брайен.

— Безусловно,— согласился старик.— Но не обманывайте себя напрасными надеждами. Калахари — это мир в себе. Ее называют «Громадной Страной Жажды».

— И надо же нам было разбиться именно здесь,— спокойно, словно про себя, проговорил Бэйн.

Этот наивный вопрос возник у него случайно, но все как-то невольно вздрогнули. Ведь каждый из них все время думал об этом, но никто не решался высказаться вслух.

— Наверное, на нас прогневались боги,— фыркнул О'Брайен. Неожиданно он повернулся к Грэйс и заговорщически подмигнул ей. Молодая женщина вспыхнула и отвернулась.

— Интересно,— протянул Стюрдевант.— Интересно...

Все повернулись к нему. Он подержал в руках ветку и затем швырнул ее в костер. Искры взметнулись вверх, в темноту.

— У меня порой возникает чувство, что я чужой здесь,— сказал он.— Я хочу сказать, здесь, в Африке. Когда лечу один и смотрю вниз из кабины самолета, то иногда чувствую себя стервятником, прилетевшим поживиться. Все мы здесь чужие и прекрасно понимаем это. Африка — не наша земля. Она принадлежит африканцам.

— Но ведь вы родились здесь,— возразила Грэйс, хотя сама думала почти так же.

— У нас нет в Африке никаких прав,— продолжал пилот.— Это страшно несправедливо, когда поработают человека на его собственной земле, когда одним позволено все, а другим — ничего. Мы за все еще поплатимся.

— Да,— подтвердил Гриммельман.— Велика наша вина перед Африкой. Сколько ужасного здесь совершено! Если нам суждено страдать, то лучше уж страдать здесь. Это послужит нам отпущением грехов.

— Не городите вздор,— прервал его О'Брайен.— Мы в пустыне, вот и все. Выберемся и отсюда. Самолет потер-

пел аварию над Калахари. Только поэтому мы и оказались здесь.

— И уже достаточно пострадались,— добавил Бэйн.— Выжить в таких условиях трудно не только здесь, но и вообще где бы то ни было.

— Я человек религиозный,— спокойно проговорил Гриммельман,— и уже стар; меня принудили делать зло, и я совершил много такого, что противоречило совести.

— И я тоже,— согласился с ним Бэйн.— Но то, что мы осознали это, и есть достаточное наказание. Разве не тяжело жить, зная, сколько тобой совершено зла!

— Все мы чувствуем себя в чем-то виноватыми,— произнес Смит, придвинувшись поближе к костру. Он немного помолчал, глядя на огонь.— Я думаю, что сознание вины может до известной степени примирить нас со страданиями, выпавшими на нашу долю. Мы стараемся найти в них какой-то смысл. Стюрдевант чувствует себя виноватым, потому что он бур из Южной Африки. У Гриммельмана иные причины. И, знаете, у меня тоже есть чувство вины. Но совсем другое. Я знаю, что здесь царит рабство, унижение и гнет, которые должны выносить люди моей расы. И мне становится стыдно, что я никогда этого не испытывал, что родился свободным, не равным с белыми, но все же свободным. Мне не приходилось страдать...

— До тех пор, пока ты не очутился здесь,— прервал его О'Брайен.

— Мне кажется, я сумел сохранить в душе старую как мир мудрость,— вступил в разговор Стюрдевант,— «око за око, зуб за зуб».

— Не надо каяться,— сказала ему Грэйс.— Я думаю, у нас у всех такое же чувство. Мы виноваты. Но что мы можем сделать?

Гриммельман кивнул. Грэйс с тревогой смотрела на сгорбившегося Майка Бэйна, который наклонился вперед и, закрыв глаза, закутался в одеяло. Он выглядел очень плохо. Чем можно было ему помочь?

Вокруг царило спокойствие, и только за стенами пещеры шумел ветер в темноте ночи. О'Брайен встал и начал готовить себе постель в кругу, обогреваемом костром. Один за другим принялись укладываться спать и остальные. Смит принес Бэйну воды и помог удобнее устроиться на ночь. Костер погас. В пещере становилось все холоднее. Но товарищи по несчастью уже крепко спали.

Наконец взошло солнце. Оно принесло с собой тепло. Путники ждали его, лежа без сна в предутренней тьме, видели, как оно поднималось и придавало серо-голубому небу у горизонта красноватые оттенки. Им казалось теперь, что они могут постичь смысл обожествления солнца в доисторические времена, ритуалов и жертвоприношений в честь великого светила. Без солнца мир казался бы бесплодным, застывшим и бесцельно мчащимся в черном космическом пространстве.

А солнце поднималось все выше. Жара загнала ночных тварей в узкие расщелины скал. Послышалось жужжание насекомых, этих спутников дня; появились пернатые; из своего логовища вылезли ленивые полусонные и сердитые бабуины. С востока подул ветерок: ночной прохладный воздух устремился к теплому морю.

Наступил долгий день, день, в котором царило только солнце, безжалостно обрушившееся в своем торжестве на песок, скалы, засохшие деревья пустыни. Время от времени раздавался сильный треск. Это раскалывались скалы и большие камни, когда одна их сторона становилась горячее другой и возникал резкий перепад температур. Солнце господствовало над пустыней. Все живое или приспособлялось к нему, или погибало.

В этом мире все повторялось: солнце, ветер, редкие дожди. Песок, летящий с ветром, подтачивал мягкие скалы; они крошились, оседали, сами превращались в песок и, в свою очередь, разрушали утесы из известняка, пробивали ущелья, дробили более твердые скалы из кристаллических пород, одиноко возвышающиеся посреди песчаных полос, которые захватывали все большее пространство. В течение ряда геологических эпох суша поднималась, образуя возвышенные плато и остроконечные горные цепи. Шли продолжительные дожди, и сбегающая с гор к морю вода промывала узкие расщелины в земле среди скал. Непрекращающееся соперничество сил природы привело в конце концов к тому, что земля эта стала суровой, неприступной и безжалостной.

Когда совсем рассвело, всем стало ясно, что уйти из пещеры не так-то легко. Они были слишком измучены, да и ночной холод еще давал себя знать. Возбуждение первого дня измотало их окончательно. Страшная усталость не позволяла тронуться с места. Они понимали, что необходимо подняться на пик, прежде чем хоть куда-нибудь идти, но

даже для этого надо было немного отдохнуть, вдоволь напиться и поесть великолепных дынь.

Первыми поднялись О'Брайен и Стюрдевант. Пройдя через каньон, они нашли место, где валялось множество засохших, покрытых колючками деревьев. Пилот собрал сучья и разжег костер с помощью сухой травы и древесной коры. В огонь бросали все, что могло гореть, тлеть или просто дымиться. Корни деревьев подгнили, и двое мужчин без труда заготавливали дрова.

Костер разгорался. Громадный столб дыма поднимался из каньона и, казалось, достигал облаков. В почти неподвижном воздухе дым становился все гуще, приобретая грибовидную форму. Стюрдевант и О'Брайен продолжали подбрасывать в костер сломанные сучья и гнилые стволы. Оба почернели от копоти и грязи, одежда их порвалась, глаза слезились от сильного жара. Спустя некоторое время они в изнеможении присели в тени деревьев и молча смотрели на дым, пытаясь угадать, как далеко он мог быть виден. Отдохнув около часа, Стюрдевант и О'Брайен вернулись обратно к прохладной пещере.

В каньоне водились ящерицы. В тот же день Гриммельман убил одну из них тростью, отрезал ей голову, хвост и лапки, выпотрошил, поджарил и съел. Все смотрели на него с чувством глубокого отвращения. Они не могли даже представить себе, что смогут сами съесть ящерицу на завтрак или обед. Но надо было предусмотреть и такую возможность. Пожалуй, ящерицу еще можно как-нибудь проглотить с закрытыми глазами. Дыни цамка приятны на вкус, но ведь шесть человек не смогут долго прожить, питаясь одними дынями. Если они не уйдут отсюда или не раздобудут какую-либо другую пищу, то им придется есть и ящериц.

— Для меня это не впервые,— произнес Гриммельман.— Действительно, ешь с отвращением. Но к ящерицам можно привыкнуть. По вкусу они чем-то напоминают цыпленка.— Он облизал пальцы и вытер их песком.

— Пора подниматься на скалу,— напомнил О'Брайен пилоту.

— Не сегодня,— ответил Стюрдевант.— Я слишком слаб. Да и ты тоже. Отдохнем немного. Будем есть дыни, пить воду и спать. Может быть, завтра...

— Я не стал бы есть ящериц, раз это внушает вам отвращение,— продолжал старый немец.— Но приходится

приспосабливаться к здешним условиям. Выжить — это значит приспособиться.

— Мы уйдем отсюда,— возразил ему Стюрдевант.— С вершины пика местность просматривается на сотни миль.

— Но мы не сможем идти пешком сто миль,— заметила Грэйс.— И мне кажется, что у меня уже не хватит сил вернуться к самолету.

— Ну, я-то смог бы,— сказал пилот.— Если идти по ночам, имея запас воды, сотню миль пройти можно. И даже больше.

— Сотней миль, возможно, не ограничишься,— заключил Гриммельман.

Наступила вторая ночь. Все собрались вокруг костра.

— Когда начнутся дожди? — спросил Смит Стюрдеванта.

— Через пять или шесть недель,— ответил, немного подумав, пилот.— Для нас это слишком большой срок. Дожди выпадают в феврале и марте, в остальное время года здесь сухо, как в аду. Лишь только на два месяца покажется зелень, да и то в наиболее плодородных районах страны, а не здесь. Как только дожди прекращаются, все снова пересыхает. Но этот период — самое лучшее время года до начала нового сезона дождей. Если для коров и овец не заготовить кормов на сухой сезон, они подохнут с голода.

— Иногда трава воспламеняется и возникают страшные пожары,— добавил Гриммельман.— После такого пожара и до начала дождей расти уже ничто не будет. Для животных это гибель.

— Я никак не могу привыкнуть к холодным ночам,— произнес вдруг Смит.— Все забываю, что мы находимся на высоте около трех тысяч футов над уровнем моря.

— Напрасно мы сожгли столько деревьев,— сказал О'Брайен.— Гораздо разумнее было бы сразу же идти дальше, а не сидеть в этой пещере.

Стюрдевант кивнул. Американец был прав.

— Ну, так как же? Остаемся мы здесь? — спросила Грэйс.

— Право, не знаю,— ответил пилот.— Надо выяснить, как далеко тянутся эти горы. Я должен подняться на пик и осмотреться. Нам и так повезло, что мы набрали на это место и нашли воду. Это был один шанс из миллиона.

Все понимали, что им страшно повезло: уцелеть при катастрофе и каким-то чудом оказаться вблизи гор в пустыне! Однако это вовсе не означало, что они спасены. Надо уходить. Пещера — временное убежище. И, как только Стюрдевант установит, куда следует идти, они наполнят канистры водой и пойдут.

Становилось холодно. Пока не оставалось ничего другого, как завернуться в одеяла и погрузиться в глубокий сон.

Утром их разбудили голоса птиц.

Путники раздули головни в костре, подбросили хвост, но еще с полчаса никак не могли согреться. На завтрак были все те же дыни цамка, которые они запивали подогретой на костре водой.

— Ну, сегодня мы, наконец, поднимемся на пик, — опять начал настаивать О'Брайен.

— Я думаю об этом, — Стюрдевант бросил корку от дыни. — Захватим с собой одну канистру с водой. Могу вас заверить, там, наверху, будет жарко.

— В бинокль мы, пожалуй, увидим Виндхук, — сказал О'Брайен.

— Не говори глупости, — возразил пилот. — У меня такое чувство, будто мы находимся на Луне.

Они вышли из пещеры и посмотрели на пик. Лучи утреннего солнца еще не опалили жаром землю.

— Ну, что ж, отлично, — произнес Стюрдевант, потягиваясь и позевывая.

Все почувствовали облегчение. Уже два дня путники строили различные предположения, пытались угадать, что откроется перед их взором, когда они поднимутся на вершину.

Майк Бэйн сидел молча, пригреваемый теплыми лучами восходящего солнца. Немая просьба взять его с собой застыла на лице американца. Никогда в жизни ничего ему так сильно не хотелось. Однако и так было ясно, что они все равно его не возьмут. Бэйн слишком уж слаб и болен. Пройдет несколько минут, он встанет, поплетется в пещеру; кто-нибудь принесет ему воды; потом кое-как доползет до своей подстилки, уснет, и кошмарные сны будут преследовать его. Майк чувствовал приближение смерти; все тело пронизывала жгучая боль, горели горло, рот, же-

лудок. Ему нужны сигареты, сигареты и настоящая еда. Хлеб. Мясо. А не эти пресмыкающиеся гады, ползающие по пескам. Если боль не утихнет, останется одно: взять ружье и застрелиться.

Бэйн встал и вошел в пещеру. Светловолосая женщина подошла к нему и опустилась рядом на колени.

— Вам не лучше? — спросила она.

— Нет. У меня нервное потрясение. Сказывается отсутствие спиртного и сигарет. А тут еще голод, напряжение, порезанный палец, палящее солнце. Это чертовски много для меня. После войны я никак не могу войти в форму.

— Вы были солдатом?

— Я служил на флоте. Но не на кораблях. Наши подразделения получили название «морские пчелы». Мы строили аэродромы, лагеря, порты.

— Вам нравилось воевать? — Грэйс всегда считала, что все мужчины любят воевать.

— Мне нравилось строить, — ответил Майк. — Мы создавали фантастические вещи с помощью бульдозеров, кранов и камнерезов. Вам трудно это себе представить... вернее, невозможно.

— Вижу, вам действительно нравилось строить, — Грэйс решила сделать ему приятное. Он разговаривал, и это был хороший признак.

— Да, нравилось. Мы прокладывали дороги сквозь болота и джунгли, мостили их щебенкой из кораллов. Иногда я вспоминаю эти дороги, мосты и здания. Пользуются ли ими? А может, время, джунгли, дожди снова все разрушили? Мне хотелось бы верить, что люди ремонтируют их и используют по назначению.

— А что вы делали в Нигерии и других местах? — спросила Грэйс. — То же самое?

— Да, — продолжал Бэйн. — Строил все, что было необходимо. Я принадлежу к типу инженеров непоседливых и буйных. У меня есть фантазия. Если даже мне не хватает и половины материала, я все равно доведу дело до конца. Научился этому в глуши, да и на войне тоже. Часто тебе направляют негодный материал, половина которого разворовывается и продается на черном рынке, порой присылают ненужных людей, приходится не только выполнять большую часть работы самому, но и учить подчиненных. Эта жизнь не из легких, особенно, если ты человек честный и любишь работать.

Грэйс принесла воды. Выпив, Бэйн почувствовал себя значительно лучше. Женщина ушла, а американец еще долго думал о ней, пока сон, наконец, не сморил его.

Пока он спал, Стюрдевант, О'Брайен, Джефферсон Смит и Грэйс Монктон ушли к пику.

Гриммельман медленно шел вниз по каньону. Он высматривал пчел, следы дичи и пытался обнаружить хоть какие-нибудь признаки присутствия людей в долине. Старик полагал, что судьба занесла их в пустыню Намиб. Правда, Стюрдевант и сейчас продолжает утверждать, что они в Калахари, но пилот ошибается. Авария произошла в Юго-Западной Африке. Впрочем, это ничего не меняет: и там и тут пески, солнце и безлюдье. Но даже запахи здесь были характерны только для Юго-Западной Африки...

И теперь Гриммельман уже не мог думать ни о чем ином. Мысли его непрерывно возвращались к первым месяцам его пребывания в Африке, к тем тяжелым временам, о которых ему так не хотелось вспоминать! Перед его глазами проходили война против племени гереро, их преследование в пустыне, товарищи, погибшие в ту войну. Всю жизнь Гриммельман пытался загнать эти воспоминания в самые дальние закоулки своего мозга, и вот теперь все всплыло вновь. Судьба снова привела его сюда. Земля Африки ждала Гриммельмана.

Январь 1904 года. Вильгельмсхафен. Это случилось сразу же после рождества. День был ясным и холодным. Образовав длинную линию коротких голубых курток и высоких желтых сапог, группа солдат, взволнованных неизвестностью, словно приросла к цементному пирсу в ожидании посадки на пароход. Их отправляли в Африку, точнее Юго-Западную Африку, чтобы отомстить за «бедных» колонистов, в большинстве своем выходцев из Шлезвига и Баварии. Они ехали в Африку, чтобы истребить всех черных, совершивших, как они читали в газетах, «тяжкие преступления», чтобы защитить немецкую колонию и восстановить «честь Германии».

Тот день трудно забыть. Громыхая сапогами по булыжникам, они шли по улицам, направляясь в порт. Впереди — оркестр, вокруг — толпы народа. Все веселились, аплодировали, размахивали руками и распевали песни.

Посадка окончена, и вот уже пароход бороздит океанские воды. На третий день им выдали новые светло-коричневые мундиры и песочного цвета тропические шлемы. Солдат забавляли странные головные уборы и нелепые, не по росту сшитые мундиры. Они рисовались и паясничали друг перед другом до тех пор, пока офицер не прикрикнул на них.

Прибыли в Свакопмунд. Пароход бросил якорь, его качало на сильной зыби. Стоял густой туман. Все столпились вдоль бортов, стараясь разглядеть берег. Вскоре туман рассеялся. Солдаты застыли в изумлении, увидев только несколько поржавевших судов, а за ними — бесконечную полосу красновато-белых песков. И ничего больше. А они ожидали увидеть пальмы, туземцев в соломенных шляпах, обезьян, болота и джунгли. Но здесь было лишь море и небо да нескончаемые пески. Виднелись только несколько длинных, низких, похожих на бараки зданий и маяк, вырастающий прямо из песка. Это и был Свакопмунд.

На следующий день солдаты сошли с парохода и, подгоняемые унтер-офицерами, поспешно двинулись через пески, то и дело поправляя на ходу сползавшие с плеч винтовки.

Никто не приветствовал их здесь. Казалось, они высадились где-то на Луне. Построившись в колонну, солдаты зашагали на железнодорожную станцию. В те времена вагоны таскали совсем крохотные мотовозы. Поначалу солдаты даже не приняли их всерьез и долго стояли в нерешительности, пока унтер-офицеры громкими криками не загнали солдат в маленькие тесные металлические вагончики. Спустя час поезд тронулся. За окнами мелькали лишь бесконечные песчаные дюны.

Начался подъем, который вскоре стал так крут, что солдатам пришлось выскочить из вагончиков и подталкивать поезд. Так продолжалось весь день, и только к вечеру они достигли конца гигантского склона. Теперь в двадцати пяти милях позади можно было увидеть Свакопмунд, океан и бесконечную полосу песков. А впереди возвышалась дикая и грозная цепь гор. Некоторые из них видели горы впервые в жизни, и сам вид их внушал страх. Даже баварцев поражала эта гигантская масса камня, завершающаяся острыми пиками, которая поднималась перед ними. Стемнело и похолодало. Все развернули белые шерстяные одеяла, пытаясь поудобней устроиться в тесноте раскачива-

ющихся и скрипящих вагончиков. Откуда-то послышалось грустное пение:

«Doch mein Schicksal will es nimmer
Durch die Welt ich wandern muss.
Trautes Heim, dein denk' ich immer...»¹⁰

Утро было солнечным. Над дорогой угрожающе нависали утесы. Поезд долго шел по тесному ущелью среди гор и, наконец, остановился около вытянувшихся в ряд навесов. Сварили рис и кофе. Почистив посуду, двинулись дальше. Воды оставалось все меньше и меньше, пить можно было теперь только с разрешения начальства. После полудня поезд, наконец, вырвался из гор и помчался по обширному плато. Пейзаж изменился. Почва стала красновато-желтой, кое-где пробивалась скудная и жесткая трава, похожая на рожь, местами виднелись густые кусты. Время от времени пролетали птицы, пробежала газель. Все почувствовали облегчение, напряжение спало, завязались разговоры.

Вскоре миновали сожженную ферму и какие-то могилы близ обуглившихся стен. Под вечер поезд остановился у большой станции. Все улеглись спать прямо на земле. Это казалось роскошью после холодной ночи, проведенной в тесных вагонах.

Наутро солдаты увидели реку, но она пересохла: по бесплодной местности тянулась лишь лента чистого сухого песка. Земля становилась мягче, а вдали показались зеленые склоны еще одного хребта.

В полдень прибыли в Виндхук. Маршируя по улицам города, солдаты видели улыбающиеся лица прохожих. Поднявшись на холм, попали в форт. Здесь строй распался: все бросились под струи воды, вытекающей из ржавых кранов, установленных на внутренней стене.

Солдаты форта — пожилые мужчины и совсем еще юнцы, пошедшие в ополчение после восстания аборигенов, — были местными поселенцами. Они носили широкополые шляпы и высокие сапоги. В этой стране они жили уже много лет подряд, сохраняя стоическое спокойствие, и могли стать хорошими проводниками.

¹⁰ «Предназначен мне судьбою
Путь далекий в край чужой.
Но с отчизной дорогою
Остаюсь навек душой...»

Здесь были и пленные: гордые африканцы, мужчины и женщины, совсем не походившие на побежденных. Девушки блистали странной красотой, в то время как большая часть пожилых женщин выглядела просто страшно. Некоторые из них курили трубки...

Наклонившись, Гриммельман внимательно вглядывался в следы на песке. По-видимому, это бабуины. Их полным-полно на здешних утесах. Старик пошел дальше, помахивая своей тяжелой тростью. Надо бы выбросить из головы свое прошлое и сосредоточиться на настоящем. А получалось так, что все его мысли постоянно возвращались на полвека назад, к тем давним временам, когда он был совсем еще молод.

* * *

На мертвые скалы опустился зной; все застыло...

Неожиданно в воздухе мелькнула яркая стрелка: низко над землей повисла оса. Она внимательно осматривала валуны, камни и высохшую траву. Вот на глаза ей попался муравейник, и она улетела прочь. Оса всматривается в пору: из мрака тянется к ней язык ящерицы. Она вновь улетает, и через какой-нибудь час изящное насекомое находит своего врага — громадного тарантула.

Большой паук выскакивает из своей норки. Он голоден, а оса, что летает над ним, так аппетитна. Сейчас он схватит насекомое и утащит в свою норку.

Завязывается борьба. Паук — мохнатое и сильное чудовище. Оса стремительна и отчаянно безрассудна. Крепкие челюсти паука готовы схватить ее, но та ловко увертывается. Наконец пауку удается ударить осу лапкой и оглушить; кажется, он выигрывает бой, но в последний момент оса ускользает. Борьба продолжается. Сверкающая на солнце черная рапира — жало — наготове. Вот оса позволяет тарантулу приблизиться, падает, катится по земле и, как только паук пытается схватить ее челюстями, вонзает жало в его большое мягкое брюшко. Тело наука содрогается и сжимается от боли, а оса отлетает в сторону, но тут же возвращается обратно. Шатаясь от яда, тарантул пытается нанести еще удар, но рапира колет его снова и снова. Потом оса наблюдает издалека, как падает ставшая совершенно беспомощной ее жертва.

Оса тащит большое тело паука по камням на песок, потом, отбрасывая камешки, роет ямку и сталкивает в нее еще теплое тело поверженного врага. Некоторое время она отдыхает, потом зарывает ямку и, отложив яичко, улетает. Из яичка вскоре выйдет личинка, которая будет питаться телом тарантула до тех пор, пока не станет осой и не улетит.

* * *

Стюрдевант все время шел впереди. За ним О'Брайен и Грэйс Монктон, заключал процессию Джефферсон Смит. Мысли их целиком сосредоточились на конечной цели пути, но они не заговаривали о ней: слишком большое значение имел для них этот пик. Их жизни зависели от того, что они увидят с той самой высокой точки.

— Чем вы занимались в Родезии, миссис Монктон? — спросил О'Брайен.

— Скотоводством, — ответила Грэйс. — Разводили коров и овец.

— А сейчас вы из Нигерии?

— Да, — подтвердила она. — В прошлом месяце мы с отцом летали туда, чтобы повидать дядю. Отец не виделся с ним после окончания войны. Он возвратился раньше, а я задержалась на две недели и отправилась в обратный путь одна.

— А отец ваш не знает, что вы вылетели домой?

— Нет. Я не успела сообщить ему. Долетела до Леопольдвилья, опоздала на самолет до Ливингстона и попала на «Импалу» вместе с вами. Дождись мы рейсового самолета, с нами ничего, наверное, не случилось бы.

О'Брайен промолчал. Он тоже опоздал на свой рейс и вынужден был сесть в самолет южно-африканской компании «Импала», которая, вообще-то говоря, располагала хорошими машинами и отличными пилотами. Но тут им не повезло. Из-за неполадок в двигателе пришлось приземлиться в Анголе. Ночь он провел в старом португальском отеле, утром познакомился со Стюрдевантом, в прошлом летчиком-истребителем. За завтраком тот предложил доставить их в Виндхук. У него был сверкающий новенький самолет; пилот, по-видимому, успел разбогатеть, совершая коммерческие полеты и перевоза оборудование и шахтеров за хорошую плату. Итак, они сели в его самолет и вылетели в юго-восточном направлении. Ночью неожиданно

поднялся резкий ветер. Самолет бросало словно щепку, и к рассвету стало ясно, что они окончательно сбились с пути. Стюрдевант вел машину над бесконечными песками и скалами почти на бреющем полете. Горючее кончалось.

— Миссис Монктон,— снова обратился к Грэйс О'Брайен,— а ваш муж? Он остался в Нигерии?

— Я развелась с ним,— ответила Грэйс после некоторого колебания.

О'Брайен кивнул.

— В Африку я вернулась в прошлом году,— продолжила она.— Из Англии. Решила после развода остаться с отцом.

— Понимаю,— проговорил О'Брайен. Ему было интересно все: и что за человек ее муж, и хорошей ли она была женой.

— Не думаете ли вы, что пилот «Импалы» так глуп, что не сможет сосчитать, сколько будет два плюс два? — в свою очередь спросила Грэйс.— Ведь он знает, что мы вылетели со Стюрдевантом.

— Да,— согласился О'Брайен.— Только не знает, что мы разбились. Такой парень, как Стюрдевант, всегда в пути. Он покидает аэродром, чтобы взлететь в голубое небо — и все. Его не ждет никто. Полеты не регистрируются. Тот пилот из «Импалы» полагает, что мы уже в Виндхукке, а оттуда каждый отправился своим путем. Стюрдевант же, по его мнению, летит снова на какую-нибудь шахту в Катанге или, возможно, работает по заданию южноафриканского правительства, если ему удалось заключить контракт. Никому и в голову не придет, что мы потерпели аварию.

— Удалось определить, где мы находимся? — спросила Грэйс.

— Стюрдевант утверждает, что в Калахари.

— Все здесь напоминает мне Неваду,— сказал Джефферсон Смит, поравнявшись с ними,— или пустынные районы Калифорнии. Застывшие голые горы, глина, песок и редкие кусты, совсем как у нас на Юго-Западе.

— Я сам из Калифорнии,— вставил О'Брайен.— Ты прав. Здесь все, действительно, похоже на Юго-Запад. Там, в Штатах, считают, что Африка — это сплошные джунгли или же какая-то бескрайняя степь. И, только очутившись в Африке, начинаешь удивляться, как она иногда чертовски напоминает Аризону или Техас.

— Вы профессор, не так ли? — обратилась Грэйс к Смигу. — Мне кажется, кто-то говорил это.

— Да нет, я ассистент профессора, — ответил Смит, — и работаю над докторской диссертацией. Мне удалось приехать сюда на год благодаря стипендии от фонда Форда. Просто пытаюсь обобщить все, что нам известно об Африке до проникновения в нее европейцев, в особенности о Черной Африке.

— И где же ты преподаешь? — спросил О'Брайен.

— В Гарварде.

— По сравнению с тобой я суший варвар, — О'Брайен присвистнул. — Мне удалось окончить колледж только потому, что играл в футбол, а в ректорате был мой дядя. Сюда я приехал поохотиться. Звучит чертовски просто, не правда ли?

— Да, — согласилась Грэйс. — Охотиться можно было и в Америке.

— А почему вы не остались в Англии разводить коров, миссис Монктон? — отпарировал О'Брайен.

Она улыбнулась. Почему он не назвал ее просто Грэйс?

— Что касается меня, — начал Смит, — то мне следовало бы иметь больше здравого смысла и не волноваться. Чего стоят все эти трудности перед тем, что пришлось пройти моим предкам, которые изнывали от жажды и голода в тесных трюмах рабовладельческих кораблей!

Они расхохотались впервые за последнее время.

Стюрдewanт, ушедший далеко вперед, обернулся и по дождал, пока они не поравнялись с ним.

Грэйс Монктон возвращалась домой. Она родилась и выросла на ферме, так же как ее мать и бабушка. Родные Грэйс уже давно жили в восточной части Капской провинции. Они были потомками поселенцев двадцатых годов прошлого века, которых английское правительство после наполеоновских войн собрало и отправило в Южную Африку.

Грэйс была богата. Ее родители, которым принадлежало несколько овцеводческих ферм, занимались разведением лошадей, породистых овец и буйволов. Первый их предок завладел этой землей и сумел отстоять ее. Сотня акров для Британии была бы фантастическим богатством, но здесь она казалась ничтожным клочком земли, тем более что

почва была сухая, не поддающаяся плугу. Большинство поселенцев отказались возделывать ее, перебрались в пограничные города и нашли другие средства к существованию. Но были и такие, которые остались. Они захватили громадные пространства земли и стали отводить их под пастбища для крупного рогатого скота и овец. Вначале у них были лишь небольшие усадьбы, но с годами эти владения превратились в колоссальные имения с несколькими тысячами акров земли.

Грэйс выросла под открытым небом, буквально сидя в седле. Она не стала светской дамой, несмотря на полученное образование, усилия учителей и знание этикета, унаследованное от местного общества. Ей были присущи настойчивость и дух искания, что очень огорчало отца Грэйс, человека занятого. Иногда он задумывался над тем, правильно ли поступил, не отпустив ее из дома и предоставив возможность расти на ферме среди рабочих. Мать умерла, когда Грэйс было всего два года, и отец подумывал о том, чтобы послать девочку в монастырскую школу или пансион, но так и не решился на разлуку с любимой дочерью, и та выросла около него. За ней ухаживала африканка, полюбившая девочку и почти заменившая ей мать.

Осторожно, шаг за шагом, под палящим солнцем, часто останавливаясь, чтобы отдохнуть, путники взбирались на пик. Нельзя сказать, чтобы этот подъем был для них трудным и опасным, но казался он довольно длинным. Ведь только одному О'Брайену приходилось ранее совершать восхождения на горные пики.

Достигнув вершины, они остановились на плоской открытой ветрам гряде, которая заканчивалась остроконечным шпилем. Внизу лежал каньон, рядом — еще один, за ним — третий, а слева от них — четвертый; вдалеке виднелся знакомый прудик. С противоположной стороны хребта возвышался скалистый отрог, образуя узкое ущелье. Стюрдевант полагал, что два самых отдаленных хребта отстояли друг от друга миль на десять.

Вокруг больше ничего не было. Они стояли на вершине огромного черного каменного острова среди моря песка.

— А я думал, горы здесь кончатся, — грустно проговорил Смит, выразив мысль своих спутников.

— Хорошо, хоть у нас воды вдоволь, — вставила

Грэйс.— Единственное, на что можно рассчитывать,— это на воду.

О'Брайен взял у Стюрдеванта свой бинокль и посмотрел на раскинувшиеся под ними каньоны.

— Похоже на исполинскую руку,— проговорил он.— Пять хребтов, обрамляющих четыре каньона. Будем надеяться, что скоро прилетит какой-нибудь самолет.

О'Брайен передал бинокль Смиту и, присев на камни, снял ботинки. Все сели рядом, а он стал разминать затекшие пальцы босых ног. Они снова смотрели вокруг и удивлялись, что казавшийся издали таким острым пик в действительности представлял собой накалившуюся на солнце площадку из черного камня размером около акра.

— Что же будем делать? — спросила Грэйс. Сейчас она не испытывала такого страха, который охватил ее при аварии самолета. Как-никак они остались живы, нашли воду и пищу. И на мужчин вполне можно было положиться. Стюрдевант родился и вырос в здешних местах, он находчив и мужествен. Да и другие не хуже — Смит, О'Брайен, старик...

— Найти бы, из чего развести большой костер. Может, кто-нибудь и заметит дым или пламя,— размышлял вслух Смит.

Об этом думали все. Но вокруг не нашлось ничего, что могло бы гореть.

— Только не падать духом, выдержать! — сказал О'Брайен. Отряхнув песок, он снова стал тщательно натягивать носки, а затем постучал старым ботинком по камню.— Мы можем здесь остаться. Вода у нас есть. Кто-нибудь наверняка заметит разбитый самолет. Это только вопрос времени.

— Ты ошибаешься,— возразил Стюрдевант.— Ты ведь не знаешь Калахари. Она бесконечна. А самолет успеет окончательно сгнить, прежде чем кто-либо его заметит. Никому и в голову не придет искать нас. Я сам пилот и хорошо это знаю. Если мы останемся здесь и будем ждать, нам никогда отсюда не выбраться. Да и есть скоро будет нечего: не останется ни ящериц, ни дынь.

— А бабуины? Их мясо съедобно? — спросил О'Брайен.

— Я никогда не слышал, чтобы его употребляли в пищу,— поморщился Стюрдевант.

Сама мысль об этом вызвала у него отвращение.

— Когда-то надо испытать и это,— заметил О'Брайен.

— Но и бабуинов тоже здесь не так уж много,— сказал Смит.

— Пойду попробую найти помощь,— решил Стюрдewanт.— Возьму две канистры с водой, прилажу их поудобнее и пойду.

— Нет,— возразила Грэйс.— Не уходите. Лучше оставаться всем вместе.

— Я думаю, она права,— согласился Смит.

— Самоубийство! — воскликнул О'Брайен.— Ты сам говорил, что Калахари бесконечна. Она, наверное, больше многих стран Европы.

— Ничего,— ответил ему Стюрдewanт.— В двух канистрах воды на одного человека хватит надолго. Буду идти по ночам, укрываясь днем от солнца. Чувствую я себя хорошо. Пустыню немного знаю. Пойду.

— Компас разбит,— прервала его Грэйс.— А в том, что случилось, никто не виноват. Я повторяю, мы должны оставаться вместе. Вы же сами говорили это еще в самолете.

— Пойду по прямой,— продолжал пилот.— В конце концов куда-нибудь выйду: к железной дороге или ранчо...

Он знал, что это не так. Можно было пройти сотни миль и ничего не встретить, кроме кустарника и песков. Но и другого выхода не было. Они погибнут, если не смогут установить связь с внешним миром.

— Я возражаю,— заявил О'Брайен.— Пока нам удалось остаться в живых. Будем надеяться, что с нами и дальше ничего плохого не случится. Может, сюда придут бушмены, о которых говорил старый Гриммельман.

— Не думаю,— покачал головой Стюрдewanт.— Здесь нет никаких следов человека. А если бы в этих местах даже и обитали какие-нибудь люди, они все равно не подошли бы к нам близко. И, кроме того, их присутствие могло бы оказаться для нас губительным. Мне приходилось слышать рассказы о том, как они уводили с собой в пустыню охотников, а потом бросали их на произвол судьбы.

— Я мог бы пойти с вами,— предложил Джефферсон Смит.

— Нет,— отрезал пилот.

О'Брайен поднялся на ноги.

— Что ж, пойдем назад? — спросил он, протягивая руку Грэйс Монктон и помогая ей встать. Его рука оказалась ей настолько крепкой, что, стоя рядом с ним, Грэйс

на какое-то мгновение остро ощутила в нем здоровую мужскую силу.

Тяжело вздохнув, поднялись Стюрдевант и Смит, и все начали спускаться вниз. Они мало разговаривали между собой, да и то лишь о том, что видели с вершины пика. У места, где они стояли, сходились два острых хребта из черного камня, образуя как бы наконечник стрелы, поднимающийся из песка. А между высокими хребтами покоилась долина, библейский эдем в пустыне, узкая около пика и расширяющаяся там, где утесы исчезали и снова начинались пески.

Лишь поздно вечером добрались они до пещеры. Напились из прудика и буквально свалились от усталости на белый песок. Гриммельман присел около Майка, который, завернувшись в одеяло, спал глубоким сном.

— У нашего друга Бэйна лихорадка,— сказал старик.— Я думаю, это от пореза на руке.

— Попозже посмотрю его руку,— сказал Стюрдевант.— Может, чем-нибудь и поможем ему. Нам следует быть особенно осторожными и стараться избегать даже небольших ранок. Иначе инфекция неминуема.

— Ничего здесь нет, кроме песка,— проговорила Грэйс.— Один песок...

Нахмурясь, Гриммельман кивнул.

— Мы так ничего и не увидели с этого пика,— добавил Джеферсон Смит, уже засыпая; песок здесь был мягок, прохладен и располагал ко сну.

— Я полагаю, мы оказались значительно западнее, чем ты считаешь,— обратился Гриммельман к Стюрдеванту.— В пустыне Намиб.

— Возможно,— согласился пилот.— Я уже сказал им и сейчас повторяю тебе. Я намерен выбраться отсюда. Завтра или, может быть, послезавтра. Возьму две канистры с водой и попытаюсь дойти до какого-нибудь населенного пункта. Расскажу, что мы разбились. И вернусь. Прилечу на хорошем большом самолете...

— Ты умрешь в песках,— мрачно сказал Гриммельман.

— Может быть.

— Пустыня — страшная штука,— продолжал отговаривать пилота Гриммельман.

— Мог бы и я пойти с тобой,— сказал О'Брайен. Заложив руки под голову и закрыв глаза, он с наслаждением вытянулся на песке.

— Я тебя не приглашал,— отрезал пилот.

— Здесь мы все свободны и имеем право выбора,— возразил О'Брайен.

— Послушай,— сказал Стюрдвант.— Не мешай мне. Я пойду один, буду сам нести свою воду и обойдусь без чьей-либо помощи.

— Тогда я мог бы пойти в другом направлении,— предложил О'Брайен.

— У тебя нет канистр да и вообще ничего такого, в чем бы ты смог нести воду. А я с этими двумя жестянками как-нибудь отсюда выберусь. Все дело в выносливости. Если, действительно, хочешь мне помочь, позволь взять одно из твоих ружей. И твою шляпу с большими полями. Если мне удастся справиться с жаждой, препятствием будет только расстояние.

Гриммельман откашлялся. В полутьме все повернулись в его сторону.

— Послушай,— снова начал старик.— Не ходи. Не рискуй так отчаянно. Пустыня убьет тебя. Солнце напечет тебе голову, и мозг закипит, не выдержав зноя. Устанешь и будешь лежать пластом, умоляя о смерти. Ты пилот и привык к большим скоростям. Пустыня не для тебя, да и вообще не для людей: наши тела не созданы для нее, мы слишком мелки, слабы и медлительны.

— Он прав,— вставил Смит.— Выйти отсюда, по-видимому, невозможно, даже имея все необходимое. Без самолета никуда не денешься. Помнишь, как мы приземлялись? Какие огромные пространства лежали вокруг нас...

Солнце зашло, и в каньоне сразу потемнело. Все громче слышалось жужжание насекомых, где-то на отвесном утесе пролаял сторож-бабуин. Стадо обезьян поднималось выше, уходя от опасности. Становилось все холоднее.

Майк пошевелился и открыл глаза. Скалы над головой казались во мраке какими-то далекими; на них лежали еще отсветы дня. Бэйн опять погрузился в забытие. Он умирал.

Все теперь было ему безразлично. Смерть представлялась желанным концом. Когда он умрет, все прекратится: и раздирающая горло резь, и тошнота, и постоянная го-

ловная боль, а главное — нестерпимая тяга к табаку и спиртному.

Кто-то присел рядом на песок и склонился над ним. Это был Стюрдевант.

— Тебе лучше?

— Умираю,— ответил Бэйн.— Умираю и рад этому.

— Не говори так, иначе и в самом деле протянешь ноги,— сказал пилот.

— Все равно ни у кого из нас нет никаких шансов на спасение.

— У меня есть,— возразил Стюрдевант.

— Надеюсь, ты сумеешь их использовать,— согласился Бэйн.

— Куда ты направлялся? — спросил пилот, переводя разговор на другую тему.

— В Лусака. Искал работу. Когда-то я знал нескольких парней, которые трудились там на медеплавильных заводах. Может, они устроили бы меня куда-нибудь.

— У тебя есть профессия?

— Я инженер. Строил повсюду. Мосты, плотины, шахты, дома. Все что угодно...

— Тебе надо скорее забыть про свою лихорадку. Ты даже не представляешь, как можешь нам пригодиться.

— Не говори вздор, Стюрдевант. Мы пропали.

— Где ты работал до того, как попал в мой самолет?

— В Нигерии. Ковырялся на железной дороге в глубине страны. Спустя год мне все это чертовски надоело. Сказал им «до свиданья» и отправился на юг.

— А чем тебе не понравилось в Штатах?

— Я вернулся туда после войны,— начал рассказывать Бэйн.— У меня была прекрасная работа в большой строительной компании. Обзавелся дюжиной белых сорочек, перестал пить и вообще начал подниматься на ноги. Было трудно, но некоторое время я определенно преуспевал. Потом начались неприятности. Меня уволили. Пришлось уехать в Пакистан, заключив правительственный контракт. С тех пор не возвращался в Штаты. Не было смысла: ведь я типичный представитель людей, которые проводят в жизнь «Четвертый Пункт»¹¹, неполноценный член обще-

¹¹ «Четвертый Пункт» — мероприятия американского правительства по оказанию так называемой помощи развивающимся странам по Программе послевоенного сотрудничества США, объявленной президентом Г. Трумэном в 1948 г.

ства. Поэтому и скитаюсь по развивающимся странам, так их теперь, кажется, называют. С деньгами, черт подери, чувствуешь себя всегда хорошо, а когда сыграешь не по правилам, ты уже никого не интересуешь, и судьба твоя никого не беспокоит. Правда, обманывать ничуть не легче, чем зарабатывать на жизнь честным трудом. В известном смысле я был бездельником или, может, мне это только казалось, так как слишком долго жил вдали от родины, болтаясь по белу свету, и чересчур много пьянствовал.

— Хочешь дыню? — предложил Стюрдевант. — У нас есть несколько охлажденных.

— Пожалуй, но лучше попозже, — ответил Бэйн. — Может быть, принесешь немного воды?

Стюрдевант ушел. Он вернулся с водой, которую принес в колпачке от термоса. Жадным глотком Бэйн осушил стаканчик, поливая воду на лицо и грудь. При этом у него был такой вид, словно он попробовал хорошего вина.

— Благодарю, — проговорил Майк в изнеможении.

Вскоре он опять задремал и сквозь сон почувствовал, как Стюрдевант накрывает его одеялом.

Ночью Грэйс проснулась. Некоторое время она лежала, не двигаясь и не понимая еще, что ее разбудило. Но тут женщина явственно услышала какой-то звук и сразу поняла, в чем дело. Стонал Бэйн.

Никто не пошевелился. Грэйс поднялась и немного постояла у догорающего костра. Дрожь от холодного ночного воздуха, она подбросила ветки в угасающее пламя. Потом, опустившись на колени, наклонилась над Бэйном. Он стучал зубами и стонал от озноба, сменившего лихорадочный жар. Грэйс положила голову Майка себе на руки и стала говорить ему что-то успокаивающее. Кто-то ворочался во сне. Возможно, это был О'Брайен или Смит. Бэйну ничем нельзя было помочь. До сих пор все старались сделать для него, что могли: кто принесет воды, кто холодную дыню. Стюрдевант уступил свой спальный мешок, хотя сам дрожал от холода в ожидании рассвета и восхода солнца.

Грэйс хотелось плакать. Не было ничего, никаких лекарств. А зубы Майка, не переставая, выбивали дробь. Он пытался согнуться пополам в своем спальном мешке, сделаться меньше, чтобы хоть как-то сохранить тепло. Но все было напрасно. Холод проникал повсюду. Бэйн, должно

быть, очень страдал, но хвороста оставалось мало и подерживать большой огонь всю ночь было невозможно.

Грэйс вся дрожала. По щеке покатилась тяжелая слеза. Она смахнула ее и, нащупав молнию, резким движением распахнула спальный мешок, разбудив Бэйна, который сразу проснулся от сильного холода. Грэйс с трудом протиснулась в спальный мешок и тут же почувствовала, как Бэйн обнял ее, прижимаясь к ее теплому и нежному телу. Она повернулась и доверху застегнула молнию, стараясь отделить и Майка и себя от всего этого холодного и страшного мира.

Наступил рассвет. Бэйн лежал, плотно прижавшись к Грэйс. У него еще держалась температура, однако лихорадка уже отступила. Он пережил ночной холод и отчаяние. Грэйс вывободилась из его объятий, выбралась из мешка и ушла к себе.

Через несколько часов Бэйн окончательно проснулся. Он наблюдал, как Грэйс ходила по пещере. Вот она принесла ему горячей воды в крышке от фляги и кусок дыни. Теперь молодая женщина казалась ему такой родной и близкой... Осмелится ли он спросить у нее?

— Этой ночью у вас была сильная лихорадка, — сказала Грэйс. — Но сейчас жар уже спал. Вы поправляетесь.

Бэйн смотрел на Грэйс, вглядываясь в ее нежные губы, теплую шею, густые белокурые волосы... Нет, он ошибается, она не была рядом с ним. Все это ему лишь, пригрезилось в лихорадочном бреду.

Поев вместе со всеми дынь, Стюрдевант взял свой планшет и ушел из пещеры. Он спустился на четверть мили вниз по каньону, где нашел для себя уединенное место. В тени возвышающегося, как башня, утеса лежала толстая и гладкая каменная плита. Здесь пилот мог побыть один и поразмыслить. Он положил кожаный планшет, расстегнул молнию и осторожно развернул большую карту, закрепив ее края небольшими камешками.

Пилот долго стоял и разглядывал карту, переступая с ноги на ногу, почесывая затылок и потирая заросший подбородок.

Они находились где-то здесь, в какой-то точке этой карты. Названия на ней обозначались шрифтами и буквами разной величины. Наиболее крупными и витиева-

тыми — Юго-Западная Африка, протекторат Бечуаналенд¹² и Капская провинция. Шрифтом помельче — Дамараленд, Большой Намакваленд и Британский Бечуаналенд, и совсем маленьким — Виндхук, Кетмансхоп, Людерик, Гобабис. Различные цвета указывали на разную высоту над уровнем моря. Темно-зеленый — на низменности, светло-зеленый, желтый, оранжевый и коричневый соответственно обозначали подъем суши до высоты более тысячи футов. Это была огромная область со множеством обширных незаселенных районов. К Виндхуку с юга бежала железная дорога, кое-где проходили первоклассные шоссе и многочисленные проселочные дороги, но все они напоминали разорванную паутину, сотканную на широком окне.

Стюрдевант нашел карандаш и начал быстро писать цифры, что-то подсчитывая. Это были и вес горючего, и расстояние от Мосамедиша в Анголе до места катастрофы, и нагрузка, и скорость ветра и характеристика местности. Стюрдевант взял линейку и, насвистывая и мурлыкая что-то, стал прикладывать ее к карте, отмеряя расстояние от одного пункта до другого. Ему надо было сузить район их возможного местонахождения. Несомненно, они находились по крайней мере в ста милях южнее Виндхука и не меньше сотни миль от побережья. Он еще раз положил линейку на карту и провел линию. Длина ее в масштабе карты — около пятисот миль, а от берега океана она отстояла на сто. Линия пересекла железную дорогу в ста милях южнее Виндхука почти у 24° южной широты, дошла до Калахари и уперлась в крошечную точку под названием Лехутуту. Приняв эту линию за основу, Стюрдевант построил на ней прямоугольник длиной в пятьсот и шириной в двести миль. Они находились где-то внутри этого прямоугольника. Он замыкал территорию обширных песчаных пустынь запада — Калахари и Намиб, расположенных на высоте трех тысяч футов над уровнем моря, а некоторые огромные районы — даже значительно выше. Здесь имелись и реки, но в этом уголке мира в них совсем не бывает воды, за исключением коротких периодов, наступающих после проливных дождей. Нособ, Элефант, Авоб. Сотни тысяч квадратных миль...

¹² Бечуаналенд — с 30 сентября 1966 г. — Ботсвана, независимое государство в Южной Африке; входит в число стран Британского содружества.

Две трети площади прямоугольника лежали к востоку от железнодорожной линии, проходящей с севера на юг. Однако еще сузить область их предполагаемого местонахождения не было никакой возможности. Ни на карте, ни на местности нет никаких ориентиров указывающих на то, где они находились — на востоке или на западе от этой железной дороги. Они могли находиться в любом месте: в пустыне Намиб или на мрачных пространствах Калахари, или в какой-либо песчаной долине вдоль отрогов зубчатых гор между железной дорогой и далеким океаном.

Стюрдевант сложил карту и засунул ее в планшет вместе с бумагами. Он двинется в западном направлении. На север и на восток, кроме Калахари, не было ничего. Да, он пойдет на запад и, быть может, наткнется на железную дорогу или на русло реки, или просто на какую-нибудь дорогу.

Приняв решение, Стюрдевант вернулся к пещере.

Г л а в а 3

На следующий день, часа за два или три до захода солнца, Стюрдевант ушел. Он вынужден идти по ночам при свете луны, чтобы спастись от палящих лучей безжалостного солнца. К трудному путешествию пилот постарался подготовиться как можно лучше: на голову он надел громадную широкополую шляпу, которую ему отдал О'Брайен; на ноги — американские ботинки армейского образца. Пикейные брюки и порванная рубашка, небольшой охотничий нож на поясе, которым он в самолете открывал банки с пивом, — завершали его наряд. Высокий, худощавый, рыжебородый, с ружьем в руке Стюрдевант казался сильным, мужественным и держался независимо.

За спиной у Стюрдеванта возвышалось хитроумное сооружение, с помощью которого ему удалось приспособить для переноски две канистры с водой. Оно было скомбинировано из тонких реек, старого ремня, короткого отрезка медного провода, кусков веревки и бечевки, захваченных из самолета.

После тщательной подгонки тяжелые канистры плотно прилегли к его плечам. По совету Гриммельмана он накрыл их легким жакетом. Теперь вода будет испаряться намного медленнее. На прощанье старик пожал руку пилоту и ободряюще похлопал по спине.

— Иди по ночам, — напутствовал он. — Прежде всего выбирай низины, на высоких местах разводи костры... Спички у тебя есть?

— Да, — ответил Стюрдевант. — Я дойду. Воды хватит надолго.

— Ну, счастливого пути, — пожелал О'Брайен, пожав Стюрдеванту руку.

— Я хорошенько почищу ружье, прежде чем возвратить тебе, — пошутил пилот.

— И шляпу тоже, — в том же шутливом тоне ответил ему О'Брайен.

— Что вам сказать на прощанье? — начал Джефферсон

Смит.— Поблагодарить вас за все... Вы — мужественный человек.

— Возьмите вот это.

Грэйс подошла и протянула пилоту большой узел, в котором были дыни. И как только она смогла удержаться от желания съесть их?

Стюрдевант в последний раз обвел их всех взглядом, потом посмотрел на черные утесы, на далекий пик.

— Мы еще увидимся,— сказал он, затем повернулся и зашагал вниз по каньону к пескам, к линии горизонта. Вскоре его уже совсем не стало видно...

Измученные путники охалками носили хворост на вершину утеса. Поднимались они по извилистой тропе, которую О'Брайен тщательно расчистил, сделав относительно безопасной. Утес возвышался рядом с пещерой, где Грэйс непрерывно поддерживала крохотный огонек.

Хворост тщательно укладывали на заранее подготовленные сухие ветки с тем, чтобы можно было быстро поджечь его. Если кто-нибудь из них увидит или услышит звук приближающегося самолета, должен немедленно взбежать на вершину утеса. Возможно, летчик заметит дым, и они будут спасены.

Несколько вечеров подряд Гриммельман разжигал на ночь костер, но к утру, когда становилось холодно, огонь угасал и приходилось разводить новый. К несчастью, осталось всего несколько десятков спичек, которые старик хранил в табакерке. Поддерживать непрерывно сильный огонь было невозможно из-за недостатка хвороста, и в конце концов пришлось сохранять лишь тлеющие угли в нескольких футах от входа в пещеру. Следить за костром поручили Грэйс. Время от времени она подбрасывала сухой хворост и дрова. По вечерам молодая женщина сгребала горячие угли в котелок О'Брайена и вносила в пещеру; так сберегали огонь всю ночь. А утром угли снова выносились наружу. Обязанность ежедневно таскать их туда и обратно превратилась в своеобразную церемонию. Каждый старался принести дров и не возвращаться в пещеру хотя бы без нескольких сухих веток, которыми пополнялись запасы топлива.

— Теперь понятно, почему первобытный человек обожествлял огонь,— заметил как-то Смит в одну из ночей, когда все они сидели у костра.

— И почему он страшился ночи,— добавила Грэйс.

— А солнце? — проговорил Бэйн.— Не забывайте о нем. Будь на то моя воля, я и дьявола облек бы в образ солнца.

Бэйн лежал в спальном мешке недалеко от костра.

— Все было,— продолжал Смит.— Хватало здесь и богов и дьяволов одновременно. Все они имели в достатке и хорошее и плохое в зависимости от того, что приносили им в жертву.

— Уж таковы все боги,— согласился О'Брайен.

— И черти,— добавил Смит и бросил прутик в огонь.

Они наблюдали, как он вспыхнул, изгибаясь и потрескивая.

— До чего же мы здесь беззащитны,— проговорила Грэйс.— Солнце палит, не зная жалости, горячий песок обжигает, ночь заставляет дрожать, камни ранят ноги. Когда тени сгущаются, в голову лезут всякие ужасы, над которыми мы непременно посмеялись бы, сидя у себя дома в удобном кресле; мерещатся домовые, привидения, духи.

— Да еще мучаешься мыслями о том, что принесет завтрашний день или будущая неделя,— добавил О'Брайен.— Как-то острее начинаешь понимать, что такое жизнь и смерть. Ведь стоит наткнуться на скорпиона или порезать себе палец, как уже не знаешь, сколько еще останется жить, если, конечно, судьба не смилуетя над тобой.

«Мы отрезаны от всего мира,— думал тем временем Джефферсон Смит, пристально глядя на огонь,— и не пещерами или расстоянием, а одиночеством, страхом, нуждой... О'Брайену не хватает острых ощущений, игры с опасностью. Бэйн почти совсем утратил волю к жизни. А что с Гриммельманом? Стюрдевантом? Наконец, с ним самим,— Джефферсоном Смитом?»

Он подбросил ветку в костер. Спина замерзла, но лицу и рукам было тепло. Попав в Африку, Смит как бы впервые познал самого себя. Он был здесь не столько ученым, сколько человеком, стремящимся проникнуть в глубину своей души. Прошлое африканского народа стало и его прошлым, поэтому осуществляемые им исследования приобрели сугубо личную окраску. Африка была его родиной, а может быть, и родиной человека вообще. Смита привлекло сюда мучительное желание увидеть эту страну, взглянуть в лицо своим соплеменникам, прикоснуться к

великой земле своих предков, вдохнуть ее запахи, прочувствовать ее...

— Мне хотелось бы заглянуть в глубь этих песков,— признался Смит.— Держу пари, что стоит начать копать, как мы обнаружим окаменелости, древние кости, черепа и, вероятно, орудия.

Он зажал в кулаке горстку мельчайших песчинок, и они легкой струйкой потекли сквозь его длинные пальцы.

— Если уж тебе так хочется копать,— проворчал О'Брайен,— то поищи лучше в песке ящериц.

— Первобытные люди жили именно здесь,— продолжал Смит.— В этой части Африки. Тут находили не только человеческие кости и черепа, но и останки тех, кто жил задолго до человека.

Гриммельман кивнул: ему приходилось видеть окаменевшие кости.

— Потерянные звенья? — спросил О'Брайен. Он лежал ничком на песке головой к костру. Глаза его были плотно закрыты.

— Нет,— ответил Смит.— Человекообразные обезьяны или обезьяноподобные люди; нечто среднее между животным и человеком.

— Вроде яванского человека,— высказал предположение О'Брайен; ему смутно припоминалось то, что он когда-то, еще в колледже, читал об этом в учебнике.

— Нет,— возразил Смит.— Яванский человек и неандерталец — это уже люди. Настоящие люди. Найденные же здесь черепа представляют собой нечто иное. Во всяком случае, пока еще далекое от человека.

— А мозг? Такой же, как у нас? — спросил О'Брайен.

— Нет,— ответил Смит.— Похож только скелет.

— Я думала, что у человека прежде всего возник разум,— заметила Грэйс.

— Нет. Сначала он принял вертикальное положение и освободил руки, потом стал пользоваться орудиями труда,— объяснял Смит.— Мозг развился позже.

— А мне казалось, что все происходило иначе,— признался О'Брайен.

— Вот что меня интересует,— обратился Бэйн к Смицу, придвигаясь поближе к костру.— Почему эти «промежуточные» существа не выжили, почему ни одного из них не осталось? Что же произошло?

— Я не специалист в этом вопросе, но полагаю, что

все они были уничтожены первобытным человеком,— улыбнулся Смит.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовался Гриммельман.

— Потому что биологически они были сродни друг другу, могли обитать в одних и тех же местах, бороться между собой за жизненное пространство и пищу. Человек выходил победителем в этой борьбе.

— В большинстве случаев,— добавил Бэйн.

— Да, большей частью,— улыбувшись, согласился Смит.— Возможно, что в некоторых областях целые группы первобытных людей были стерты с лица земли более дикими и злобными человекообразными обезьянами.

Несколько минут все молчали.

— Вот, по-моему, единственно возможное объяснение,— продолжал Смит.— Потом между человеком и даже наиболее близкими к нему живыми существами, скажем, обезьянами и другими антропоидами, образовалась огромная пропасть. И все, что осталось от нашего прошлого — это несколько костей да осколки черепов. Некоторые из них, кстати сказать, найдены недалеко отсюда.

— В таком случае,— проговорила Грэйс,— пустыня, в которой мы очутились, имеет очень долгую историю.

— Да, очень,— подтвердил Смит.

— Значит, ты считаешь,— откашлявшись, спросил Бэйн,— что мы отличаемся от бабуинов скорее в физическом, нежели в умственном отношении?

— Да. Но это физическое отличие имеет решающее значение,— ответил Смит.— Строение тела препятствует развитию мозга и мышления у бабуинов. У них не выработалась прямая походка. Поэтому обезьяны не используют орудий труда, не знают огня и не владеют оружием. Они зашли в биологический тупик. А люди — нет. И продолжают совершенствоваться.

— А потом человек обратился против тех существ, от которых произошел, и разделался с ними,— заключил Гриммельман.

— Какой ужас! — воскликнула Грэйс.

— Такова историческая необходимость,— продолжал развивать свою мысль Смит.— Надо было идти вперед, и потому пришлось уничтожить все, что встало на пути. Только поэтому человек получил право называться человеком.

— Став при этом бесчеловечным,— вставил Гриммельман.

— Именно так,— подтвердил Смит.— В этом парадоксе весь человек. Выработавшаяся в нем в процессе борьбы за существование агрессивность может в конце концов уничтожить его самого.

Все опять замолчали, каждый погрузился в свои мысли.

— А первобытные люди? Те, что пришли позднее. Насколько мы отличаемся от них? — спросила Грэйс.

— Разумеется, мы умнее наших древнейших предков,— ответил Смит.— Но люди позднего ледникового периода ближе к нам по своему развитию. Однако в отличие от животных мы превосходим их не в физическом, а в интеллектуальном отношении. Законы, кодексы, этика — все это наше культурное достояние. Мы проявляем заботу друг о друге.

— Иногда,— подумав о Стюрдеванте, вставил Бэйн.

— Да, иногда,— согласился Смит, утвердительно кивнув головой и улыбнувшись.

— Черт побери! — воскликнул О'Брайен.— Пойду-ка я лучше спать.

Он поднялся, зевнул и скрылся в темноте пещеры.

О'Брайен заманил в ловушку ящерицу и убил ее длинной палкой, которую выстрогал из высохшей ветки дерева с колючками, каких много росло на песчаной почве каньона. Он поднял рептилию за длинный хвост и долго рассматривал ее. В каньоне, должно быть, обитало несколько видов ящериц, но убитая О'Брайеном принадлежала к наиболее распространенному здесь. Туловище вместе с головой достигало не более двух-трех дюймов, зато хвост был почти шести дюймов длиной. Ящерица имела светло-коричневую окраску с темными пятнами, вдоль спины тянулись четыре узкие красновато-оранжевые линии. Бока имели желтовато-кремовый оттенок. Точно такую же ящерицу незадолго до этого поймал Гриммельман, поджарил на палочке и съел.

Ящерица чем-то напоминала змею. О'Брайен отбросил ее, и она упала на песок животом кверху. Нет, он не мог бы съесть ящерицу ни за что на свете! Дынь и воды было достаточно, а, если повезет, он, может быть, подстрелит что-нибудь более путное. Где-то здесь бродят

крупные животные, вероятно, антилопы или зебры, приходящие к пруду на водопой. Надо только немного подождать...

О'Брайен пошел к пруду, пытаясь разглядеть еще не стершиеся следы. «Зебры предпочитают приходить к воде по ночам. Может, вернуться и дожждаться темноты? — размышлял охотник. — Крупное животное обеспечит их мясом на несколько дней. Ведь они так истосковались по нему!»

Тут же О'Брайен почувствовал приступ голода. Он подошел к пруду, улегся на живот и, сложив ладони ковшом, принялся жадно пить. Охотник испытывал слабость и головную боль. От голода тупые спазмы в желудке никак не проходили.

О'Брайен грубо выругался, потом поднялся, проверил ружье и направился к раскинувшейся вдали горной гряде. Во что бы то ни стало надо добыть мясо, иначе все погибнут.

Прошло несколько часов. Ко второй половине дня он выбрался из каньона и пошел вдоль хребта. Теперь хорошо просматривались и каньон и тот хребет, с которого они спустились несколько дней назад. Горные хребты напоминали здесь пальцы какой-то громадной руки, протянувшейся над песками. О'Брайен стоял сейчас как раз на ее среднем пальце. В этом месте хребет достигал ширины в двести ярдов и представлял собой невообразимый хаос вздыбленных плит и рыхлых сланцевых пород, на которые у края гребня ступить было опасно.

О'Брайен пересек хребет и попал в новый каньон. Никто из них сюда до сих пор не спускался. А дальше был виден еще один. И в него пока тоже не заглядывали. Они вообще не успели обследовать ни подножья центрального массива, ни отрогов самой дальней гряды, обращенных к пустыне.

Внизу что-то шевельнулось. О'Брайен осторожно поднял бинокль и увидел бабуина, который смотрел на него со злобой и, казалось, что-то возбужденно бормотал. О'Брайен повел биноклем по сторонам. Еще несколько животных с собачьими головами смотрели в его сторону, напуганные появлением человека. Хотя расстояние до обезьян и было слишком велико, О'Брайен понял, что они видят его прекрасно. Он даже помахал им рукой. Животные пришли в страшное возбуждение и, не переставая, ворчали.

О'Брайен устроился поудобнее и долго еще рассматривал обезьян. В свою очередь, и они не оставляли его без внимания, с опаской поглядывая на охотника, но вскоре, по-видимому, успокоились и вновь занялись поиском пищи. Они раскапывали землю под высохшей травой, переворачивали камни. Одна из обезьян вытащила из земли нечто напоминающее морковь.

«Чем же питаются бабуины? — подумал О'Брайен. — Надо спросить у Гриммельмана. Едят ли они дыни? А может, этот похожий на морковку корень тоже съедобен?»

Несколько раз он принимался пересчитывать животных, но они все время передвигались, и О'Брайену пришлось удовольствоваться числом весьма приблизительным: ему показалось, что их не менее двадцати пяти.

Он встал и пошел вдоль хребта по направлению к пику, пытаясь найти более удобное место для спуска. Однако уже через полчаса пришлось отказаться от этого намерения: день уже склонялся к вечеру, а он очень устал. О'Брайен вернулся в свой каньон прежним путем и шел теперь по широкой сухой равнине.

Гриммельман сидел в тени у входа в пещеру.

— Откуда здесь взялись бабуины? — спросил О'Брайен.

Он прошел мимо старика в пещеру и, поставив ружье в нишу, вновь вышел наружу, присел на песок, снял ботинки и вытянул горящие от жары и усталости ноги.

— А как мы попали сюда?

— Ты же знаешь — несчастный случай...

— Возможно, так было и с ними, — проговорил Гриммельман. — Скажем прямо, это место мало подходит для бабуинов, запасы пищи тут ограничены. Однако имеются и кое-какие преимущества. Я не думаю, чтобы здесь водились леопарды, самые страшные враги бабуинов. И, может быть, несмотря ни на что, тут вовсе не так уж плохо.

— Чем же они питаются? — поинтересовался О'Брайен.

— Всем чем угодно. И мне кажется, бабуины едят даже то, к чему где-либо в другом месте и не прикоснулись бы.

— Значит, они едят дыни, огурцы и клубни, которые ты показал нам...

— Да, — подтвердил старик. — Все. Они питаются тем же, что и мы, но, кроме того, даже и тем, что несъедобно

для нас. Они приспособились к окружающим условиям лучше.

— Черт бы их побрал! — воскликнул О'Брайен. — А ведь мы умнее и сильнее!

— Чем?

— У меня есть ружье, а у них — нет.

— Оно им и не нужно.

— Ну, а теперь понадобится, — загадочно улыбнулся охотник.

— Не понимаю...

— Я перестреляю их, — пояснил О'Брайен.

Старик потер подбородок и покачал головой.

— Стюрдевант говорил мне, — продолжал О'Брайен, — что мясо их несъедобно.

— Он, должно быть, прав, — согласился Гриммельман. — Я об этом как-то не задумывался. Ведь бабуины так похожи на людей, хотя, конечно, люди едят и обезьянье мясо. Съесть обезьяну? Не знаю. Я, например, не дошел еще до такой степени. Слишком уж все это похоже на людоедство.

— Да нет же, я хочу просто перестрелять их, — сказал О'Брайен. — Если обезьяны питаются тем же, что и мы, следовательно, они — наши соперники. Думаю, что запасов пищи здесь хватит только для нас. Зачем же тогда позволять обезьянам поедать их, если можно этому помешать? — Он посмотрел на собеседника пронизательным взглядом. — Я вижу, тебе мой план не по душе.

— Ты прав, — признался Гриммельман.

— Почему?

— Потому что не люблю кровопролития. На моем веку его было более чем достаточно. Через всю мою жизнь тянулись убийства... Я устал от них.

— Но это не убийство, а самозащита, — не уступал О'Брайен.

— Так оправдывается всякое убийство.

— Неужели ты хочешь умереть только из-за того, что бабуины пожрут здесь все?

— Нет, конечно. Я хочу жить. Выжить, а потом спокойно умереть на ферме моего брата. И все же не следует уничтожать невинных животных. Убийство всегда остается убийством.

— Это своего рода война, — упорно не сдавался О'Брайен.

— Нет, я не могу с тобой согласиться,— стоял на своем старик.

О'Брайен поднялся и пошел в пещеру.

Гриммельман остался один. Он задумался, наслаждаясь прохладой наступающего вечера.

Со всеми ими творилось что-то неладное. Они испытывали какое-то странное чувство, похожее на голод, на малодушие, на стыд... Каждый из них на своем жизненном пути как бы потерял себя, утратил самое ценное, что было в его личности. И вот теперь рука судьбы забросила их в девственную чистоту времени и пространства, в эту пустыню, в эти темные горы, словно предоставила им шанс вновь обрести самих себя.

Каждого из них привели на борт рокового самолета разные обстоятельства.

В О'Брайене всегда жила неутолимая жажда чего-то еще не найденного, какое-то неясное стремление, которое и заставило его приехать в Африку. Бэйн неглупый человек, но, несмотря на хорошее воспитание, бродяга и пьяница. Стюрдевант замешан в грязные дела южно-африканской компании. Он перевозчик черного товара, негров, продаваемых в рабство на рудники. Молодая миссис Монктон — глубоко одинокий человек, живущий без радости, без любви. И вот здесь, вдали от суетной цивилизации, от пагубных привычек и порочных развлечений каждый из них мог найти то, что безуспешно искал в жизни.

Наступил вечер. Все сидели и ужинали у костра возле пещеры. Грэйс Монктон сварила суп. Она взяла медный котелок Стюрдеванта, наполнила его водой и с одобрения Гриммельмана добавила туда все, что они сумели найти днем и хоть в какой-то степени могло пойти в пищу. Сначала гладкий маслянистый корешок, который старик сначала попробовал сам, потом — семена травы и увядший огурец. Когда суп прокипел и остыл, оказалось, что он все же вкуснее, чем просто теплая вода. Поев дынь, все по очереди глотали жиденький суп из котелка.

О'Брайен рассказывал о бабуинах и о своем намерении перестрелять их. Все остальные внимательно слушали.

— Что бы ты ни затевал, ничего не выйдет,— заметил Гриммельман,— тебе не удастся причинить им скольконбудь ощутимого вреда.

— Почему же? — удивился О'Брайен.

Старик улыбался, и это разозлило охотника.

— Ты ничего не сумеешь сделать,— продолжал немец.— Бабуины умны и слишком проворны. Стоит им понять, что ты способен убивать с большого расстояния, как они станут держаться вне пределов досягаемости твоего ружья. Бабуины для этого достаточно сообразительны. Известно ли тебе, что египтяне использовали их для выполнения такой простой работы, как, например, сбор хвоста? И что обезьян заменили людьми только тогда, когда оказалось проще использовать труд военнопленных?

— Я тоже советую тебе отказаться от этой затеи,— обратился к О'Брайену Бэйн.— Сохрани свою энергию и силы для чего-нибудь более полезного.

Охотник только улыбнулся. На этом разговор о бабуинах был окончен.

В момент трагедии на Пирл Харборе О'Брайен одолел лишь половину университетского курса. Неугомонный, вечно увлекающийся футболом он провалился на экзаменах по двум предметам. В университете, где учился О'Брайен, было много студентов, но преподавание велось на довольно низком уровне. Университет основали в конце прошлого столетия несколько интеллигентов-самоучек и преподавателей, которых субсидировали богатые промышленники из Калифорнии. Дело пошло на лад. В начале 1900-х годов — ранние дни освоения Запада — университет обучил и воспитал два поколения западной элиты, которая вышла из него просвещенная и полная чувства собственного достоинства.

Однако во время первой мировой войны университет пришел в упадок. Основные кадры преподавательского состава и десятки лучших профессоров были изгнаны на почве шовинистической пропаганды. Те, кто еще остался, были уволены или вынуждены уйти в отставку, заподозренные в распространении «красной опасности». Характер университета изменился: исследовательская работа на демократической основе сменилась местничеством и рутинной. Некоторое оживление наступило разве что с увлечением футболом: университетская команда сразу же получила национальное признание.

О'Брайен поступил в этот университет по двум причинам. Во-первых, дед его пожертвовал университету в начале его существования миллион долларов. А во-вторых,

О'Брайен увлекался футболом. Учиться ему не было нужды, поскольку состояние его семьи оценивалось в двадцать миллионов долларов; она владела газетами, ранчо, городскими домами и получала небольшие проценты на акции «Стандард Ойл Компани». Кроме того, О'Брайену не хотелось уезжать на Восток. Он ненавидел большие города, хорошую одежду, книги. И О'Брайен остался в Калифорнии, поступил в университет и стал играть в футбол. Он изучал лишь те предметы, которые не требовали большого труда. Носил грязные пропотевшие рубашки, старые брюки и не брился по нескольку дней. Но зато из него вышел прекрасный атлет.

На следующий день после трагического события в Пирл Харборе О'Брайен завербовался в морскую пехоту. Его повезли на Восток: в учебный лагерь на острове Парри, а затем в Куантико, где произвели в офицеры. Впервые в своей жизни молодой человек попал в среду, полностью удовлетворявшую его склонностям: здесь все зиждилось на конкуренции и соперничестве, все было просто и естественно, слабых отсылали отсюда, наиболее сильные выдвигались на командные посты. О'Брайен лучше всех своих товарищей окончил офицерские курсы и был послан на Соломоновы острова.

Для младшего офицера О'Брайен обладал редкими способностями и сообразительностью. Он в полном смысле этого слова властвовал над подчиненными и в то же время всегда защищал их, а они отвечали ему за это фанатической преданностью. О'Брайен интуитивно угадывал, когда приказ о наступлении был ошибочен и обречен на провал. В таких случаях он держался сзади до тех пор, пока острота опасности не проходила. А иногда он на свой страх и риск проявлял инициативу и однажды так глубоко вклинился в расположение противника со своим отрядом, что действия его послужили началом общему наступлению, в результате которого были достигнуты большие успехи и сохранено много жизней.

Однажды О'Брайен был ранен и провел беспокойную неделю в полевом госпитале, уставившись взглядом в прогнувшуюся зеленую парусину над головой. Однако он возвратился в строй, возглавил ночную вылазку на японский аэродром и удостоился «Серебряной звезды». Во время завершающего крупного сражения О'Брайен стал командиром роты и снова был ранен осколком снаряда.

Потом последовали новые кампании, другие острова, долгие годы в слепящих белых песках, среди перепутанных мангровых корней и хрупких кораллов. Одни эпизоды О'Брайену вспоминались ярче, другие — бледнее: плавающие трупы морских пехотинцев и чайки над ними; японцы, выкрикивающие по ночам в джунглях непристойные слова в адрес Бэйб Рута¹³ и Рузвельта; первые пленные, выглядевшие жалкими и безобидными; японский офицер, выходец из Калифорнии, которого он застрелил.

Мир света и мрака, мертвых и живых, отступлений и атак. О'Брайен отказался от повышения и перехода на штабную работу. Он оставался тем, кем был, до конца войны. Командиром роты. Лучшим в дивизии.

Задолго до рассвета, когда еще было темно и холодно, О'Брайен тихо поднялся, взял ружье и вышел из пещеры.

«Старый немец дурак, — думал он. — Бабуины наши враги, их надо уничтожить. Он охотник, а все его спутники не понимают и не знают, что такое охота, им не дано выжидать, планировать и соображать».

Ружье придавало О'Брайену уверенность. Прекрасно пригнанное, массивное, оно легко лежало на руке. Накануне О'Брайен тщательно почистил его и зарядил отличными патронами. Теперь осталось только найти добычу, и бабуинов не спасет даже большое расстояние.

О'Брайен намеревался убить какого-нибудь бабуина и попробовать его мяса. Возмущение Гриммельмана не имело для охотника никакого значения. Если один, чтобы выжить, питается ящерицами, то почему бы другому не съесть обезьяну? Здесь уж не до брезгливости.

О'Брайен испытывал возбуждение, причина которого была ему не совсем ясна, но это чувство придавало ему бодрость. В горах таилась опасность, может быть смертельная. Все остальное, что он пережил, было менее страшно и давалось ему легко, начиная от футбола и кончая службой в морской пехоте. Абсолютно все. Даже на войне было легче, поскольку там никогда не остаешься один, судьба твоя связана с судьбой многих, а возможность счастливой случайности всегда велика. Здесь же все на виду: горы, пустыня и он сам.

¹³ Бэйб Рут — известный американский бейсболист.

Небо начало светлеть. Может быть, тысячи лет назад вот так же на рассвете шли через эту долину люди, держа в руках дротики и копья с кремниевыми наконечниками; люди, создававшие каменные орудия, которые теперь находят при раскопках. Они были охотниками. Только земля, по-видимому, была тогда иной, плодородной и полной дичи, какой некогда была и Сахара. Доисторические люди. Однако этот термин ошибочен, поскольку все, кто охотились когда-либо в этой долине, существовали как бы вне истории. И люди каменного века, и бушмены, и банту, если они вообще приходили сюда. Они были дикими охотниками, не знавшими письменности и не имевшими досуга, чтобы придумывать символы и играть ими. Все свое время они проводили в поисках пищи и жили точь-в-точь так же, как теперь вынуждены жить он и его спутники.

О'Брайен отдал свою шляпу Стюрдеванту. Теперь она ему не нужна: волосы у него стали густыми и длинными. Кроме того, шляпа только мешала бы ему на охоте, демаскируя О'Брайена, ведь его черная борода и длинные волосы органически сливались с темными скалами из обсидиана.

Охотник продвигался вдоль утеса, пока не наткнулся на первую расщелину. Не задумываясь, начал он здесь трудный подъем. В себе и в своих силах О'Брайен был уверен. Даже потеряв двадцать фунтов в весе с того времени, как разбился самолет, и несмотря на скудную пищу, он чувствовал, что стал сильнее, подвижнее и обрел повышенную остроту восприятия.

Взошло солнце. Несколько минут О'Брайен отдыхал на выступе скалы. Подняв бинокль, он прошелся взглядом по загроможденному камнем пространству. Значительно выше на скале сидел бабуин-часовой. Стрелять в него было бесполезно: следовало подобраться поближе, так, чтобы солнце не било в глаза. О'Брайен опустил бинокль и стал карабкаться выше.

Достигнув вершины утеса, он долго смотрел оттуда на расстилавшееся внизу море песка. Где-то там затерялся Стюрдевант, в отчаянье попытавшийся установить контакт с внешним миром. Если пилоту это не удастся, все они, вероятно, навечно останутся здесь. О'Брайен подошел поближе к краю утеса и заглянул вниз. Скала обрывалась отвесно на сотни или даже тысячу футов. В ужасе он от-

прянул назад, нащупал бинокль и стал высматривать обезьян-часовых. Но не обнаружил ни одного.

Продолжая идти вдоль хребта, О'Брайен все больше удалялся от вершины пика. Он шел очень осторожно и старался разглядеть все попадавшееся ему на глаза: пчел, которые привели бы его к меду; жирных ящериц; новые растения, которые можно было бы показать Гриммельману, так хорошо отличавшему ядовитые побеги от съедобных. Крутой утес, возвышавшийся слева, оборвался. Осмотрев его, охотник нашел удобный путь и начал спускаться.

Неожиданно он почувствовал запах бабуинов. О'Брайен остановился и осмотрелся, но ничего не заметил, словно обезьяны догадывались о его намерениях. Охотник продолжал спуск. Идти становилось все легче. Он снял ботинки, стянул дырявые носки и присел отдохнуть, привалившись спиной к нагретому камню.

Потом О'Брайен встал и снова двинулся вниз по склону. Впереди что-то зашевелилось. Раздался крик. Это бабуин-часовой предостерегал стаю. Каким-то образом бабуины на время потеряли своего врага из виду, и теперь он застал их врасплох. Вскинув ружье, О'Брайен поймал большого похуже на собаку бабуина в перекрестье оптического прицела, затаил дыхание и выстрелил.

Бабуин высоко подпрыгнул и бездыханным грохнулся на землю.

О'Брайен осторожно пошел вперед; путь снова стал опасен: слева зиял пятидесятифутовый обрыв. Вдруг впереди показалось все стадо обезьян, мчавшееся вверх, преодолевая головокружительную высоту. Никогда еще бабуинам не доводилось слышать такого грохота, никогда прежде ничто так не поражало их. Объятые ужасом, обезьяны умчались прочь.

Подойдя к высокой скале, О'Брайен обогнул ее и нашел убитого бабуина. Издали, благодаря своеобразному строению рук, шеи и плеч, эта обезьяна с собачьей головой казалась не такой крупной. Ее громадные челюсти были усеяны огромными зубами. Охотнику внезапно стало страшно, и он невольно попятился.

«Гриммельман прав,— подумал О'Брайен.— Бабуин очень опасен. Вот этот, к примеру, мог бы свободно убить и его самого. Просто разорвать на части и разнести в клочья».

Теперь ему стало понятно, почему два-три бабуина справляются с леопардом.

Убитая обезьяна оказалась слишком тяжела, чтобы отнести ее в лагерь. Ножом О'Брайен начал разделять еще теплую тушу. Строение обезьяны было настолько похожим на человеческое, что охотника обуяло сомнение, сможет ли он съесть это мясо? В конце концов он решил, что сможет. Ведь это как-никак мясо, а он находится на грани голодной смерти.

Сзади послышался шум. Догадавшись, в чем дело, О'Брайен похолодел, схватил ружье и быстро обернулся — в двадцати футах от него, оскалив страшные зубы и протягивая вперед косматую лапу, подкрадывался бабуин. Только сейчас он заметил, что обезьян было несколько. О'Брайен выстрелил первой обезьяне прямо в голову. Второй бабуин, дико заревев, бросился на человека, но получил сразу три пули и рухнул у самых его ног. Остальные обезьяны бросились бежать, перепрыгивая через нагромождения скал, словно резиновые мячи.

О'Брайен выпрямился. Ноги подкашивались, и он не был уверен, что сможет подняться на утес. Все это очень походило на войну. На Окинаве пьяные японцы, размахивая шпагами, выбегали из пещеры и погибали точь-в-точь, как бабуины. Охота — это тоже война. Три мертвых бабуина — таков итог первого дня.

О'Брайен отошел в тень высокой плоской скалы. Он не нашел здесь никакого топлива. Придется вырезать из туш лучшие куски, подняться по склону и спуститься по ту сторону, где есть деревья. Потом поджарить мясо и съесть: он испытывал невыносимые муки голода и готов был проглотить все, что угодно, лишь бы не лишиться последних сил и выжить. Едят же люди и змей, и ящериц, и насекомых. Мясо бабуинов тоже съедобно.

Выйдя на солнце, О'Брайен принялся за обезьянье мясо. Ему так хотелось есть...

Джеферсон Смит взял авторучку, дневник и вышел из пещеры. Теперь они с Бэйном остались одни. О'Брайен отправился на охоту, а Грэйс и Гриммельман — ловить ящериц и собирать хворост. Смит больше не мог спать, он почувствовал необходимость записать свои впечатления.

Присев на землю и опершись спиной о гладкую стену

утеса, он открыл дневник и положил его на колени. Потребность писать была для него знакомым чувством, понятным и желанным. Она связывала его с прежней жизнью, с теми давно минувшими временами, когда он учился и жил среди книг.

Смит принялся перелистывать страницы, бегло просматривая написанное и задерживаясь на отдельных местах. Как хорошо, что он захватил с собой эту тетрадь! Она для него была дороже пары новых носок, пилы или мотка медного провода. Смит прочитал запись на последней странице:

«Я здесь последний день. Следующая остановка — Виндхук. На Анголе лежит печать скорби и горя. Большинство рабов вывезено в Бразилию именно отсюда: здесь для их поимки не требовалось совершать длительные походы. На обратном пути следует собрать информацию по этой проблеме. Повидать Ортеза. Спросить Брилла об источниках для его институтского отчета».

Эту запись Смит сделал в Мосамедише ночью в отеле, накануне их полета на самолете Стюрдеванта. Нельзя сказать, что Смиту было плохо в Анголе. Там у него не было никаких неприятностей, и он не чувствовал остроты расовой проблемы. Португальцы, с которыми он встречался, уже давно жили в Африке. Богатый эксцентричный англичанин Брилл, составивший себе состояние на торговле редкими книгами, проживал в Виндхуке и благодаря своей профессии сделался ученым, специалистом по древней Африке. Получив от Брилла приглашение, Смит с нетерпением ожидал встречи с ним, как наиболее важного для себя события за все путешествие. У англичанина имелись уникальные арабские сочинения о работорговле, а также их переводы, сделанные за его собственный счет. Возможность познакомиться с подобными документами представляется раз в жизни. Свою книгу он не мог бы без них написать. Поэтому Смит и отправился в Виндхук.

«О чем бы написать сейчас? — подумал Смит. — О катастрофе и о том, что произошло после?.. Нет, об этом не стоит».

Он отвинтил колпачок авторучки, коснулся пером уголка страницы и убедился, что чернила есть. Об их злоупотреблениях он напишет позже, когда с помощью своих спутников уточнит подробности.

Смит перелистал несколько пустых страниц тетради-календаря и начал с понедельника. Он писал, чувствуя, каким непривычным и тяжелым стало для него это занятие. Руки плохо повиновались, приходилось делать большое усилие, чтобы буквы выходили четкими и ровными.

«Я голоден. Все мы постоянно чувствуем голод. Что-то едим, но не считаем это за пищу. Со времени катастрофы с самолетом я пишу в первый раз. Сейчас мы находимся в каньоне, в пещере. Каждый день ожидаем, что прилетит самолет. Стюрдевант ушел за помощью, взяв с собой канистры с водой. Гриммельман считает, что его попытка равносильна самоубийству. Пески ужасны. Но ведь Стюрдевант не безумец. Должен же он понимать, какой опасности себя подвергает?»

Почему здесь нет верблюдов? Кто-то говорил, что в небольшом количестве их держат в Бечуаналенде и используют для полицейского патрулирования в Калахари. Может быть, и мы оказались недалеко от этой пустыни. Ни на минуту не теряем надежды. Верблюды пришли из Аравии. Пользовались ли ими работорговцы? Надо проверить. А может быть, их привезли в Калахари англичане? Нужно выяснить, как использовали верблюдов работорговцы в Сахаре. Без верблюдов невозможно ни пересечь Сахару, ни попасть из Черной Африки в Марокко. Верблюдов следует обвинить в пособничестве работорговле.

Откуда же пришло сюда рабство? Из Средней Азии? От турок? Хотелось бы мне сейчас иметь все шницели по-гамбургски, которые я в состоянии съесть, жареный картофель по-французски и побольше соли. Если мы выберемся отсюда, я вернусь в США и буду только тем и заниматься, что есть. Черт с ней, с историей! Куплю огромный песочный клубничный пирог и буду есть его, отламывая куски руками. Печеный картофель! Хлеб! Стоп. Не надо об этом больше.

Больных среди нас нет. Был, правда, болен Бэйн, но сейчас он выздоравливает. Хороший парень. Дегъенс погиб при катастрофе. Его похоронили около самолета».

Некоторое время Смит сидел не двигаясь, потом захлопнул дневник и отложил его в сторону. Ему следовало

бы захватить с собой из самолета какую-нибудь книгу. Сейчас было бы совсем неплохо что-либо почитать.

Стюрдевант встал и, приладив свою ношу так, чтобы она удобно лежала на плечах, снова пошел вперед. Солнце коснулось ровной линии горизонта. Да, пора было идти.

Он шел на запад. Вода плескалась в канистрах и этот звук доставлял ему удовольствие. Он шел уже четыре ночи, четыре долгие безмолвные ночи под звездным небом по плоской пустыне, лишенной всякой жизни и необъятной, как море. Стюрдевант брел по ночам, а с восходом солнца начинал искать себе убежище от жары. В первый день он вырыл в песке яму, накрыв ее своим тюком и курткой. Там пилот пролежал весь день. Он едва не задохнулся, но зато был укрыт от безжалостных лучей. Никогда ему не приходилось переживать такого нескончаемого дня, никогда не казалась такой желанной холодная ночь.

На следующий день идти стало легче: показались отроги гор. Стюрдевант укрылся в тени длинной скалы, основание которой было изъедено и разрушено ветром и песком. В песке пилот обнаружил следы бушменов — наконечник стрелы и разбитый кувшин с коническим дном.

Потом он снова пошел вперед...

Предпринятый Стюрдевантом поход представлял собой весьма рискованную затею, и о ней не следовало особенно задумываться. Нужно было только идти, все время двигаться, не останавливаясь. Покрывать пространство и расстояние. Пилот подумал о белых пятнах, все еще зияющих на картах, о тех местах, где неделями можно бродить одному и в конце концов погибнуть. Австралия, Бразилия, Аравия, Ливия, Канада, многие районы Азии, Африки и даже Соединенных Штатов Америки (к примеру, Невада, Аризона и Нью-Мексико).

Пилот должен идти и выйти куда-нибудь, иначе они все погибнут. Никто и никогда не станет их искать. Они, шестеро, должны рассчитывать только на себя.

Через два часа он остановился на отдых, съел дыню и сделал глоток драгоценной воды. Пока она оставалась еще сносной...

На рассвете Стюрдевант подошел к началу длинного и пологого склона. Светало... Внизу он разглядел небольшие заросли колючего кустарника и пошел к ним, держа ружье

наготове. В кустарнике он найдет тень и укрытие; может быть, там окажется дрофа или жирная зебра. Среди кустов возвышались покинутые термитники — несокрушимые замки насекомых. Некоторые из них достигали высоты в десять футов.

Однако никакой дичи пилот не обнаружил. Через час он уже устал. Солнце поднималось все выше, стало жарко. Найдя подходящий термитник, под которым он мог скрываться в тени, Стюрдевант положил рядом на землю свой тук и ружье. Внимательно осмотрев подножье термитника и не заметив ни скорпионов, ни змей, он напился воды, втиснулся в него и закрыл глаза.

«Хорошо, что я не остался там, в каньоне, — подумал он. — Здесь больше шансов спастись или хотя бы попытаться это сделать». Выносить бесконечное ожидание и предаваться беспочвенным надеждам на спасение он более не мог.

Солнце поднялось высоко, но Стюрдевант был защищен от его лучей. Ноги уже не ныли так сильно. А ведь он так устал сегодня, так устал...

Тюремное судно.

Непроглядный мрак смердящего трюма, до отказа набитого телами, приглушенный шепот. Мы уже готовы, еще час и пароход тронется. Слышен голос Алистера, пытающегося найти своего друга в темноте.

Стюрдевант сбил два самолета и один уничтожил на земле, а потом его самого сбили в Ливии. Он выбросился с парашютом и попал в итальянский лагерь для военнопленных в Бенгази. Каждый пленный разрабатывал свой план побега, но лагерь хорошо охранялся, и никому так и не удалось бежать.

Потом им стало известно об отправке в Италию. В ту же ночь за проволочным ограждением застрелили двух австралийцев.

Спустя неделю пленных, словно скот, погрузили на судно. Толкаясь и отвешивая зуботычины друг другу, каждый пытался устроиться поудобнее. Ночью Алистер нашел Стюрдеванта. Они кого-то подкупили и договорились, что люк будет открыт, а часового на месте не окажется. Готов ли он бежать?

Да! Все, что угодно, только бы выбраться из этого

мрака. Может, он попадет в ловушку? Внезапно вспыхнет свет и заработает пулемет? Но он рискнет. Ночной побег с адского корабля стоит риска.

— Ты дурак,— послышался голос какого-то кокни¹⁴.

— А вас кто-нибудь ждет на пристани? — спросил другой.

— Те два австралийца тоже кого-то подкупили, там в лагере,— произнес еще кто-то.

Все эти разговоры не внушали уверенности, но Стюрдевант все же решился. Он, Алистер и еще несколько пленных, незнакомых ему. Открыл одну дверь, потом вторую, держась за ливень вылез через потайной выход за борт и уплыл под покровом ночи.

Побег удался. А через десять дней он уже летал снова. И узнал, что ему крупно повезло. Тюремное судно торпедировали. Никто не спасся.

Когда стемнело, Стюрдевант поднялся. Ноги так по-настоящему и не отдохнули. Выпив воды, он приладил на спине свои канистры и двинулся через обширную плоскую равнину, белую и какую-то прозрачную в свете луны.

Среди ночи пилот вдруг начал истерически хохотать. Сначала звук этот напугал его, сделал окружающий мертвый мир еще более прозрачным, а одиночество — более острым. Но вскоре от смеха ему стало как-то спокойнее на душе. А идти было все труднее и труднее. Ему пришлось остановиться. Не переставая смеяться, Стюрдевант сел. Где-то в мозгу у него шевельнулась мысль о том, что он переутомился и, вероятно, находится на грани изнеможения.

Да, но все это было так смешно...

Поиски воды. Воды, воды, во что бы то ни стало воды! В этом состоял смысл жизни буров-переселенцев. В их ушах стояли крики мучающихся от жажды животных, в лицо бил горячий пыльный ветер. Вода, вода... С тех пор прошло много лет, и вот теперь потомок буров Стюрдевант отчаянно пытается найти то, за что некогда боролись его предки: жизнь его была посвящена поискам воды.

Тяжелое это бремя легло на его плечи, колесо судьбы

¹⁴ Кокни — простой горожанин, выходец из низов, уроженец восточной части Лондона.

повернулось. Разница состояла лишь в том, что он был один, совсем один, и если ему не удастся найти воду, он умрет. И все же почему ему так смешно?

Сильная боль в животе пронизала все его тело. Стюрдевант сразу перестал смеяться. Он снял с плеч канистры с водой и сделал большой глоток. Потом опять установил их на спине, поднялся и снова пустился в путь.

Стюрдевант добрался до невысоких дюн, переходящих в мрачные холмы, пустынные и дикие. Пески, через которые он до сих пор шел, сменились каменистым грунтом; ноги стали какими-то удивительно легкими. Когда наступил рассвет, до самой высокой точки возвышенности, к которой он шел, оставалось около часа ходьбы, и впервые за все время перехода Стюрдевант почувствовал возбуждение — у него проснулась надежда.

Однако, достигнув возвышенности, он почти ничего не увидел, кроме едва различимого русла высохшей реки, извивающегося в юго-западном направлении. Он пойдет по этому руслу. Оно было неглубоким и через несколько миль или несколько дней пути должно исчезнуть, перейдя в обширное песчаное ложе, и он будет его держаться, потому что, как знать, русло это может вывести к морю.

Стюрдевант спустился по склону. Солнце стало пригревать. Заметив расщелину в слегка нависающей скале, он решил остановиться там на день. Поставил канистры с водой в тень и пересчитал спички. Их осталось всего семь.

«Надо бы разжечь костер», — подумал он.

Взяв ружье, Стюрдевант ушел и возвратился через час с крупной коричневой ящерицей, которая чересчур долго его рассматривала, прижавшись к плоскому камню, куда она взобралась, чтобы согреться после ночи, проведенной среди холодных скал. Тщательно сняв с нее кожу и удалив внутренности, Стюрдевант тут же закопал ящерицу в песок, чтобы уберечь от мух. Он собирал сухие ветки, вытаскивая их из-под колючих кустов или сгребая руками на земле. На это потребовалось много времени, и, когда веток для костра оказалось достаточно, он весь вспотел и умирал от жажды.

Потом Стюрдевант поджарил ящерицу, каждый раз отрезая по небольшому кусочку. У него оставалось еще две дыни. Одну из них он съел вместе с мясом, позволив себе выпить немного воды. Остатки своей добычи он закопал в

песок, забрался под выступ скалы и заснул. На закате солнца он снова пойдет вдоль русла реки.

Стюрдевант шел по ночам, а днем, выбрав подходящее место, спал. Он старался не терять из виду русла. На вторые сутки оно стало шире и было больше загромождено камнями, однако вода так и не появлялась. Иногда пилот принимался копать ямки, но воды не обнаружил. Он торопился, ведь канистры становились все легче.

Во время ночных переходов Стюрдевант иногда разговаривал сам с собой; он убеждал себя не сдаваться, продолжать идти вперед. От этого зависела его собственная жизнь и спасение тех, кого он оставил там, в горах. И он будет идти вперед, только вперед...

Иногда Стюрдевант пел. Звуки собственного голоса радовали его, говорили ему, что он еще жив и что кто-то может его услышать. Когда голос его хрипел и во рту пересыхало, пить приходилось больше, но пилот готов был оплатить возможность продолжать пение даже несколькими лишними глотками воды. Одиночество и тишина ночью в пустыне были так тягостны. Если он не впадет в отчаянье, не потеряет самообладания, то наверняка доберется до берега моря.

По мере того как местность понижалась, ландшафт стал меняться. На рассвете вдали на горизонте Стюрдевант увидел смутные очертания высоких гор. В то утро он шел до тех пор, пока жара не принудила его спрятаться в яму под выступающей плитой серого камня. Там он провел остаток дня, обессилив от голода. С наступлением ночи снова, шатаясь, пошел вперед, предаваясь мечтаниям о глубоких озерах и дичи, которую найдет в маячивших впереди горах. И о людях. Там должны быть люди. Ранчо какого-нибудь доброго старого немца... местные жители, пасущие овец... группа охотников...

Он шел сквозь ночь, падая от голода и слабости. Как-то раз он так и остался лежать на камнях, прийдя в себя только днем. С трудом поднявшись, пилот пошел в сторону от русла. Если в ближайшие несколько часов он не поест, то наверняка погибнет. А дичи не было и в помине, да и ружье стало непосильно тяжелым, так что он уже вряд ли сможет прицелиться.

Стюрдевант брел теперь по сильно пересеченной местности. То тут, то там были разбросаны колючие кустарники и одинокие деревья, и неожиданно Стюрдевант уви-

дел большую запыленную черепаху. Она неуклюже пересекала ему дорогу. Пилот остановился, отчетливо сознавая, что должен убить черепаху и съесть ее. И тогда он выиграет еще день-два. Стюрдевант вовсе не побрезговал бы черепашным мясом. Когда-то в цивилизованном мире ему не раз приходилось есть его как деликатес на белых скатертях, пользуясь серебряными приборами. А теперь, когда он так голоден, Стюрдевант съел бы вообще все, что угодно, не только черепаху...

Беспокоило его не это. Пилот не мог позволить себе истратить на черепаху драгоценный патрон. Надо было раздробить ее панцирь камнем и добить так же, как обычно расправляются с ящерицей или змеей. Но ведь это убийство! Ну и что? Подумаешь, убить какое-то неповоротливое животное! Однако Стюрдевант чувствовал, что не может этого сделать. С ним что-то происходило, чего он и сам не мог понять. Убить беззащитную черепаху, казалось, было выше его сил.

Пилот пошел быстрее и догнал черепаху. Она зашипела и быстро втянула голову и ноги в панцирь. Стюрдевант перевернул ее на спину, сел на землю и стал стучать по панцирю палкой. Голова черепахи спряталась еще глубже. Убить ее, такую старую, медлительную, беспомощную; животное, которое не случайно почитают во многих странах! Нет. Стоит ему добраться до побережья и оказаться вне опасности, он в жизни не попробует и ложки черепашьего супа!

Стюрдевант встал и пошел собирать дрова. Конечно, можно было бы съесть черепаху и сырой, но лучше все-таки испечь ее. Кстати, если он разожжет большой костер, может, кто-нибудь и заметит дым от огня и подойдет посмотреть, что здесь происходит.

А черепаха тем временем уползла. Стюрдевант бросил хворост и кинулся искать ее, бестолково шарахаясь из стороны в сторону. Наконец он увидел черепаху, бежавшую с необычной для нее скоростью. Пилот нагнал ее и взял на руки. Она оказалась даже тяжелее, чем он предполагал. Пока Стюрдевант шел к своей куче хвороста, черепаха осторожно вытянула голову. Два оранжевых глаза внимательно смотрели на пилота. Как и все черепахи, на руках она стала совсем ручной.

— Жаль,— сказал Стюрдевант.— Жаль, но мне придется убить и съесть тебя. Сама виновата. Утром ты

пошла не в ту сторону. Ничего не поделаешь, виновата сама.

Он принял решение, но все еще не осмеливался осуществить его: не мог ни застрелить черепаху, ни раздробить ее панцирь. Стюрдевант снова опрокинул ее на спину. В то же время он ясно отдавал себе отчет в том, что даже отойти от нее нельзя. Черепаха перевернется и убежит. Может убежать. А если это случится, той же ночью он, скорее всего, умрет от голода.

Стюрдевант выбрал крепкую прямую ветку, очистил ее ножом, срезал шипы и сучки и заострил тонкий конец. Получился небольшой дротик.

— Вот так мы приходим к своему падению,— произнес он вслух.— Теперь уже нет на свете ничего такого, что я не смог бы сделать. Да, на войне я убивал людей, не чувствуя угрызений совести. А здесь не могу убить черепаху! В чем же дело! Может, я сошел с ума от жары и жажды? Или во мне пробудилось чувство вины, чувство ответственности за все совершенные злодеяния? Не знаю. Но я не могу застрелить тебя, черепаха, не могу хладнокровно пустить пулю в беззащитное и невинное создание. Не могу...

Он подошел к черепахе и с силой вонзил свой дротик прямо в морщинистые складки шеи животного. Увидев, как кровь обогрела ее тело и в предсмертной агонии задергались ноги, Стюрдевант, не помня себя, бросился бежать по выжженной солнцем земле. Наконец, он остановился, упал на песок и долго лежал, пытаясь разобраться в своих чувствах. Вероятно, он все же тяжело болен и, может быть, даже помешался от голода. Все. Надо прийти в себя, поесть и полежать в тени до захода солнца. Тогда он сможет перебраться через горы.

Стюрдевант поднялся, собрал хворост, развел костер и вернулся к черепахе. Она была мертва, а по окровавленному дротику уже ползали мухи...

Наступила еще одна ночь. Загорелся еще один костер в пещере. Путники собрались у огня и задумчиво смотрели, как он медленно пожирает дрова, как вспыхивают и крошатся угли.

— Мне кажется, вот так возле огня и зародился обычный рассказывать что-либо друг другу,— заговорил Дже-

ферсон Смит.— У огня. Ведь огонь живет. Присмотритесь-ка к нему хорошенько — там что-то происходит.

— Телевидение каменного века,— с иронией произнес О'Брайен.

— Нет, это верно. Огонь как-то успокаивает нервы, притупляя чувства,— заметила Грэйс.— Разыгрывается воображение.

Рядом сидел О'Брайен, и Грэйс очень хорошо это чувствовала. Пошевелившись, она слегка коснулась его. Нет, никогда она не останется с ним наедине!

— Да,— задумчиво произнес Гриммельман,— огонь — хорошая штука. Он объединяет тех, кто нуждается в тепле или дружбе. В мире осталось слишком мало места для дружбы. Все мы живем чересчур обособленно, боимся друг друга.

— А я все думаю о бушменах,— начал Бэйн.— Смотрю на огонь, на наскальную живопись и, мысленно возвращаясь к прошлому, ясно представляю себе низкорослого человечка, стоящего на песке с плоской в руках, доверху наполненной краской.

— Бушмены обычно носили краски в небольших полых рожках,— объяснял Гриммельман.— Мне довелось как-то видеть связку из восьми или десяти таких рожков. Носили их в своеобразном фартуке и закрывали восковыми крышечками, чтобы краска не высохла.

— Я где-то читал о том, что бушмены уже не рисуют больше,— сказал Смит.— Вот еще одно из искусств, канувших в Лету.

— А откуда бушмены родом? — спросил Бэйн.— Они все время живут в Африке? Не знает ли кто их историю?

Он вопросительно посмотрел сначала на Гриммельмана, потом на Смита и снова взглянул на старого немца.

Гриммельман улыбнулся, а Смит лишь развел руками, словно хотел показать свою полную беспомощность.

— Кто ее может знать? Если уж говорить о происхождении бушменов, то неизбежно затронешь историю всего человечества,— ответил Смит.— Некоторые ученые утверждают, что бушмены пришли с севера, с берегов Средиземного моря, и их согнали сюда, в это единственное место, на которое никто никогда не претендовал. Существует и другая теория, которая гораздо больше нравится мне. Считают, что бушмены — это потомки племен, которые жили здесь еще до появления банту. Они и образовали те самые

народности, которые мы сейчас стали называть готтенто-тами и бушменами.

— А какая между ними разница? — спросил Бэйн.

— Громадная. Готтентоты — пастушеские племена, они выращивают зерновые культуры и разводят скот, в то время как бушмены занимаются охотой да и вообще находятся еще на стадии первобытности. Их часто путают, потому что и те и другие небольшого роста и живут фактически на одной территории. Однако эти племена отличаются друг от друга цветом кожи, да и язык у них разный.

— Какого же они роста? — поинтересовался О'Брайен.

— Менее пяти футов, — ответил старик. — В среднем четыре фута десять дюймов. А женщины — те еще ниже. Однажды много лет назад я видел пожилую женщину, рост которой не превышал трех футов и двух дюймов.

— Есть еще одна теория происхождения бушменов, — снова заговорил Смит, — согласно которой они являются выходцами из Азии, скажем из Индии. Низкорослые люди, более или менее похожие на бушменов, в эпоху неолита встречались во всем мире. Например, на Адаманских островах, во внутренних районах Филиппин и Малайи. Все они могли бы иметь общих предков, претерпев, конечно, существенные изменения за десятки тысяч лет. Предполагают, что древние обитатели Цейлона и Индии относились к низкорослой негроидной расе. Нетрудно представить себе, что они пришли в Африку и были впоследствии вытеснены господствующими здесь расами в пустыню.

— Люди, нарисовавшие эти картины, скорее всего составляли часть какого-либо охотничьего отряда, — проговорил Гриммельман. — Может быть, они пришли сюда поохотиться и потом ушли дальше.

— Враждуют ли бушмены между собой? — спросил О'Брайен. — Может, они воевали друг с другом и истребили сами себя?

— Какой смысл бушменам воевать? Ведь отнимать друг у друга им просто нечего, — ответил Смит.

— Но на другие племена, обитавшие на границах Калахари, они иногда нападали, — добавил старик. — Захватывали скот. Когда мужчины шли на охоту, женщины сопровождали их, неся скорлупы страусовых яиц, наполненные водой. Они закапывали их в разных местах, чтобы

охотники и скот не погибли от жажды на обратном пути через безводную пустыню. Охотники нападали на стада, убивали пастухов и угоняли скот. Уходя от противника, бушмены отравляли попадавшие на их пути колодцы, а скот поили из скорлуп, оставленных для них женщинами. Преследователи часто нагоняли их, и тогда бушмены убивали скот отравленными стрелами, а сами словно растворялись в пустыне. Или же поджидали охотников в засаде.

— В любом случае скот резали, а мясо поедали,— вставил Бэйн.

— Однако никто не смог бы преследовать бушменов в песках на протяжении сотен миль,— продолжал далее Гриммельман.— Возвратившись на свою стоянку, бушмены устраивали великие празднества, продолжавшиеся много дней, пока не оставалось ни куска мяса.

— Следовательно, они никогда не вели оседлый образ жизни, не занимались животноводством и земледелием, никогда не жили в домах,— заключил Бэйн.

— Это так,— согласился Смит.— За всю историю ни одно охотничье племя не отказалось от охоты ради земледелия. Сельским хозяйством бушмены стали заниматься только в силу необходимости: им оставалось либо возделывать землю, либо погибнуть.

— Почему? — спросила Грэйс.

— Охота приносила им удовлетворение. Я думаю, охота вообще отвечает основным жизненным потребностям человека. Тут и умение незаметно подкрасться к дичи, и состязание в ловкости, и сам акт убийства. Обработка же земли — работа кропотливая и лишенная романтики. До недавних времен ее выполняли крепостные и рабы. Люди никогда не занимались сельским хозяйством просто потому, что это им нравилось.

— Война — тоже охота... — сказал вдруг Гриммельман.

— Поэтому люди и любят воевать,— добавил Бэйн.

На несколько минут воцарилось молчание. Грэйс бросила несколько сучьев в костер: искры взметнулись вверх и тотчас погасли во мраке. Потянуло холодом, внезапно сменившим дневную жару.

— Почему ты решил вернуться сюда? — спросил О'Брайен Гриммельмана.

— Чтобы найти здесь убежище,— старик поднял взгляд от огня.— У брата здесь имение, большая ферма. Я думал

остаться с его семьей, с его пятью сыновьями. Хотел умереть спокойно.

— От кого же вы спасались? — в свою очередь, задала вопрос Грэйс.

— От Европы,— сказал старик.— Европа больна. Больна с 1914 года. На войну я попал, как и все. Она была ужасна, эта первая мировая война... Всю войну мечтал вернуться в Африку, на ее необозримые просторы, к миру и свободе. Но когда война кончилась, Юго-Западную Африку по Версальскому договору у Германии отобрали. Потом для нас наступили тяжелые времена. Брат и я делали все возможное, чтобы заработать на жизнь и содержать свои семьи. Но это было почти невозможно. Деньги обесценились. Годы шли. Старики умирали. Нам все же удалось скопить немного, и мы решили, что один из нас сможет поехать в Африку. Бросили жребий, его вытянул мой брат. Ему удалось сесть на пароход до Свакопмунда. Тогда я видел его в последний раз. Было это в 1928 году.

Протянув руку, Бэйн поднял корявую полусгнившую ветку и внезапно вспомнил, что подобрал ее несколько дней назад. Он узнал маленькую веточку, и это показалось ему странным. Скорее всего, воспоминание оказалось таким прочным только потому, что топливо приобрело для них теперь решающее значение.

— А потом наступил двадцать девятый год,— напомнил Смит Гриммельману, и старик, глядя на пламя костра, продолжал свой рассказ:

— Германия развалилась. Не было ни работы, ни денег. Уехать я не мог. Попав в Бремерхафен, я нашел кое-какую работу и стал изучать английский язык. Не спрашивайте меня зачем; мне, вероятно, казалось, что знание его пригодится в Юго-Западной Африке. Когда мне было уже за сорок, я встретил девушку из своего сословия. Как-то неожиданно мы поженились. Жизнь снова показалась мне прекрасной. Мы были счастливы, появился ребенок... Позже пришло известие от брата: в Африке ему удалось приобрести участок земли. Каким-то образом брат убедил власти, что он голландец, и они предоставили ему большую полосу пустоши. Я стал было подумывать о поездке к брату, но не было денег, да и ребенок должен был хоть немного подрасти.

— А потом пришел Гитлер,— подсказал Смит.

— Да,— подтвердил Гриммельман.— Пришел Адольф

и нам не удалось поехать в Африку; мы даже и не пытались выбраться из Германии. Этот человек бросил нас в пожар, и, прежде чем мы осознали это, ворота захлопнулись за нами. О, друзья мои, я не стану лгать! Сначала и я был с ним и руку тянул выше всех. Я служил Гитлеру до тех пор, пока не начались массовые убийства. Как только я понял это, симулировал болезнь, и спустя некоторое время обо мне все забыли. Удалось получить назначение на пост начальника местной противовоздушной обороны. Только благодаря этому я остался жив, в то время как другие герои войны отправились на тот свет или стали чиновниками в аппарате оккупационных властей. В общем все это мне удалось пережить.

Он замолчал надолго. Все ждали продолжения рассказа.

— Но моей жене и дочери не повезло. Они погибли во время одной из сильных бомбежек. Моя бедная девочка...

Бэйн кашлянул.

— Вот так мы расплатились за все,— продолжал старый немец,— ужасной ценой. На какое-то время я потерял себя. Пытаясь все забыть, уехал из города и решил поработать на фермах, но мне не стало от этого легче. Русские отбрасывали нас назад, в Европе появились американцы. Над Германией день и ночь гудели самолеты. Меня снова забрали и погнали в фольксштурм, а фольксштурм — это старики и дети. Теперь войну сменило какое-то национальное самоубийство. Нас бросили против американцев. А когда регулярная армия ушла и нам, фольксштурмистам, пришлось самим оборонять какую-то деревню в Рейнской области, мне удалось воспользоваться моментом и сдаться в плен. Теперь мне уже не надо было убивать. Американцы относились к нам справедливо. Правда, они смеялись над нами, но это никого не трогало. В то время мы рады были попасть в плен. А кормили нас отлично, это я хорошо помню.

— Не надо об этом,— сказал Смит.

— Война кончилась,— продолжал Гриммельман, улыбувшись.— Я был уже стар и чувствовал себя бесконечно усталым. Однако я неплохо объяснялся по-английски, и американцы обеспечили меня хорошей работой. Шли годы. Неожиданно я получил письмо от брата. Этому письму, которое передавали из рук в руки те, кто знал меня в Бремерхафене, уже три года. В надежде на лучшее я ре-

шил покинуть Германию. Два года ушло на сборы. И вот я здесь с вами.

— Ваш брат удивится,— заметила Грэйс.

— Да,— согласился старик,— конечно, удивится.

— Еще один день,— позевывая, произнес Бэйн. Он чувствовал себя уже лучше.

— Это хорошо или плохо? — посмотрев на него, спросил Смит.

— Хорошо,— ответила за Майка Грэйс.— Мы на день приблизились к спасению. Скоро прилетит самолет...

Смит молча кивнул. Было бы нелепо погибнуть здесь от голода, ожидая помощи, на которую так трудно надеяться. Он не должен умереть: он еще так молод и так много предстоит ему сделать. Ассистент профессора в крупном университете, негр Смит представлял собой редкое исключение и был своего рода символом, необходимым обществу.

«Надежда,— думал Смит, протягивая руки ладонями к огню.— Для нас это наркотик. Осужденные на смерть преступники и те хранят надежду, пока не взойдут на эшафот, и даже дальше. Жизнь настолько неопределенна, что люди навывдумывали всяческих мифов, пытаясь бороться со страхом. И он не исключение. Нельзя поднимать себя над другими только потому, что олицетворяешь полезного для общества человека, выдаешь себя за некий символ успеха. Быть может, он и нужен обществу, но это не имеет никакого отношения к тому, что он негр».

Смит не придавал особого значения своей принадлежности к черной расе, ему не приходилось терпеть унижений, никто не попирали его достоинства. В детстве он переживал неприятные минуты на этой почве, но случались они не часто.

Родился Смит в состоятельной семье. Отец его был всеми уважаем и богат, работал врачом в Линкольновском госпитале. Мать получила хорошее образование и воспитание. Сначала она учительствовала на Юге, потом служила в магазинах Нью-Йорка. Смит вырос в хорошей трудовой семье, в доме, полном книг, музыки и дружеских бесед.

Сначала Джеферсон посещал городскую начальную школу, потом учился в «почти белом» колледже «Стоуни Брук» на Лонг-Айленде. Он был подготовлен не хуже

остальных ребят, отличался сообразительностью и достиг больших успехов в спорте, особенно в теннисе. Всегда вежливый и любезный, он был охотно принят учащимися в свою среду и не испытывал обид и разочарований. В колледже училось еще несколько мальчиков-негров, но никто из них не подвергался дискриминации.

Это было лучшее время в жизни Смита. Выходные дни Джефферсон, как правило, проводил в городе со своими родителями, а когда стал старше, нашел друзей в другом обществе — посетителей вечеринок и стадионов. Высокий и стройный, он привлекал к себе общее внимание. Открыл даже счет в банке «Брукс Бразерс».

Дом их стоял на берегу в отдаленном районе Лонг-Айленда. Там он проводил летние каникулы вместе с матерью. Отец приезжал к ним по выходным дням. Джефферсон играл в теннис, купался и собирал моллюсков. У него появились новые друзья среди соседских ребят. По вечерам он много читал и стал носить очки. Отец купил юноше подержанный автомобиль, и Смит учился водить машину на бесконечных проселках графства Саффолк.

После окончания колледжа Смит поступил в Корнельский университет. Потом началась корейская война: он получил приписное свидетельство, но в армию его так и не взяли. Джефферсон начал учиться на подготовительном медицинском факультете. Все полагали, что он пойдет по стопам отца, но медицина не влекла Смита. Она ассоциировалась для него со смертью, запахами лекарств и неистовыми телефонными звонками по ночам. Финансовая карьера ему тоже была не по душе, и Смит переключился на историю и право. Ему хотелось учиться на юридическом факультете или факультете международных отношений. Окончив Корнельский университет, Смит поступил в аспирантуру Гарвардского университета. Все давалось ему легко и просто. Жизнь была прекрасна. Смит не ощущал своего негритянского происхождения, и это иногда беспокоило его. У него возникало какое-то чувство вины, так как Смит полагал, что чем-то обязан своим соплеменникам, что ему следовало бы стать оратором, борцом против расовой дискриминации, политическим лидером. Однако он оказался в мире ученых, работая сперва преподавателем Гарвардского университета, а потом — ассистентом профессора.

Все разошлись от костра и пошли спать. Грэйс долго лежала, глядя на огонь. Но в душе у нее было пусто и тоскливо. Ей хотелось быть с О'Брайеном, он был нужен ей. Теперь она каждый день ждала возвращения охотника. Он всегда уходил рано, до того, как она просыпалась, и долгий день ожидания казался ей бесконечным. Грэйс представляла, как О'Брайен, большой и ловкий, одетый лишь в старые теннисные шорты, идет по каньону. Она видела, как мышцы играют на его сильной груди и крепком животе. Он был совсем не похож ни на тех парней, которых она знала в своей юности, ни на мужа, ставшего для нее теперь уже бывшим, доброго и нежного Эндрю Монктона, журналиста и маменькиного сына.

О'Брайен подошел и остановился подле Грэйс, показал ей убитых ящериц. Это был их обычный ужин. Но не добыча охотника волновала Грэйс. Словно пытаясь получше рассмотреть ящериц, она прижималась к нему обнаженным плечом. О'Брайен склонился к ней, и она уже не могла да и не хотела слышать ничего, что он говорил. Грэйс мечтала об одном, чтобы он обнял ее, поцеловал и сказал, что любит...

О'Брайен относился к тому типу мужчин, которые выглядят более мужественно с бородой, чем без нее, и хороши своим атлетическим телосложением. Он напоминал Грэйс каких-то древних героев: победившего гладиатора, корсара или дикого кельта. Потом он ушел в пещеру, а она осталась одна и долго дрожала в своей постели от холода и обуявшей ее страсти.

И теперь, глядя на огонь, Грэйс поняла, что О'Брайен нужен ей больше всего на свете. В безжалостном мире скал и песков она была незащитным хрупким созданием. Она не может быть здесь больше одна, ей нужен мужчина, такой, как О'Брайен,— живой, сильный и энергичный. Он привлекал ее и физически, как никогда не привлекал муж. В нем чувствовалась грубая сила, которой она страшилась, но к которой ее тянуло; неистовство, которым она грезила и которое заставляло ее вздрагивать в темноте от неумемного желания.

Грэйс уже не могла жить без него.

На северном склоне пика, обращенном к пустыне, прилепилось орлиное гнездо. О'Брайен как-то наткнулся на

него, разыскивая бабуинов. Гнездо было видно только с одного отрога короткой гряды, которую охотник назвал Большим Пальцем. Он увидел, как огромная птица камнем упала с высоты и исчезла в тени. Отойдя подальше, О'Брайен внимательно осмотрел утес, но сначала ничего не обнаружил. Потом заметил птичий помет — белые пятна на черных камнях. Он навел ружье. В оптическом прицеле показалась широкая трещина, в глубине которой что-то шевелилось. Позже появился и сам орел. Но вот он поднялся и улетел в пустыню. О'Брайен пристроил ружье среди скал так, чтобы можно было без помех рассматривать гнездо. Как добраться до этого недоступного места, вероятно глубокой пещеры, в которую еще не проникал человек? И как давно пещера стала жилищем орлов? Сколько их там, где в этом опустошенном мире, расстиляющемся среди пустыни, находят они себе пропитание?

Несколькими днями позже на противоположной стороне пика О'Брайен обнаружил подходящий спуск. Идти было нелегко, но охотник двигался не торопясь и спустился на сотни футов вниз. Никто из его спутников здесь еще не бывал: они не рассчитывали найти ничего пригодного в пищу в этом ущелье. Однако О'Брайен все-таки решил обследовать местность.

Спустившись, он сел отдохнуть у подножья утеса в тени громадных обломков, составлявших некогда часть горного массива. На глаза охотнику попалась длинная желтая ящерица. Он убил ее и съел сырой. О'Брайен не испытывал угрызений совести. Ему необходимо больше пищи, чем другим, ведь он — охотник.

Орлиное гнездо находилось в двух-трех милях отсюда и на сотни футов выше. О'Брайен пошел к нему, огибая утес. Песок — измельченный гранит в смеси с большим количеством слюды — был на удивление мелок. Ноги охотника глубоко погружались в него, и через четверть мили он вынужден был отдохнуть и выпить немного воды. Местность вокруг стала еще более необитаема, чем самые заброшенные уголки каньонов; пустыня сжимала его в своих объятиях и подавляла все чувства, солнце палило без пощады, отвесные скалы были полны немой угрозы.

Но О'Брайен продолжал идти. Он говорил себе, что хочет только точно определить вход в пещеру, а сам останется внизу. Однако пойти туда стоит, даже если он убьет на это остаток дня и всю свою энергию... О'Брайен шел

по глубокому песку, поэтому ему потребовалось немало времени, прежде чем он снова увидел и белые пятна птичьего помета на утесе, и громадную птицу, исчезнувшую вдали.

Теперь он ясно понял, что не совсем осознанное намерение добраться до орлиного гнезда больше никогда не придет ему в голову. Нет никакой возможности взобраться по блестящему, как стекло, утесу. Пещера была надежно защищена от любого нападения с земли.

Он подошел к подножью утеса и содрогнулся. Из твердого песка, удобренного орлиным пометом, поднимались какие-то странные неприятные растения. На одной из скал возвышался белый сталагмит помета. Рядом каким-то чудом сумело сохраниться в этой неплодородной почве растение с толстыми листьями. Повсюду были разбросаны кости и мусор, упавший сверху. На песке виднелись следы шакалов и гиен, этих мусорщиков земли, которые не брезговали подбирать объедки. По песку медленно ползали отвратительные белые муравьи. В воздухе висел ядовитый смрад, которым, казалось, пропитались даже скалы. И тем не менее среди помета, гниющих перьев и отбросов теплилась жизнь. Навоз удобрил бесплодную землю, и чужие для нее семена проросли здесь и живут теперь в гордом одиночестве.

О'Брайен повернулся и пошел прочь.

В пустыне царило спокойствие, слышалось лишь тихое гудение насекомых. Окружавшая О'Брайена красота природы во всей ее первозданной дикости — остроконечные утесы, громадный черный пик, беспорядочное нагромождение скал, чахлая трава, растущая на жесткой почве среди глубокого песка, — чем-то тронула его душу. Здесь простирались обширные дикие пространства, напоминавшие ему фамильное ранчо в Калифорнии, где он провел первую послевоенную зиму. Оно расположено высоко в горах Сьерры-Невады, где снег выпадал рано и лежал до самой весны. Он провел там четыре месяца почти в полном одиночестве, охотясь на оленей или бродя по заросшим лесом склонам. Однажды О'Брайен увидел там горного льва, прострелил ему голову и принес домой шкуру, чтобы показать ее рабочим. О'Брайен любил снег, тишину и холодный ветер, бьющий в лицо.

После той зимы все изменилось. Он женился, но не на той девушке, которая была нужна ему. Жена не влюбила

его, оказалась жадной и все время изображала из себя святошу. Прошло два ужасных года после женитьбы с драками и примирениями, затем долгая процедура развода, о которой сообщили газеты, разрыв с семьей, с его степенными братьями и спокойными сестрами. Эта ошибка ожесточила и унизила О'Брайена. Он перестал доверять женщинам и стал рассматривать их как какую-то иную породу, готовую уничтожить даже себя во имя роскоши и положения в обществе.

О'Брайен уехал в Южную Америку. Он надеялся, что там, в диких местах, в постоянном перемещении с места на место ему удастся изгладить из памяти все свои невзгоды. Однако он быстро устал от чересчур темпераментных латино-американцев и возвратился в Штаты. Делать здесь ему было нечего. Работать он отказался, считая всякую трудовую деятельность абсурдом для сына миллионера. Политика раздражала его. Он не верил в демократию, не выносил компромиссов, да и сам не пользовался популярностью. Скука в конце концов привела его в Нью-Йорк и вовлекла в различные биржевые спекуляции. О'Брайен стал вести бурную жизнь. Он содержал двух любовниц, которые не знали друг друга, занимался всякими подозрительными делами. Обман и мошенничество не вызывали у него отвращения. Он просто не придавал сомнительным махинациям серьезного значения. О'Брайен не понимал бедности, а богатство не производило на него впечатления. Азарт борьбы, купля и продажа акций на владение далекими от него и скучными предприятиями воспринимались им просто как какая-то игра взрослых людей. Выигрывать было несложно. Сначала следовало убедиться в выигрыше, затем исключить риск и случайность — и удача обеспечена. О'Брайен имел состояние и был человеком смелым, а его компаньоны — связи, знали все лазейки и законные комбинации. Он делал деньги, развлекаясь.

Два раза О'Брайен ездил в Европу. Одну зиму он провел в Лондоне, вкушая прелести жизни в незнакомом для него обществе. Другой раз, летом, он был в Италии, где встретил девушку, утверждавшую, что она окончила Вассаровский колледж. О'Брайен ездил с ней в Канны и Биарриц. Годы летели. Он был красив, богат и уверен в себе, но несчастлив. Все давалось ему слишком просто...

Г л а в а 4

Гриммельман засыпал, лежа на мягком белом песке в прохладной пещере. Он думал о Стюрдеванте, о пустыне, мысли его снова и снова возвращались к войне против племени гереро...

Это была постыдная война, как и все войны белых колонизаторов против угнетенных людей на земле. Но вина лежала не только на его отечестве, но и на нем самом. Он, а никто другой, убивал людей без всякой на то причины. Все сражения, все карательные экспедиции смешались теперь в его голове в отрывочные воспоминания о пережитых днях и ночах, полных жажды и страха. Однажды они ушли в поход, направляясь к границам Бечуаналенда, чтобы отрезать пути отступления сотням гереро с их огромными стадами. За пять недель похода они не только не заметили ни одного врага, но не обнаружили даже присутствия противника. Наконец кто-то увидел несколько хижин из колючих веток и навоза, похожих на гигантские улы. Солдаты подожгли их и двинулись дальше, однако густой дым неотступно следовал за ними и вызывал удушье, стелясь над раскаленными песками. От запаха дыма солдат мутило, и они безуспешно пытались уйти от него.

Продовольствия всегда не хватало. Если бы они хорошо питались, воевать было бы не так уж плохо — ведь все они были молоды, энергичны и сильны. Тот, кто заболел, не умер бы, да и вообще все продержались бы дольше. Но лепешки пеклись здесь из плохой муки на горьковатой от обилия солей воде, которая была похожа на молоко — так много содержала она извести. Время от времени какой-нибудь вол не выдерживал, таская тяжелые фургоны, и валился с ног. Животное убивали, и мясо шло в котел прежде, чем начинало портиться. Впрочем, ели его без особого удовольствия: уж слишком оно было теплым и совсем невкусным.

Это была странная война. Враг всегда оставался недосягаем. Даже бурам на их лошадях почти никогда не уда-

валось увидеть своих врагов. Солдаты тащились через пески, преследуя людей, чья вина состояла лишь в том, что кожа их была черного цвета. Кроме того они владели прекрасным скотом, которым ни с кем не хотели делиться. Германское правительство потребовало у гереро их землю и уплаты налогов скотом. Гереро отказались. Так началась война.

По утрам было еще прохладно, и солдаты шагали по мокрой траве. Затем поднималось солнце, песок раскалялся, а они все шли и шли... Обычно отряд состоял из трехсот или четырехсот солдат и двадцати-тридцати фургонов, влачимых полусумасшедшими волами, страдающими от мух и от упряжных ремней, натружавших их покорные спины. Кусты протягивали свои колючие ветви и рвали обмундирование; дешевые сапоги трескались, рассыхались и разваливались. Все стали похожи друг на друга: исхудавшие и пожелтевшие молодые лица заросли жиденькими бородками, изодранные мундиры засалились, винтовки поржавели, руки и ноги покрылись язвами. Время от времени кто-нибудь захлебывался от рыданий, и заставить его замолчать было невозможно. Случались и самоубийства.

В конце концов вся война свелась к борьбе за захват единственного колодца. Произошло настоящее сражение с гереро, которые отвечали солдатам огнем из захваченных винтовок и засыпали их стрелами. Немцы победили. Местные жители отступили на восток, уводя с собой женщин, детей и скот; все гереро ушли в дикие места, подобно израильтянам, бежавшим из Египта от гнева фараона.

Однако и силы солдат оказались уже на исходе. Они бросались на песок среди убитых и раненых и засыпали тяжелым сном. Офицеры и унтеры орали на них, но ничто не помогало: живых нельзя было отличить от мертвых. Утром они вырыли братскую могилу и похоронили товарищей. Позавтракали, собрали всех оставшихся лошадей и сформировали конный отряд. Он бросился преследовать гереро.

Погоня не представляла труда. Гереро отступали по полосе шириной всего около сотни ярдов. Солдаты, передвигаясь верхом на измученных лошадях, вскоре стали наткаться на брошенные вещи: одеяла и женские безделушки, различную утварь и сломанное оружие, чугунки и всевозможные инструменты, реквизированные у немецких фермеров. То тут, то там можно было увидеть трупы

погибших от ран, полученных в последнем сражении у колодца. Стали попадаться измученные люди, безразличным взглядом смотрящие на солдат: мужчины, женщины и дети, умирающие от жажды и отчаяния. Повсюду валялись издохшие собаки, лошади, коровы, козы. Некоторые из оставшихся в живых животные взбесились от жары и жажды и представляли серьезную опасность. Ужасны были трупы младенцев. Но страшнее всего — сидящие или распластавшиеся на песке живые и мертвые женщины с прильнувшими к ним детьми...

Зловоние, мухи, рев скота, стоны умирающих и трупы, трупы... В полдень отряд дошел до первого колодца, но он оказался забитым мертвыми телами гереро, тушами коров и быков. Солдаты расчистили колодец, однако на дне его оказалась лишь маленькая лужица крови. Они безуспешно попытались копать глубже. Воды не было. Песок раскалился настолько, что даже прилечь на него стало невозможно. Здесь не росло ни травинки. Лошадей негде было пасти. Поэтому отряд вынужден был двинуться дальше. На своем пути они встретили как-то группу очень старых женщин, каких Гриммельман раньше никогда не видел. Сбившись в кружок, женщины отсутствующим взглядом смотрели прямо перед собой, туда, где валялись какие-то кости. Одна из них, видимо, пыталась читать молитву, но с шевелящихся губ так и не слетело ни единого звука.

Однажды путь солдатам преградил мальчик с копьём в руке. Они открыли стрельбу, но, покачиваясь в седлах и от слабости едва поднимая винтовки, никак не могли попасть в него. Прозвучало не менее десятка выстрелов, а малыш все еще стоял невредимый. Солдаты засмеялись и отвели винтовки в сторону. Тогда один из офицеров, спешившись, подошел к мальчику, тщательно прицелился и выстрелил в него из пистолета. Мальчик упал. Истерический смех сразу прекратился. Все двинулись дальше.

Отряд пришел к следующему колодцу, но и он был приведен в негодность противником: глубокий ствол оказался доверху забит. Гриммельману каким-то образом удалось спуститься на дно, протиснувшись между громадными еще теплыми и скользкими от крови тушами буйволов. Наполнив несколько котелков горькой и соленой водой, он стал карабкаться вверх, молясь о том, чтобы туши не рухнули и не оставили его навсегда в зловонном колодце. Солдаты сварили кофе. Вслед за Гриммельманом спускались в ко-

лодец и другие. Кто-то нашел огромное гнездо ткачиков¹⁵. Они разодрали его и скормили обезумевшим от голода лошадям вместе с коровьим пометом и колючками.

Потеряв всякую способность преследовать и тем более сражаться с противником, отряд повернул назад. Солдаты ослабли и испытывали такой же ужас, какой они внушали гереро. Лошади падали, а вместе с ними падали и солдаты. Каждый полмили стояли отряду лошади. Пешие собирались группами и, кое-как держась друг за друга, пытались устоять на ногах.

Прошла ночь, наступило утро... Отряд теперь представлял собой растянувшуюся колонну обезумевших, спотыкающихся людей, борющихся со страшной апатией и охваченных единственным сильным желанием — хоть как-нибудь переставлять ноги и идти вперед. Стервятники неотступно преследовали колонну. Вот пала последняя лошадь, последняя винтовка полетела в песок.

Большинству солдат все же удалось присоединиться к главным силам, однако почти никто из них не помнил, каким образом это случилось. Только придя в себя, они узнали, что война уже кончилась...

Мир крайностей, затерянный мир человека, стоявшего на грани первобытности, мир древнейшей растительности. Вступив в пустыню, всегда возвращаешься к прошлому...

В пустыне живут поразительные существа — потомки эры колоссальных насекомых и ящеров. Это тарантулы и гигантские жуки или пресмыкающиеся с рогами, одетые в жесткие панцири. Чем глубже проникаешь в пустыню, тем грубее становится природа, колючих растений встречается меньше, а насекомые становятся более ядовитыми; из своих каменных замков выглядывают свирепые бабуины, хищные птицы осматривают окрестности с высоких скал. Время теряет в пустыне всякий смысл.

Однако и здесь есть свои исключения. Среди песков живет похожая на лошадь грациозная и красивая анти-

¹⁵ Ткачики — семейство птиц отряда воробьиных. Наиболее крупные из них (буйволовые ткачики) достигают в длину 25 см. Строят закрытые висячие гнезда шарообразной, яйцевидной или бутылочной формы. Гнездятся большими колониями (до нескольких сотен гнезд).

лопа джемсбок¹⁶, травоядное животное с длинными рогами. Она стремительна и благородна, словно сказочный единорог, и может легко прожить без воды. Если рассердить антилопу, перед ней отступает даже лев. Одна из таких антилоп забрела в каньон и вспомнила о прудике, небольшом открытом водоеме. Несколько лет назад большое стадо джемсбоков, двигаясь на юг, проходило в этих местах. Животные пустынь никогда не забывают своих водоемов. Не забыла его и антилопа. Она пришла к прудику в каньоне и попала под пулю О'Брайена.

Он увидел антилопу — крупное и красивое животное, стоявшее под засохшим деревом у водоема в призрачной предрассветной мгле. Она стояла боком к охотнику так, что два изогнутых рога, казалось, слились в один. Первым же выстрелом О'Брайен сразил ее, и животное, как подкошенное, рухнуло на каменистый грунт.

Все сбежались на выстрел и смотрели на гладкую шкуру, белые, словно в гетрах, ноги антилопы и длинные рога. В такое счастье трудно было поверить. Неожиданно у них оказались большие запасы мяса.

Гриммельман взял охотничий нож О'Брайена и перерезал животному горло. Хлынула алая кровь.

— Разделать ее? — спросил старик.

— Давай, — разрешил О'Брайен. — Я, собственно, не знаю, как это делается. Разделявай.

— Принеси немного горячих углей, — попросил немец Смита. — Устроим пир. Надо съесть лучшее, что вкуснее и свежее всего. Остальное мясо тем временем провялим.

— И будем сушить? — поинтересовалась Грэйс.

— Это самый надежный способ, — ответил Гриммельман. — Нарежем мясо на полосы, развесим их на дереве и заставим солнце работать на нас. Потом разведем костер. Кому-то придется остаться здесь на ночь, чтобы отгонять хищных птиц.

Смит побежал за углями, а остальные разбрелись по каньону собирать хворост под редкими деревьями.

Встало солнце, и сразу же, почувяв запах мяса, стервятники закружились в ясном небе.

¹⁶ Джемсбок — саблерогие антилопы, относящиеся к подсемейству лошадиных антилоп. Крупные животные с прямыми длинными рогами. Распространены в Юго-Западной Африке от Анголы до Калахари.

Гриммельман снял с убитой антилопы шкуру и с помощью О'Брайена освеживал тушу. Удалив внутренности, они стали резать мясо на большие широкие полосы, которые О'Брайен развешивал на сучках акаций. Тушу надо было разделать так, чтобы вся кровь стекла до последней капли. Оба они даже не заметили, что с ног до головы забрызгались кровью. Пот градом катился с их усталых лиц. Наконец, они бросили работу и сели отдохнуть. Расстелив окровавленную шкуру, как скатерть, О'Брайен и Гриммельман положили на нее внутренности — печень, сердце, кишки — лакомые кусочки, которые тут же зажаривали над огнем. Потом Гриммельман расколол крепкий череп и извлек мозг, оставив его на ужин.

Путники нетерпеливо набросились на полусырое мясо, разрывая его руками, и с жадностью, смакуя, глотали. Время от времени кто-либо спешил к пруду, чтобы утолить жажду. Теперь все насытились и, отдуваясь, наблюдали, как мясо сморщивалось и шипело на концах обуглившихся палок. Иногда какой-нибудь кусок падал на землю, его поднимали и смывали песок в прудике. Постепенно все отошли от костра, расположившись в тени недалеко от места пиршества.

— Что теперь будем делать? — задал вопрос Бэйн, лежа, как и все, на спине, ленивый и полусонный. Приятное чувство сытости вернуло ему хорошее настроение.

— Разрежем мясо на небольшие ломтики и высушим, — проговорил Гриммельман. — А если их сначала выжать, сдавливая между плоскими камнями, мы получим вяленое мясо намного быстрее.

— Этот процесс носит название дегидратации, — уточнил Бэйн.

— Именно так, — согласился старик. — Потом развесим мясо на солнце. Вот от мух избавиться будет труднее. Посмотрите-ка, они уже откладывают на мясе свои яйца. Нужно скорее разжечь небольшие дымные костры, чтобы отогнать их.

— Давайте, — поддержал Бэйн, закрыв глаза и смахнув муху с окровавленной руки. — Только сначала немного отдохнем. Я так наелся, что не могу сейчас ничего делать.

— Если бы нам удалось подстрелить еще таких антилоп, — протянул Смит. — Как вы думаете, много их бродит здесь в окрестностях? Или вообще в пустыне?

— Мне приходилось видеть стада в тысячи голов, — от-

ветил Гриммельман.— Но кто может сказать, откуда появилась эта антилопа и увидим ли мы еще одну.

— Хорошо, что О'Брайен такой прекрасный стрелок,— сказал Бэйн.— Представляете все это мясо убегающим прочь?

— Антилопа пришла к пруду. Почему бы и нам не пойти в какое-нибудь другое место, в другой каньон? — спросила Грэйс.— Может, своими выстрелами, шумом и огнем мы напугали здесь всех животных.

— Наверяд ли,— старик передернул плечами.— В это время года в центральной части пустыни большие стада не встречаются. Они вернутся сюда, когда пойдут дожди и природа вновь оживет. Это животное пришло к воде. Ни опасность, ни незнакомые запахи не отпугнули его. Думаю, нам следует оставаться здесь в пещере, и неплохо бы кому-либо по ночам караулить с ружьем около воды. Я первый бы с удовольствием согласился.

— Вот это дело! — одобрил О'Брайен.— Раз есть вода, животные должны приходить к ней. Если даже убивать по одной антилопе в неделю, мы получим достаточно мяса и все будет прекрасно.

— Сюда может забрести и зебра,— добавил Гриммельман.

— Что бы мы ни убили, все лучше, чем эти дыни,— проговорила Грэйс.— Ими можно только набить желудок, но толку от них мало. Последние дни у меня стала кружиться голова, и иногда я чувствую такую слабость...

— Это так,— поддержал ее Бэйн.

— Пошли, пока мухи не съели все мясо,— предложил, вздохнув, О'Брайен и стал не спеша подниматься.

Они перенесли костер под низенькие деревца. Дым быстро отогнал тучи мух, которые успели уже плотной массой покрыть окровавленное мясо. Гриммельман отрезал от больших кусков длинные тонкие ломтики и передавал их своим спутникам, которые тщательно развешивали полосы на ветках. Солнце высушит мясо, испарит из него влагу, оно станет жестким и твердым, но не испортится. Так его можно будет сохранить и запастись впрок.

Мясо все резали по очереди. Остатки собрали и, сохраняя от насекомых, завернули в шкуру, рассчитывая съесть за ужином. Кости Бэйн отнес подальше и разбросал. Мухи устремились за ним, медленными кругами стали опускаться стервятники.

Солнце постепенно склонялось к закату, жара спадала. Наконец, был подвешен последний ломтик мяса. Гриммельман и О'Брайен решили остаться караулить под деревом у небольшого костра и принесли из пещеры свои постели. Все дружно собирали для них хворост.

Наступил вечер. Приближалась холодная ночь. О'Брайен и старик Гриммельман готовились к ночному бдению. Все остальные вернулись в пещеру.

Для затерявшихся в пустыне людей этот день был одним из счастливых.

В своем дневнике Джефферсон Смит писал:

«Мясо антилопы спасло нас. Бэйн набирается сил. Он сказал мне, что был «образованным хулиганом», и добавил: «И при том способным».

Сколько мы еще пробудем здесь? Нас пятеро. О'Брайен охотится, но приносит мало дичи. Теперь он пытается подстеречь бабуинов. Однако они умны. Не подпускают к себе даже на выстрел. Из-за вечных неудач с ним что-то, по-моему, происходит. Он стал менее разговорчив. Гриммельман — чудесный человек и для своих лет держится великолепно. Ему немного надо, он вынослив, отлично выглядит. Грэйс здорова. Я чувствую себя хорошо. Неплохо бы подстрелить еще одну антилопу. От сырого мяса мы все испытываем головные боли и головокружение. Не хватает соли.

Джефферсон Смит, бакалавр, магистр и доктор философии, ходит сейчас босой. Штаны порваны и стали коротки. Ночи холодные, и, ложась спать, мы напяливаем на себя все, что можно. О'Брайен носит лишь старые грязные теннисные шорты. Шляпы у него нет. Он ни разу не брился, не стриг волосы и считает, что это предохраняет от солнца, понижает температуру мозга, не доводя его до кипения. Я полагаю, он прав. Пока О'Брайен приносит в маленьком мешочке уже почищенных и подготовленных для поджаривания на костре небольших ящериц. Я самый никудышный охотник. Грэйс — способнее. Эта женщина словно создана для жизни под открытым небом. У меня же плохое зрение и мало терпения. Гриммельман похож на сову: часами сидит и выжи-

дает, когда ящерицы вылезут из нор, а потом бьет их своей тростью. Он умеет выкапывать ящериц и из земли. О'Брайен кидает в них камни, при этом ему все равно, попадет он или нет.

Цивилизация представляет собой колеблющуюся мембрану над черной бездной варварства. Напыщенная фраза, но выражает суть дела. Мы прорвались через эту мембрану. Если бы здесь было больше пищи, если бы у всех нас были женщины, наши дети родились бы в каменном веке. О'Брайен выпустил бы последнюю пулю, одежда изнасилась бы. Речь детей состояла бы лишь из примитивных слов. Чему-нибудь мы их научили бы, конечно, но после нашей смерти математика, история, философия и другие науки потеряли бы для них всякий смысл. И они не передали бы свои знания потомкам. А может быть, наши дети додумались бы до водородных бомб.

На сегодня — все».

Как-то Смиту, который отдыхал после полудня в тени у входа в пещеру, пришла в голову интересная идея. Убедившись, что батарейки его карманного фонарика еще работают, Смит подошел к Майку и Грэйс. (После утренней охоты под горячими лучами солнца Гриммельман отдыхал в прохладной пещере. О'Брайен ушел на рассвете).

— Хотелось бы еще раз взглянуть на тот туннель, как вы его называете,— заявил Смит.— Хотите пойти со мной? Это любопытно.

— Что там смотреть? — сказала Грэйс.— Всего лишь какая-то дыра в скале, уходящая вверх.

— Ты собираешься лезть туда? — спросил Бэйн, поднимаясь.

— Да,— ответил Смит.— Кажется, там есть поворот. Я, наверное, смогу взобраться, если вы посветите мне фонариком.

— Пойдем, что мы теряем? — согласился Бэйн.

— Ты можешь сорваться, Смит,— предостерегла Грэйс,— и сломать ногу.

Однако Смит уже шел в глубь пещеры, Бэйн последовал за ним, Грэйс подумала и тоже присоединилась к мужчинам.

Фонарик Смита прорезал мрак пещеры; свет сзади постепенно тускнел и, наконец, окончательно пропал, как только они завернули за угол. Песок становился мягче и

глубже. Казалось, они словно вступают в иной мир, отрешенный от всего живого, туда, где для них не было места. Наконец, пещера кончилась. Путники остановились. Далее шла отвесная стена. Они наблюдали, как луч света проникал в широкий, похожий на трубу проем у них над головой. Это был какой-то ход, но не прямой, как они думали раньше, а слегка наклонный, на что и обратил внимание Смит. По-видимому, наклон позволял проникнуть в туннель.

— Видите, он поворачивает,— заметил Смит.— Интересно, куда ведет этот ход? Хорошо бы выяснить. Помните, Гриммельман говорил о внезапных потоках воды? Может, вода как раз и прорывается сюда во время ураганов? Если это так, то мы когда-нибудь очутимся в дьявольски неприятной ситуации, утонем или, в лучшем случае, поток вынесет нас из пещеры.

— Хорошо, что это пришло тебе в голову! — воскликнул Бэйн.

Отдав фонарик Майку, Смит начал подъем. Он цеплялся руками за небольшие выступы, нащупывая пальцами узкие щели. Негр был бос. Грэйс и Бэйн хорошо видели, как пальцы его ног отыскивали места, которые служили ему ранее опорой для рук. Они отошли немного назад из страха, что Смит, сорвавшись, упадет на них.

Негру удалось взобраться. Спутники увидели его в туннеле в пятидесяти или шестидесяти футах над ними. Теперь Смит был уже в безопасности. Бэйн светил ему, отыскивая лучом фонарика наиболее удобный путь по ступенчатой стене. Неожиданно Смит, не сказав ни слова, исчез во мраке.

«Что мы будем делать,— подумал Майк,— если фонарик вдруг погаснет?»

Вскоре из темноты показались ноги Смита: он начал спуск. Через несколько минут негр, мокрый от пота, уже сидел рядом с ними на песке и довольно улыбался.

— Полезу туда опять, только захвачу веревку,— проговорил он.— По туннелю осталось проползти футов десять. Безусловно, я ничего не увидел, но должен же этот ход куда-то вести! Я залезу еще раз, брошу вам конец веревки и подтяну на ней фонарик, чтобы внимательно обследовать все вокруг.

Теперь и Грэйс с Бэйном заразились энтузиазмом Смита.

— Пойду за веревкой,— предложил Бэйн.— Фонарик мне не нужен и, пожалуй, лучше выключить его, чтобы он совсем не погас,— добавил он, уже уходя.

Смит нажал на кнопку, и темнота поглотила их. Грэйс испуганно вздрогнула.

— Боюсь темноты,— сказала она.— Будь я одна, у меня началась бы истерика.

— Да, здесь абсолютная тьма,— произнес Смит.— Она словно давит на вас. Там наверху я не чувствовал никакого движения воздуха, но очень может быть, что я ошибся. Готов держать пари: в пещере есть потайной ход, которым пользовались бушмены.

— Я боюсь и бушменов,— донесся из мрака голос Грэйс.— Мне все время кажется, что они придут сюда, станут наблюдать с утеса, а потом ночью спустятся и убьют нас.

— Ну, это было бы совсем неплохо, если бы они появились на самом деле,— ответил ей негр.— Бушмены не причинят нам вреда. Это не дикари и вовсе не свирепые люди. Полагаю, они помогли бы нам выбраться отсюда и пересечь пустыню. Я сам охотно пошел бы с ними, если бы кто-нибудь из них еще остался в здешних местах. По крайней мере, надо на это надеяться.

Из темноты до них донесся шум. Смит включил фонарик, и в свете его появилась фигура Майка Бэйна с мотком веревки. Негр взял веревку, сделал на одном ее конце петлю, а вторым обвязал себя вокруг пояса.

— Возможно, ее удастся там привязать,— сказал он, подойдя к стене, и стал взбираться, сопровождаемый лучом фонарика Бэйна. Подъем на этот раз шел быстрее. Смит достиг верхней точки изгиба и остановился там, где туннель переходил в горизонтальный ход.

— Не хочешь ли подняться сюда, Бэйн? — громко спросил Смит.— Здесь есть выступ. Я закреплю за него веревку и подержу ее. Ну, как?

Бэйну лезть не хотелось. Он не видел в этом смысла. Кроме того, не был достаточно проворен и не чувствовал уверенности в себе. Но Смиту хотелось, чтобы он поднялся.

— Иду,— крикнул Майк, схватившись за веревку.

— Это безопасно,— прозвучал из тьмы голос Смита.

Грэйс держала фонарик, а Бэйн медленно поднимался вверх, упираясь босыми ногами в скалу и перебирая ру-

ками веревку. Вскоре он добрался до Смита, и у Грэйс вырвался вздох облегчения.

— Теперь привяжите фонарик к концу веревки,— попросил Смит.

Грэйс быстро выполнила просьбу и крикнула:

— Поднимайте!

Мужчины смотрели, как луч света, двигаясь вверх, метался в темноте и отбрасывал загадочные блики на напряженное и строгое лицо Грэйс.

Бэйн шел по туннелю вслед за Смитом, стараясь так держать фонарик, чтобы идущий впереди мог видеть все перед собой. Туннель поднимался выше и становился шире. Мужчины уже могли выпрямиться во весь рост. Вокруг них смыкался каменный свод, но они шли дальше, охваченные любопытством первооткрывателей.

Туннель стал подниматься под большим углом и сузился. Теперь Смит взял фонарик, а Бэйн, стараясь не отставать, следовал за ним. Стены туннеля были из гладкого черного обсидиана. Протягивая руки, они легко могли касаться их. Смит остановился и осветил вверх: стены туннеля сходились здесь высоко над головой. Так же внезапно подъем кончился, и пол под ногами стал совсем плоским. Смит и Бэйн оказались в широком коридоре. Здесь потолок был еще выше, и свет не достигал его, хотя Смит и пытался осветить лучом фонарика сходящиеся стены.

Они двинулись дальше. Вдруг Смит резко остановился, и Бэйн от неожиданности налетел на него. Негр что-то промычал. Тут Майк увидел в стороне у стены скрючившийся скелет.

— Бушмен,— произнес Смит.— Посмотрите, какой маленький.

Они подошли и наклонились, рассматривая небольшой череп и тронутые временем кости. Рядом со скелетом лежали остатки крошечного лука и четыре стрелы без каменных наконечников, уже, видно, давно отвалившихся. Бэйн прикоснулся к палке, и дерево сразу рассыпалось.

— Не трогайте наконечники,— предостерег его Смит.— Они, вероятно, отравлены самым сильным ядом в мире. Он до сих пор может быть опасен.

Бэйн кивнул. Они пошли дальше и наткнулись на второй скелет. Потом увидели еще два. Опустившись на колени, спутники внимательно рассматривали скелеты. Один, очевидно, принадлежал ребенку, а другой — женщине.

Смит поднял несколько одинаковых, хорошо обработанных бусинок, сделанных из скорлупы страусовых яиц. Рядом лежали превратившиеся в труху остатки одежды, которую носили люди в те далекие времена. Но почему много лет назад эти четверо бушменов нашли здесь свою смерть?

Около самого маленького скелета лежал миниатюрный лук, несколько стрел, размером не более карандаша, завитки волос и кусочки кожи. Стоило только Смицу прикоснуться к одному из этих предметов, как тот моментально распался.

Фонарик замигал, и они на мгновение оказались во мраке. Оба испугались.

— Пойдемте дальше,— проговорил Смит. В его голосе Бэйн почувствовал волнение.

Они снова двинулись вперед по туннелю. Смит опять посветил вверх, но потолка так и не было видно.

Впереди показалось что-то белое. Еще кости? На этот раз на фоне черного камня аккуратной горкой лежали громадные яйца. Некоторые из них были разбиты.

— Страусовые яйца,— тихо проговорил Смит, коснувшись руки Бэйна.— Тут их штук двадцать или тридцать. Бушмены использовали их в качестве сосудов для воды.

Он наклонился, поднимая яйцо, и, взвесив его на руке, протянул скорлупу Бэйну. Она была твердой и на каждом конце имела по небольшому отверстию.

— Наверное, мы оба думаем сейчас об одном и том же,— сказал Бэйн.

— Да, теперь мы смело можем идти через пустыню,— размышлял вслух Смит.— Эти штуки спасут нас.

— Пора возвращаться к Грэйс,— заметил Бэйн.— Я захвачу пару скорлуп с собой.

Джеферсон Смит кивнул и осветил фонариком еще раз горку яиц.

— Будьте, осторожны, не разбейте скорлуп! — предостерег он Бэйна.

Усталый и раздраженный вернулся О'Брайен с охоты после захода солнца, так и не добыв ничего путного. Не оставалось ничего другого, как подкрепиться надоевшими всем дынями и сушеным мясом антилопы. После ужина все снова заговорили о скорлупах страусовых яиц, найденных в туннеле Смитом и Бэйном.

— Мы сможем теперь создавать базы с запасом воды в пустыне,— проговорил Гриммельман,— скорлуп для этой цели нам хватит.

— Ну, и как это сделать? — с неожиданным интересом спросил О'Брайен.

— У нас много воды и достаточно скорлуп, но мы не уйдем далеко, неся в них воду. Тогда уж лучше сидеть на месте и ждать, когда пролетит самолет и летчик увидит нас. Я предлагаю другое. Предположим, Бэйн и Смит ночью пойдут в пустыню и понесут в скорлупах столько воды, сколько смогут. Утром, когда взойдет солнце и уже нельзя будет идти дальше, они закопают часть скорлуп с водой в определенном месте. На следующую ночь опять пойдут вперед, а потом снова закопают скорлупы с водой. Вернутся они в пещеру, оставив в пустыне две базы с запасом воды. Через несколько дней, отдохнув и набравшись сил, они отправятся снова, но теперь уже пройдут вперед двое суток, не прикасаясь к воде, которую будут нести, так как смогут пить из скорлуп, оставленных на базах ранее. Так они создадут еще две базы, последнюю — на расстоянии четырех дней ходьбы отсюда. В конечном счете будет образована цепь баз в пустыне, и тогда кто-нибудь из нас, не отягощенный грузом воды, сможет пройти через пески, используя после каждого ночного перехода воду из двух скорлуп, а может быть, и запасы пищи.

— А ведь это дело,— согласился О'Брайен.

— Я не уверен, что смогу столько пройти,— в голосе Бэйна слышалось сомнение.— Этот план хорош, если не принимать во внимание человеческие возможности.

— Мы смогли бы уходить по очереди,— предложила Грэйс.— Первой могу пойти я. Это будет самый легкий переход.

— Ну, а я берусь идти последним,— сказал Смит,— кто-то должен преодолеть весь путь через пустыню.

— И все же,— остановил их Гриммельман,— в этом нет никакого смысла. Вы только напрасно отдадите свои жизни. С этими скорлупами можно, конечно, обследовать определенную площадь вокруг. Может быть, удастся найти еще один постоянный источник воды или какую-нибудь дорогу. Никому из нас нет смысла следовать примеру Стюрдеванта. И никто не имеет права на этом настаивать.

— Согласен,— поддержал старика Бэйн.— Геройство

ни к чему. Никто из нас не сможет проделать такой путь. Уж если Стюрдеванту не удалось, то нам тем более. Давайте используем скорлупы для того, чтобы создать базы с водой в целях обследования местности, а не гнать кого-нибудь в пустыню в надежде, что он найдет помощь раньше, чем умрет от жажды. Я не поддерживаю такого предложения, если только все не решат так поступить.

— Ты прав,— согласился Гриммельман.— Я только высказал предположение о том, как использовать скорлупы. Может быть, мы находимся в двух-трех днях пути от небольшого городка, а, возможно, и ближе. Надеюсь, мы скоро выберемся отсюда.

— Что-то не верится,— проговорила Грэйс.— Мне кажется, я уже полжизни провела здесь.

— Правильно.— О'Брайен говорил медленно, тщательно подбирая слова.— Здесь у нас с вами есть все для жизни: солнце, воздух, ночная прохлада и полуденный зной над скалами. Нас заставляет жить постоянная борьба со смертью, и в ней мы находим себя.

Смит одобряюще кивнул головой и посмотрел на Бэйна. Гриммельман понял его взгляд и улыбнулся, словно открыл в нем самом нечто такое, о чем не подозревал.

— В том-то и беда,— воскликнул Бэйн,— что мы стали чертовски близки к природе!

Он тоже понял мысль О'Брайена, так как провел половину своей жизни вдали от цивилизации. Смит тоже реально представлял себе, как обострено чувство времени в заброшенных каньонах, ему стал знаком и запах и вкус дичи, пресной воды и прелесть рассветов.

— А что вы думаете о скорлупах? — спросила Грэйс О'Брайена.— Мы не слышали вашего мнения об этом.

— У нас нет выбора,— начал охотник.— Мне кажется, что мы выберемся отсюда и это только вопрос времени. Если идти, то дня на два, на три, провести разведку в разных направлениях. Скажем, двое мужчин уходят с полным грузом воды, оставляя через каждые шесть часов ходьбы по две наполненные скорлупы. Возвращаются они тем же путем с пустыми скорлупами. Главное — надежно уберечь скорлупы с водой от зверья с тем, чтобы их можно было потом легко найти.

— Лучше всего отметить каждую базу кучкой камней или поставить палочку с лоскутком тряпки,— предложил Смит.

— Пустыня, в действительности, не безлика,— сказал Гриммельман.— Я уверен, если пересечь пески, местность изменится. Она будет столь же безводна, но появятся деревья, трава, а, может быть, и какие-либо ориентиры.

— Можем идти уже завтра вечером. Кто пойдет со мной? — О'Брайен повернулся сначала к Смиуту, потом к Бэйну.

— Я,— предложил Смит.

— Хорошо,— согласился О'Брайен.— Может, мне удастся добыть свежего мяса. Но если даже не придется ничего подстрелить, район охоты будет расширен.

— Прихватите с собой мешок для дынь,— посоветовал старый немец.

— И каждый день жгите костры,— добавила Грэйс.— Пусть будет побольше дыма.

Всех взволновал неожиданно вспыхнувший проблеск надежды. Смиуту удалось найти склад страусовых яиц, и у них появилась возможность выйти за пределы этого тесного мира. Они будут спасены.

— Пойду спать,— бросил О'Брайен и исчез в глубине пещеры. За ним ушла Грэйс.

Все последовали их примеру. Сон спасал от голода и давал возможность на время уйти от действительности: во сне оживали мечты. Бэйн пошел спать последним. Для него этот день был удачным: экспедиция за яичными скорлупами может принести им спасение. Быть может, через неделю они возвратятся в цивилизованный мир.

Это больше не казалось несбыточным.

Дни шли своей чередой. Все были заняты больше, чем когда-либо раньше. О'Брайен и Смит обследовали пустыню в северном направлении. Но обнаружили лишь бесконечные кустарники и не нашли никакой воды. Переход занял шесть дней: три в одном и три в обратном направлении. Пили они ту воду, которую оставили, уходя в пустыню. На третий день О'Брайену удалось убить антилопу. На привале он стал разделывать тушу, а Смит тем временем отправился на поиски хвороста. Он долго ходил вокруг, но принес лишь небольшую охапку. Они жарили громадные куски мяса, сожалея, что товарищи не с ними и некому помочь закоптить мясо. Принявшись за еду, О'Брайен и Смит ели столько, сколько могли, пока не заснули в из-

неможении с туго набитыми желудками, время от времени чувствуя приступы тошноты. Костер погас. К вечеру они разожгли его и начали опять жарить мясо. Пора было отправляться обратно. Ночь уходила, а к рассвету надо было добраться до последней базы с водой. Да, они так ничего и не обнаружили, но ходили не бесполезно, хотя бы потому, что принесли мясо. Последний переход шли медленно. О'Брайен хотел подстрелить газель, но она сразу же скрылась, стоило ему только поднять ружье.

В песке на полу пещеры Гриммельман нашел узкий, с правильными пропорциями наконечник копья длиной в семь дюймов, отколотый, видимо, от тяжелого черного камня. Он подержал камень в руке, рассматривая его острые края и хитроумный паз, который сделал какой-то бушмен или гереро, чтобы закрепить наконечник на древке. Осколок камня был простейшим, искусно изготовленным инструментом древнего человека. Старик опустил его в глубокий карман своей штормовки. Он сохранит этот наконечник и отошлет в какой-нибудь музей. Старый немец когда-то убивал бушменов и гереро. И не сможет ли подобный дар музею хоть в какой-то мере загладить совершенные им злодеяния? Гриммельман все время чувствовал за собой вину: видел все, но бездействовал; знал, но молчал. Он был «маленьким человеком», но от него и других ему подобных исходило и все хорошее и все плохое.

Гриммельман приехал в Африку, чтобы спрятаться от себя самого, бежал из Европы, чтобы снова увидеть места, где провел молодые годы, ту землю, на которую он много лет назад смотрел глазами юноши, полного благородных мечтаний...

Гриммельман показал всем наконечник копья, и они согласились с тем, что это был действительно редкий экземпляр.

Запись в дневнике Смита:

«Описать пустыню невозможно. Настоящая пустыня — это обширное пространство земли, чистое небо и палящее солнце. Она так же чужда мне, как и большинству людей. Люди всегда избегали пустынь, горных пиков, пещер, морских глубин, болот.

Когда-то они боялись ночной темноты, населяя ее привидениями и духами. Их мучил страх перед неизвестностью. Большинство подвигов по покорению горных вершин, исследованию пещер и переходу через пустыни совершено на памяти ныне живущих людей (новая техника, научные достижения). Странно, что мы запоздали с освоением этих мест. У нас появились телевидение и атомные бомбы, прежде чем был покорен Эверест. В Бразилии в руинах затерянного города люди каменного века наблюдают за спутником. А этот уголок мира кажется таким же далеким, как и обратная сторона Луны.

О'Брайен великолепен. Я не могу представить его себе вне здешних мест. Он показался бы странным в повседневном костюме и рубашке с галстуком. Думаю, у него потрясающее здоровье. К тому же О'Брайен безгранично самоуверен, хорошо приспосабливается к любым условиям. Он — прирожденный руководитель, и лучше б ему родиться в другое время, в елизаветинское, или быть офицером в армии Александра Македонского. На собрании акционеров его представить трудно. Он во всех нас поддерживает стремление бороться. Без О'Брайена мы погибли бы.

Переход казался таким долгим. Убили антилопу и наелись до тошноты. Нести ее было невозможно. Слишком далеко. О'Брайен считает, что продовольствием (ящерицы, мед, дыни) мы на некоторое время обеспечены. Я был счастлив, когда мы вернулись назад в горы. Странное чувство. В пещере лучше спится. Люди приспособляются к любому образу жизни. Я как-то читал об осужденных, отказывающихся покинуть камеры. Их можно понять. Если бы у нас было больше еды, мы тоже могли бы не без удовольствия пожить здесь некоторое время. Теперь перед нами встает старая как мир проблема. Перенаселение.

Трудно определить, как далеко мы уходим во время своих охотничье-разведывательных походов. Шли по ночам. Босые. На спине — тяжелая ноша с водой. Я раздражаю О'Брайена. Шесть ночей медленной ходьбы. Как далеко мы ушли? Пятьдесят миль? По-моему, идти бессмысленно, если не приносит

мяса. Я мог бы ходить один, искать дыни и т. д., но боюсь заблудиться, разбить скорлупы и умереть там в «Громадной Стране Жажды».

С тех пор как мы в пустыне, Бэйн стал выглядеть лучше. Из всевозможных нитей и проводов он сделал сеть и каким-то образом ловит птиц около прудика. Неплохо. Сейчас Майк сооружает ловушку для ящериц. Укрепив и уравновесив плоский камень, Бэйн использовал его в качестве западни. Однако это приспособление действует не всегда. Ведь ящерицы бегают так быстро. Гриммельман и Грэйс похудели, как и все мы. Но держимся. Хотя я считаю, что мы медленно умираем от голода».

О'Брайен и Смит снова ушли в пустыню. Они взяли с собой только по одной дыне, надеясь найти новые поля на просторах пустыни за горизонтом. Запасов воды им должно было хватить на шесть дней.

— Не рискуйте! — напутствовала мужчин Грэйс.

— Если я подстрелю кого-нибудь, мы сразу же вернемся, — пообещал О'Брайен.

Дыни кое-как поддерживали в них жизнь, но им необходимо было мясо. Сейчас они съели бы и бабуина, если бы удалось убить хоть одного; но обезьяны были слишком умны и держались на безопасном расстоянии от охотника.

— Не забывайте о жирных зебрах, — посоветовал Гриммельман. — Ищите их. Если увидите следы, идите по ним, они приведут вас к воде.

— Мы обязательно вернемся с добычей, — обнадежил всех охотник. Ему не хотелось возвращаться с пустыми руками.

Они отправились в путь. Через некоторое время солнце село, подул ночной ветерок. О'Брайен и Смит шли на юг. Спустя шесть часов каждый из них снял с плеч по одной наполненной скорлупе. О'Брайен стал зарывать скорлупы в песок, а Смит собирал вокруг камни для пирамидки. Закопав ценную влагу, они с полчаса отдыхали. Затем поднялись и заспешили дальше, пока не встало солнце и не заставило их сделать привал. На третью ночь местность резко изменилась и стала напоминать поросшую кустарником степь. Сухая порошкообразная почва была заполнена острой галькой с разбросанными по ней полуза-

сохшими стеблями кустарника. Когда наступил рассвет, взволнованные переменой природы путники пошли еще быстрее, ни на минуту не останавливаясь. Монотонность бесконечных песков подавляла их, а кусты казались какими-то таинственными. Час спустя О'Брайен убил крупную дрофу. Поставив скорлупы в тень, чтобы охладить воду, они развели большой костер и зажарили птицу. Почувствовав прилив сил после жаркого, напоминавшего индюшатины, О'Брайен и Смит улеглись в тени и крепко уснули. Когда солнце стало клониться к закату, Смит поднялся и разбудил О'Брайена.

— Пойдемте пораньше,— предложил он.— Остатки дрофы можем взять с собой.

О'Брайен протер заспанные глаза и вскочил на ноги. Они съели часть птицы и вдоволь напились из скорлупы. Смит поднял свою самодельную сетку.

— Ты не помог бы немного понести мою воду,— попросил О'Брайен.

— Ну, что ж,— согласился Смит,— возьмите тогда птицу.

Охотник осторожно поднял пять оставшихся у него скорлуп и переложил в сетку Смита, туго стянув ее так, чтобы яйца не разбились.

— Как чувствуешь? — спросил он Смита.

— Хорошо.

О'Брайен взял ружье и, отойдя на несколько ярдов назад, дослал патрон в патронник.

— Подожди минуту,— бросил он Смицу.— Я хочу тебе кое-что сказать.

Смит нахмурился.

— Ты пойдешь вперед со всей водой,— продолжал О'Брайен,— а я вернусь один. Буду пить оставленную воду, и, если повезет, подстрелю что-нибудь и принесу нашим. Они там умирают от голода. Им необходимо мясо.

— Я не уйду один,— сказал Смит.

— Уйдешь.

— Нет,— повторил негр.— Как только в скорлупах кончится вода, я погибну. Мы ведь договорились не ходить поодиночке.

— Пойдешь или я убью тебя на месте,— предупредил О'Брайен.

— Ты не сделаешь этого,— ответил Смит, все еще не веря.

— А ну, попробуй, подойди-ка ко мне. Возьми ружье. Смит посмотрел на О'Брайена и понял, что тот не шутит.

— Это бессмысленно,— проговорил он.— У нас достаточно воды, чтобы и идти дальше вместе и вместе вернуться.

— Ты забыл о другом,— возразил охотник.— Там, в каньоне, нас чересчур много и на всех пищи не хватит. Если ты уйдешь, одним животом станет меньше. И я уверен, что ты доберешься до воды, железной дороги или ранчо. Думай теперь о себе сам. Разжигай большие костры, где бы ни остановился.

— А ведь я могу первым дойти до базы с водой и оставить вас ни с чем,— пригрозил Смит.

О'Брайен расхохотался. Его развеселила сама мысль о том, что негр может обогнать его.

— Брось свои шуточки и не делай глупостей, профессор.

— Не будьте так самоуверенны,— произнес Смит.

— Иди вперед,— приказал охотник.— У тебя хорошие шансы выжить. Не обременяй нас. Подумай о тех, кто остался в каньоне.

— Пощадите меня, О'Брайен,— стал упрашивать негр.— Ведь эти скорлупы нашел я. Без вас мне не продержаться долго. Птица, которую мы ели, была подстрелена вами, а кого я смогу убить голыми руками?

— Ищи дыни,— посоветовал О'Брайен.

— Будьте великодушны,— снова попросил Смит.

— Слишком много людей, чтобы их прокормить,— продолжал свое охотник.— Уходи. Так будет лучше. В конце концов мы все можем умереть, а твое отсутствие увеличит наши шансы на жизнь.

— Но кто дает вам право решать? — спросил негр.— Ружье?

— Да,— хладнокровно подтвердил О'Брайен,— ружье и способность убивать. Если я увижу, что ты идешь за мной, застрелю. Я не хочу, чтобы ты возвратился в каньон.

— Вы, вероятно, хотите убить не только меня, но и всех остальных,— проговорил Смит.

— Ну, а теперь уходи.— О'Брайен навел ружье на грудь Смита.— Хватит разговоров.

— Вы это серьезно?

— Послушай, Смит. Я всегда думаю то, что говорю.

— Я не смогу выбраться,— уныло произнес негр.

— Попробуйся,— сказал О'Брайен.— Старайся сделать то, что в твоих силах. Вот все, что от тебя требуется.

— То, что вы делаете,— убийство.

— Конечно, убийство, если ты не выберешься. Но ты найдешь воду или тебе вообще повезет. Тогда ты станешь героем. И не только ты, но и я. Мы оба будем героями. Конечно, я буду все отрицать, если ты и заговоришь о случившемся. А тебя сочтут дураком. Вернувшись в пещеру, я расскажу, что мы разошлись и потеряли друг друга. И я пошел назад, не сумев найти тебя. Верное дело.

— Я могу вернуться с оружием,— произнес Смит.

— Можешь,— согласился О'Брайен.— Ты можешь придти и застрелить меня, но не сделаешь этого. Ты чересчур цивилизован. И слишком умен. Если ты и уцелеешь в пустыне, то не захочешь рисковать жизнью только для того, чтобы отомстить мне.

— И все-таки я мог бы убить тебя.

— Прекрасно,— оборвал его охотник.— Ты уже начал задумываться о мщении. Ну, что ж, злись. Живи. Возвращайся и убей меня. А теперь — пошел.

Смит не двигался.

— Я уже сказал, что убью тебя, если ты не уйдешь,— угрожающе крикнул О'Брайен.

Смит поднял голову и увидел направленное на него ружье и искаженное злобой лицо О'Брайена. Тогда он повернулся к нему спиной и зашагал прочь.

Охотник сидел на большом камне до тех пор, пока Смит не исчез с его глаз. Затем соскользнул вниз и побежал назад. Трудно было предположить, что негр доберется раньше его до первой базы с водой, но О'Брайен не хотел допустить и такую возможность. Он должен действовать так, будто бы Смит умнее, сильнее и упрямее его самого. Только так можно добиться успеха.

Люди, подобные Смигу... и Бэйну. Все они слабые создания. Старый немец крепче, но стар и потерял волю к жизни.

О'Брайен уже не бежал, а быстро шагал по песку. Один раз, поднявшись на возвышенность, он повернулся и осмотрел в бинокль горизонт. Смита нигде не было видно.

Часов через пять охотник достиг базы с водой и выкопал страусовые яйца. Они были тяжелыми от драгоценной влаги. Осторожно взяв в руки одно из них, О'Брайен на-

пился, потом переложил яйца в свою сетку и снова двинулся в путь. Усталости он не чувствовал. Было почти светло, и охотник шел, пока не добрался до следующей базы с водой.

Показалось солнце, но О'Брайен все еще шел по долине. Он очень устал. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем ему удалось добраться до пещеры. Охотник в изнеможении рухнул на песок.

— Где Смит? — спросил из темноты Бэйн.

— Он ушел.

— Куда? — это был голос Грэйс.

— Исчез. Сказал, что собирается нас спасти. Я пытался остановить его, но он сопротивлялся, угрожая раздробить мне голову камнем. Это случилось далеко отсюда, там, где мы наткнулись на заросли кустарника.

— Ты должен был его остановить, — настаивал Бэйн.

— Знаю, — согласился О'Брайен. — Но что, черт подери, я мог поделывать? Стрелять в него?

Некоторое время все молчали.

— Есть ли у него хоть какие-либо шансы? — спросила Грэйс.

— Кто знает, — ответил О'Брайен. — У меня там иногда возникало такое же желание идти вперед, а не возвращаться сюда. Горизонт влечет, начинаешь думать о следующей возвышенности и о том, что можно увидеть с нее.

Он говорил медленно, не поднимаясь с земли и не открывая глаз.

— Какие, к дьяволу, у него шансы! — воскликнул Бэйн. — Стюрдеванту не удалось выбраться, а Смит тем более не сможет ничего сделать. Ты не должен был позволить ему уйти!

— У него, вероятно, один шанс из ста, — проговорил сонным голосом охотник. — Лично я никогда бы не рискнул. Я сказал ему, что это самоубийство. Однако он меня не слушал.

О'Брайен замолчал. Теперь стало слышно лишь его сонное дыхание.

Далеко впереди в обманчивом свете утренней зари Стюрдевант увидел деревья. Отвернувшись, он посмотрел сначала на красноватый песок, потом на свои ботинки. Деревьев никаких не могло быть; кусты он еще мог увидеть,

но не деревья. Это опять был мираж. Он шел уже семь дней, вернее, семь почей. И за все это время не встретил ни единого дерева, да и вообще никакой зелени, кроме одиноких колючих кустов и странных растений, которые годами могут жить без воды. Гриммельман был прав. Пешком человек не в состоянии ни добраться до черных гор, ни выйти отсюда. Как много он уже прошел? Сто миль? Или больше?

Однако впереди все-таки были деревья. Стюрдевант почувствовал, как надежда вновь возвращается к нему; деревья говорили о воде, о существовании каких-то подземных источников. Он даже не заметил, как перешел с шага на бег, и остановился. Надо сохранять силы. Действовать благоразумно. У него еще было немного воды. С каждым шагом она плескалась в канистрах и тогда он время от времени терял равновесие.

Перед Стюрдевантом открылась ложбина, покрытая засохшей травой, в которой росли хилые деревца, борющиеся за свою жизнь. В низине было шестнадцать таких деревьев, два из которых, видимо, погибали.

Стюрдевант присел в тень, освободился от канистр и вдоволь напился охладившейся за ночь воды. Земля под ним была твердой. Он устроился поудобнее, закрыл глаза и попытался заснуть. Сотни миль песков сменились, наконец, этим раем сморщенных деревьев и высохшей травы.

Вечером он встанет и начнет копать. Верхний слой будет твердым, но он сумеет снять его с помощью охотничьего ножа. Сначала пойдет сухая почва, потом рыхлая, и, наконец, покажется желанная влага. Вода должна быть здесь. Наполнив канистры и напившись, он пойдет дальше. Пилот уже обратил внимание на то, что местность здесь несколько повышалась, становилась более каменистой; возможно, маячившее впереди пятно говорило о новом оазисе, деревьях или поднимающихся холмах. Позже он взберется на какое-нибудь дерево и осмотрится. Вскоре пилот заснул.

Ему приснился странный сон. Он плыл под водой среди множества тропических рыб. Поймав одну из них, Стюрдевант всплыл на поверхность. Рыба оказалась уже поджаренной, и он с удовольствием съел филе без костей. Здесь же был и О'Брайен, державший несколько громадных кусков мяса, шипящих над открытым огнем. Они ели его, хватая жирными руками и запивая пивом из больших

кружек. Стюрдевант корчился и стонал. Ему снилась вся вкусная еда, которую он когда-либо ел, о которой слышал или которую ели другие. Тут были и ресторанные блюда из индейки и дикой утки; особая пицца военного времени, которую они получали после действительно опасных операций; различные яства на банкетах по случаю Дня Благодарения¹⁷, устраиваемых на американской военно-воздушной базе в 1944 году...

На закате Стюрдевант поднялся и начал раскапывать небольшую ямку в ложбине. Он прошел с помощью охотничьего ножа обожженный солнцем затвердевший слой, отбрасывая в сторону большие куски земли. Почва стала мягче. Разрыхляя ее ножом, пилот стал выбрасывать землю пригоршнями. При этом Стюрдевант вспомнил, как они копали могилу Детьенсу.

Он должен найти воду, выйти в цивилизованный мир и спасти остальных. На нем лежала ответственность: если пассажиры погибнут, вина падет на него. Они доверились ему, вручили ему свои жизни, а он разбил самолет и бросил их в пустыне.

Глубина ямы достигла двух футов. Отдохнув, Стюрдевант снова стал копать, царапая землю ногтями и выбрасывая ее наружу. Стемнело, а он все копал, правда, уже медленнее, так как ногти обломались и кожа на пальцах слезала. Он отдыхал, потом опять копал землю, углубляя яму. Теперь она стала достаточно глубокой. Стюрдевант продолжал копать, но вода не появлялась. Измученный пилот положил голову на мягкий песок и, устроившись поудобнее, заснул.

Спустя несколько часов он проснулся, все еще чувствуя усталость и боль в мышцах, и снова стал выбрасывать пригоршнями песок со дна ямы. Потом Стюрдевант вспомнил об оставшейся в канистрах воде. Он пил долго. Затем съел дыню и опять вернулся к яме. Солнце поднималось...

Яма углубилась уже до четырех футов. Пилот осторожно спустился в нее и стал копать. Он чувствовал слабость, разливающуюся по всему телу, руки дрожали. По-

¹⁷ День Благодарения — четвертый четверг ноября, национальный праздник в США в честь бывших поселенцев-колонистов, которых считают основателями современной американской нации и американского государства. Традиционным для этого дня является праздничный стол с совершенно обязательной жареной индейкой.

резав об острый камень указательный палец на правой руке, Стюрдевант некоторое время отдыхал, дожидаясь, пока не прекратится кровотечение.

Стоило ему вновь приняться за работу, как песок стал влажным и — о, чудо! — показалась вода. Стюрдевант и смеялся и плакал.

Два дня спустя Стюрдеванту попался старый шишковатый тамарисковый пенёк. Он пнул его ногой. Пень сломался и, тяжело рухнув на песок, развалился, обнажив сгнившую древесину. С него сразу же поползли муравьи. Увидев их, Стюрдевант почувствовал сожаление: своим безрассудным поступком он разрушил их жилище.

Он постоял немного и двинулся дальше в пустыню.

* * *

Много лет назад одинокое семечко попало на суровую почву. Но ему посчастливилось найти редкую здесь влагу. Оно проросло и стало развиваться. Тоненькие корешки проникли в землю, а первый листочек глотнул живительной влаги холодной утренней росы. Тот год был благоприятным, и молодое растение буйно разрослось. Впрочем, оно было еще слишком маленьким, но ни одна зебра не заметила и не потревожила его.

Дерево росло. Его корень дотянулся до воды под горячим песком; ветви раскинулись и потянулись к солнцу. Оно жило.

Прошло двадцать лет. Пара буйволовых ткачиков, прилетев к дереву, свила на его ветвях гнездо и вывела птенцов. На следующий год они вернулись с другими птичками. Старое гнездо было восстановлено, рядом появились новые. Через несколько лет возникло целое гнездовье ткачиков. Оно представляло собой огромный комок прутьев и различного мусора — обычного материала, из которого ткачики сооружают свои гнезда.

Потом гнездовье приспособили для себя и другие зверюшки. Обнаружив удобные лабиринты, переселились туда ящерицы; крошечные мыши построили в его глубине свои бархатно мягкие гнезда. Остатки гнездовья достались попугайчикам и ткачикам. Каждый год прилетали все новые птицы. Гнездовье выросло до исполинских размеров.

Как-то появилась змея. Она стала уничтожать яйца, птенцов и мышей, перепугав всех обитателей гнездовья на дереве, но никто не покинул его. Все они привыкли

к змее и всякий раз предупреждали друг друга, когда она разворачивала после сна свои кольца и поползала сквозь густые ветви.

Годы летели. Дерево постарело, рост его замедлился и потом прекратился совсем. Каждый год прилетали все новые птицы, заставляя дерево стонать, как только они опускались на его крепкие ветви. Оно стало средоточием всей жизни, очагом рождений и бракосочетаний, домашним приютом. В тени дерева под гнездовьем проросла трава, а после дождей на короткое время расцветали маленькие желтые цветочки. Нашли здесь себе пищу и жуки, принеся с собой паразитов, а птичий помет сделал почву мягкой и плодородной.

Гнездовье разрасталось. Количество гнезд под одной крышей с каждым годом увеличивалось. В старых селились различные пришельцы, а новые пары птиц приносили издалека материал и свивали себе другие жилища.

Сердцевина старого дерева не выдержала тяжести громадного гнездовья. Дерево покосилось, наклонившись на одну сторону. Более тонкие корни лопнули, вышли из твердой почвы и ослабли. Мало-помалу дерево изгибалось все больше, волокна ствола натягивались и скручивались. Солнце сожгло траву, ранее защищенную тенью гнездовья. Уползли жуки и черви. Там же, куда переместилась тень, ничто не росло, и слой птичьего помета покрыл почву твердой коркой.

Однажды большая стая ткачиков вернулась к дереву и, усевшись на ветвях, стала строить гнезда. Каждый день прилетали все новые птицы, и дерево выдерживало их уже с трудом. Рост его прекратился давно, и сейчас оно боролось лишь за то, чтобы выстоять, преодолеть огромный вес, пригибавший его к земле. Корни искали новую опору, ствол разрастался в ширину, ветви протянулись в стороны, пытаясь уравновесить груз огромной массы сплетенных веток, к которой птицы всякий раз что-нибудь добавляли.

Начался сезон дождей. Разразился внезапный ливень с громом, молнией и холодным ветром. Гнездовье набухло и стало еще тяжелее. Дождь размочил землю вокруг корней. Ветер с силой раскачивал дерево и оно наконец рухнуло. Гнездовье упало на землю и погребло многочисленных ткачиков. Ствол дерева расщепился и торчал теперь, словно сломанное древко копья. Все обитатели гнездовья попрятались среди ветвей. Когда ливень прекратился и вы-

глянуло солнце, уцелевшие птицы улетели прочь. Из-под сломанных сучьев выползла раненая змея и, истекая кровью, медленно потащилась по земле. В миле от дерева змею увидел орел, камнем упал на нее и растерзанное тело скормил своим жадным птенцам.

Пень стал трухлявым, корни разлагались. Муравьи растащили сухие сучья, одна за другой разбежались мыши и ящерицы. Без тени здесь не существовало ничего живого. Уходила тень — разбежались или гибли обитатели песков.

Через несколько лет на месте большого зеленого дерева осталась лишь прогнившая кора да голый ствол, возвышающийся над землей.

Прошло еще время, и ничего здесь уже не было. Только один песок.

А Стюрдевант все шел. Он не спешил, стараясь не нарушать ритма ходьбы. Пилот был уже на расстоянии пяти дней пути от того места, где докопался до воды, но в каннистрах ее оставалось еще достаточно. Питался он дынями или грызунами, которых иногда удавалось убить.

Вокруг Стюрдевант видел только землю и небо. Его врагами оставались расстояние и сознание того, что он единственный живой человек, шагающий через пустыню — «Громадную Страну Жажды».

Грэйс ждала возвращения О'Брайена.

После долгих поисков съестного под горячими лучами солнца все уже давно вернулись в пещеру. День шел к концу. Майк Бэйн и старик спали. Грэйс взяла несколько бутылок и тихо вышла, направившись вверх по каньону к пруду. Она немного отдохнула и, наполнив бутылки, пошла дальше. О'Брайен должен скоро прийти. Он почти всегда возвращался в это время, выбираясь из ущелий в горах и спускаясь по тому пути, по которому они когда-то взбирались на пик.

Она должна быть с ним. Мысли О'Брайена были всегда заняты охотой и поисками пищи, и он едва ли видел в ней женщину, и женщину красивую. Но Грэйс не могла больше ждать ни единого дня, ни одной ночи. Она должна быть с ним. Сейчас же и навсегда.

Грэйс медленно шла вперед. Вот сейчас он появится перед ней, обнимет, поцелует...

И она увидела его босого, без рубашки, в грязных белых теннисных шортах, идущего по направлению к ней легким шагом. Заметив Грэйс, он нахмурился и подошел поближе. Грэйс почувствовала, как у нее тревожно забилось сердце.

— Удалось что-нибудь подстрелить? — спросила она.

— Ничего, — ответил охотник.

Они стояли, глядя друг другу в глаза.

— Где все?

— Там, в пещере. Я вышла за водой. Захотела немного пройтись. — Она протянула бутылку холодной воды. — Хотите?

О'Брайен взял бутылку и стал пить. Грэйс отошла в тень черной скалы и присела на мягкий песок. Положив ружье на большой камень, О'Брайен сел рядом с ней.

Грэйс закрыла глаза и откинулась спиной к скале. Неожиданно охотник резким движением прижал ее к себе и поцеловал. Руки женщины взметнулись вверх; схватив О'Брайена за плечи, она оттолкнула его. Голова ее кружилась, земля поплыла.

— Зачем вы так? — сказала Грэйс.

— Потому что я нужен вам, миссис Монктон.

— Положим, что и так, — Грэйс улыбнулась. — Меня никогда не целовал бородатый мужчина.

Она пыталась обратить все в шутку, но шутки не получилось.

О'Брайен снова поцеловал ее, еще крепче. Некоторое время она сопротивлялась, но потом уступила. В конце концов какое это имело для нее значение? Он принадлежал ей...

— О'Брайен?

— Да.

— Ты любишь меня?

— Ведь я с вами.

— Я хочу сказать, нравлюсь ли я тебе? — она нежно поцеловала его. — Мне кажется, я люблю тебя.

Вот она и произнесла эти слова. Это оказалось совсем нетрудно.

— Я был нужен вам, и все. Вы никогда и ничего другого так не хотели, — ответил О'Брайен.

— Это так. Ты любишь меня?

— Не говорите глупостей, миссис Монктон.

Грэйс неожиданно почувствовала, как пальцы его впились в ее тело, так что ей стало больно.

— Ну, пожалуйста... ты хотел меня, не так ли? Я нужна тебе?

— Теперь уже нет, миссис Монктон. Я всегда хочу только того, чего мне не хватает, а от вас я получил все, что хотел.— О'Брайен поднял ее, как ребенка, и поставил на песок. Его бородатое лицо еще касалось ее лица, шеи. Пальцы застегивали пуговицы и молнию на юбке. Но Грэйс уже пришла в себя. Глаза ее вспыхнули от обиды. В ярости она стала вырываться, бить О'Брайена кулаками, кричать и плакать.

— Я убью тебя, убью, убью...

Она бросилась на песок и зарыдала в истерике.

Грэйс поняла, что осталась одна. О'Брайен ушел. Она принялась вычесывать из волос песок, потом поднялась и, поправив одежду, пошла вниз по каньону. Зной постепенно спадал, и, по мере того как вечер спускался в долину, становилось все холоднее.

Грэйс подошла к пруду. О'Брайен был там. Он поливал воду себе на голову, лицо и шею. Она поцеловала его, приподнявшись на цыпочки, и тогда он, подняв ее на руки и крепко прижав к себе, понес к плоской скале.

— Прости меня,— шептала Грэйс.

Он стал целовать ее в глаза.

— Так мне и надо,— продолжала она.— Я ждала тебя, вышла встретить. Наверное, это плохо. Но ты мне нужен, так нужен...

— Вы мне тоже нужны, миссис Монктон. Но только давайте не играть в кошки-мышки.

— Зачем я тебе?

— Вы — женщина, миссис Монктон.

— Не называй меня так. Я разведена и свободна. И хочу, чтобы ты любил меня.

— Я люблю всех женщин,— сказал О'Брайен.

Грэйс лежала у него на руках. Она уже успокоилась. Придет день, и О'Брайен полюбит ее. Сейчас в нем есть нечто такое, чего она боится и не понимает, но, когда они спасутся и покинут эти горы, он будет таким же, как все мужчины, будет любить ее и заботиться о ней.

Бэйн вышел из пещеры, зажмурившись от яркого света. В ногах еще чувствовалась слабость, но болезнь прошла.

Он решил немного пройтись и направился к пруду. Скоро солнце обожжет все, но сейчас в воздухе еще стояла доставлявшая ему радость ночная прохлада.

Бэйн подошел к воде, напился, спугнув нескольких пичужек, и стал раздеваться. Потом он начал сосредоточенно мыться, натирая тело мелким песком вместо мыла. Он не входил в воду и стоял так, чтобы грязная вода не стекала в прудик. Бэйн плескал на себя, пользуясь пустой жестяной из-под кофе. Он был так грязен, что не узнавал своего тела. Оно казалось ему странным и незнакомым: мышцы исчезли, пропал жирок, видны были только выпиравшие отовсюду кости.

Майк почувствовал зависть к О'Брайену, такому же мощному и крепкому, как окружающие их утесы и ущелья. Охотник всегда ходил босым, без рубашки, с непокрытой головой, защищенной лишь густой черной шевелюрой. Кожа его стала темно-коричневой от загара.

Бэйн выкопал ямку во влажном песке и, бросив в нее одежду, стал наливать туда воду. В другой раз он обязательно захватит с собой какую-нибудь посудину (ее можно взять из вещей Смита), чтобы прокипятить белье. Вскоре вода залила брюки, рубашку, носки, белье, и они некоторое время плавали на поверхности. Затем песок впитал воду, и Майк наполнил ямку вторично.

Он был голоден. За все эти дни ему ничего не удалось найти. Все добывали Гриммельман и О'Брайен, но и они приносили так мало, а запасы дынь и сушеного мяса уже настолько уменьшились, что спутники оказались на грани голодной смерти.

Ямка снова опустела. Бэйн вынул свою одежду и, выжав ее, расстелил на успевших прогреться скалах. Сам он сел поблизости, с удовольствием подставив спину и плечи горячим лучам солнца.

Поржавевшая кое-где жестянка поблескивала на солнце. Американский кофе. «Максвелл Хаус». Жестянка еще не высохла, и на ее стенках висели капельки воды. Неожиданно Бэйн заметил, что над ней кружится пчела. Сев на ее край и выпив капельку воды, насекомое улетело.

Потрогав рубашку, Майк перевернул ее. Она была почти сухая. Солнце палило все сильнее.

«Куда же улетела пчела? — подумал Бэйн. — Наверное, в гнездо. Мед. Однажды, рассказывая о бушменах, Гриммельман упомянул о меде. Раз здесь есть пчелы, то должен быть и мед».

Он встал и натянул на себя еще влажную одежду. Подняв жестянку, зачерпнул ею воды и пошел. Бэйн так волновался, что забыл надеть ботинки.

«Черт с ними, — решил он. — Вернусь потом».

Теперь он внимательно наблюдал за полетом пчел. Ему казалось, что их стало больше, чем прежде, хотя он, возможно, и ошибался, так как никогда не утруждал себя подобными наблюдениями. Он вошел в тень нависающего выступа скалы и присел отдохнуть. Какой-то поэт однажды сказал: «Поляна наполнилась гудом пчелиным».

Бэйн снова двинулся в путь. Он часто останавливался, присматривался и прислушивался. Казалось, пчелы летели мимо него вниз по каньону, то есть от своего неизвестно где находящегося гнезда. Или он просто избрал неверное направление. Установить это сейчас было невозможно.

Наконец, ему удалось найти подходящее место, нишу в гладкой скале на высоте человеческого роста, защищенную от солнца. Майк положил в жестянку длинный плоский камешек, на который могли бы садиться пчелы. Поставив ее в нишу, он отошел в сторону. Теперь пчелы получили новое место для водопоя. Ему следовало бы наполнить жестянку доверху, поскольку вода будет испаряться. Ну, ничего, он вернется сюда с флягой и дольет воды.

Больше здесь делать было нечего, предстояло запастись терпением и ждать. Времени хватало.

Бэйн направился назад к пещере. Солнце поднялось уже высоко. Песок и камни обжигали его босые ноги.

В дальнем углу каньона среди нагромождения камней Гриммельман увидел большую ящерицу. Он осторожно приблизился, но она метнулась в свое подземное убежище. Однако старик приметил его, когда ящерица появилась вновь.

Она не увидела человека на этот раз, так как он притаился среди скал. Крупное пресмыкающееся медленно выползало из норы, двигаясь короткими рывками. Длина его была около трех футов.

Гриммельман припомнил, как они с товарищем когда-то съели такую ящерицу. Солдаты встретили тогда кафров¹⁸, и те пригласили их к трапезе. Они с радостью приняли приглашение, так как заблудились и сильно проголодались. Мясо пресмыкающегося было белым и жестким, по вкусу напоминавшим лососину.

Гриммельман сидел, внимательно наблюдая за ящерицей. Она сама добывала себе пищу, сама была охотником, карликовым драконом, живущим в мире без людей и без истории, покрытым чешуей допотопным животным, формы которого остались такими же, как и миллионы лет назад. Она была существом, способным жить в черных горах и выжить там почти без всяких усилий. И он завидовал этому существу.

Но они должны научиться ловить и убивать таких ящериц. Пожалуй, О'Брайену следовало бы подумать об этом; ему, необычному для двадцатого века американцу, были присущи охотничьи инстинкты. Казалось, он принадлежал другой эпохе и другой жизни. Каждый из них был по-своему умен. Смит — ученый. Он изобретателен, проницателен и дальновиден, никогда и ничто не кажется ему странным или необычным. И Бэйн тоже не глуп, только он никогда не делал над собой никаких усилий.

Гриммельман сидел на солнце, радуясь свету и стараясь не упустить из виду ящерицу...

«Может быть, Стюрдевант еще жив, — думал старый немец. — Ему не следовало уходить... Зброшенный в море песков, он осужден на медленную голодную смерть. Возможно, это и справедливо... вероятно, им всем суждено остаться здесь. Хорошо знакомая древним смерть в изгнании. Уготованная им судьба, может быть, и есть возмездие за их ошибки.

Лично он заслуживает такой смерти. Для мира он не сделал ничего и никому не принес никакой пользы. Только повиновался, повиновался и повиновался. Это ни к чему не привело, кроме сознания собственной бесполезности, а теперь, в конце жизни, и к глубокому отчаянию. Мир без него стал бы лучше; мир был бы еще лучше, если бы он вообще не появился на свет».

¹⁸ Кафры — оскорбительное прозвище, которым буры называли южноафриканских банту, в первую очередь — ко́са.

Спустя десять лет после окончания войны против племени гереро началась первая мировая война. Целый год Гриммельман залечивал болезни и раны, полученные в африканской кампании, потом зарабатывал себе на жизнь случайными работами в Руре. Когда началась война, он пошел в армию и сразу же был произведен в сержанты. Гриммельман с радостью надел военную форму. Все знали, что война надвигается, и когда она разразилась, многим в Европе казалось, что теперь наступит определенное облегчение. Но это был конец одной эпохи и ужасное начало другой

На русском фронте он убил трех человек: трех крестьян в изорванных мундирах с одичавшими от ужаса глазами. Они воровали мороженую картошку из батальонного фургона. Патруль привел задержанных к командиру роты, и молодой капитан позвал его:

— Сержант Гриммельман, расстреляйте их!

Он никогда не забудет этих слов. Вся его жизнь или началась, или кончилась на них.

— Господин капитан, но ведь это русские солдаты, военнопленные, а не гражданские лица.

— Вы обсуждаете приказ, сержант?

— Господин капитан хочет, чтобы я расстрелял военнопленных?

— Они грабители, а не военные, и наверняка у кого-то стащили мундиры. Я приказываю немедленно расстрелять их.

Он увел русских в лес и расстрелял, хотя они умоляли о пощаде, опустившись на колени в снег. Тогда он утешал себя тем, что у него не было другого выхода, что ему приказали расстрелять их, и он попал бы под трибунал за неповиновение. С тех пор он постоянно твердил себе эти слова, но никогда не верил им.

Убить человека оказалось совсем не сложно. Убийства, побои, жестокость — обычное явление для Африки. Поэтому капитан и выбрал именно его. Он был опытным воякой.

Гриммельман хорошо помнил, как обошел стоящих на коленях мужчин и выстрелил из пистолета каждому в затылок. Они остались лежать на снегу в лесу с оттопыренными карманами, набитыми картофелем.

Не подчиниться приказу было выше его понимания. Со старшим офицером спорить нельзя, даже если он не

прав. Солдат обязан повиноваться. Он свободен от проявлений добра и зла.

Война продолжалась. Европа устала от убийств. А Гриммельман пережил войну, получив железный крест второй степени. Он выполнил свой долг.

Бэйн вернулся к нише, где стояла жестянка из-под кофе, и, наполнив ее водой, поставил на место. Пчелы пили из нее! С полчаса Майк наблюдал, как они прилетали и улетали вверх по каньону. Бэйн поднялся и долго шел за ними. Наконец, он убедился, что проследил маршрут нужных ему пчел. Майк вернулся, взял жестянку и перенес ее туда, где пчелы исчезали. Найдя подходящее место в тени скалы, он налил в жестянку воды из фляги и вернулся в пещеру. Бэйн никому не рассказал о своем открытии. Ему самому хотелось найти и мед, и гнездо.

О'Брайен сидел на плоском камне у прудика, подставив солнцу свое обнаженное тело. Его порванные теннисные шорты были аккуратно разложены неподалеку. Бэйн сел рядом.

— Нам придется сходить к самолету,— спустя некоторое время, позевывая, проговорил О'Брайен.

Майк думал об этом. В самолете оставались некоторые вещи, которые могли бы им пригодиться. Одежда, инструменты и вообще все, что удалось бы им унести.

— Когда ты хочешь пойти? — спросил он.

— Как только спадет жара. Мы успеем еще выспаться.

Поедим дынь. Возьмем несколько страусовых яиц.

— Хотелось бы знать, как далеко ушел Стюрдевант,— произнес Бэйн.

— Ты думаешь, он погиб?

— Да. И Смит тоже.

— Голландец — крепкий малый,— не согласился охотник.— Сильный человек. И не забывай, у него было много воды. Я полагаю, он все еще идет где-то по пустыне. И Смит.

Бэйн промолчал. О'Брайен встал и надел еще влажные шорты. Через несколько минут солнце высушит их.

— Так идем вечером? — спросил О'Брайен.

— Ну, что ж,— ответил Майк.— Можно пойти. За ночь доберемся.

— Может, да, а может, и нет,— сказал О'Брайен.— Наш первый переход ни о чем не говорит. Кое-кто вынуждал нас двигаться медленно.

— Ты говоришь обо мне,— произнес Бэйн.— Той ночью в песках я хотел умереть.

— Ты был болен,— возразил ему О'Брайен, уходя в пещеру.

За ним последовал Бэйн.

— Мы будем спать весь день и встанем, когда солнце начнет клониться к закату,— решил охотник.— Придется убить три дня ради пары мешков с добром. Но там есть вещи, которые нам нужны здесь. Мы даже не подозревали, что они могут понадобиться. Контейнеры, различные инструменты, линзы от разбитых ламп-вспышек и корд для силков. Даже если бы пришлось идти десять дней, все равно стоило бы сходить. Хорошо еще, что есть самолет, откуда все это можно взять.

— Я иду,— согласился Бэйн.

Мысль о походе не доставляла ему удовольствия: Майк ненавидел песок, его пугали многие часы ходьбы. Ведь он все еще был слаб. Но идти надо, потому что шел О'Брайен, да никто больше и не мог сопровождать его.

Они посвятили в свои планы Грэйс и Гриммельмана и попытались заснуть. Было около полудня. С заходом солнца они возьмут банку воды, несколько дынь и поднимутся на хребет. А когда наступит ночь, будут уже далеко в песках.

Бэйн и О'Брайен добрались до самолета после рассвета. Отдохнув немного, они съели по дыне, вдоволь напились воды и заснули крепким сном без сновидений; ночной переход через пески изнурил их. Солнце, поднимаясь над пустыней, накаляло искореженный металл. Но жара не разбудила мужчин. Когда стало немного прохладнее, О'Брайен пошевелился, открыл глаза и растолкал Бэйна.

С трудом стряхнув с себя сон, они начали методично осматривать самолет. Спальный мешок Детьенса лежал на прежнем месте. Взяв его, О'Брайен стал складывать туда все, что могло им понадобиться: моток медной проволоки, молоток, старую пилу, горсть гвоздей, толстый свитер Детьенса, лупу Гриммельмана для чтения (с ее помощью можно было разжечь костер).

Бэйн нашел бухту веревки и брезентовое ведро. Он положил их на песок и занялся дальнейшими поисками. Ему

попалось зеркальце Грэйс, грязные носки и рубашки, привязные ремни и три пустые плоские бутылки из-под виски — прекрасная посуда для воды во время очередных походов. Из инструмента он отобрал ножницы по металлу, несколько напильников, прихватил медные и цинковые листы. В одном из мешков Бэйн обнаружил фотоаппарат и вывинтил из него объектив. В разорванном чемодане нашел шесть кубиков сахара, завернутых в бумагу.

Связали большие тюки. Бэйн приспособил на плечи большой чемодан, а О'Брайен — потяжелевший спальный мешок. Как только солнце село, двинулись в обратный путь. Теперь им казалось, что в каньоне они живут уже давно и возвращаются сейчас к себе домой.

К пещере О'Брайен и Бэйн подошли, когда было еще темно, и улеглись спать.

Утром они распаковали чемодан и свертки. Все с изумлением смотрели на принесенные сокровища.

— Как на рождество! — воскликнула Грэйс.

Гриммельман кивнул. Тут не было ничего такого, что могло бы существенно изменить их жизнь, но теперь ее удастся облегчить хотя бы на некоторое время. Очень нужны были и лупы, и бутылки из-под виски, и одежда. Поход оказался полезным.

Когда Бэйн вернулся к оставленной им для пчел жестянке с водой, то нашел ее почти пустой. Пока он стоял около затененной ниши, прилетела всего лишь одна пчела, прожужжала мимо его уха и села на плоский камень, выступающий из жестянки. Она уже была здесь раньше, не колеблясь, быстро спустилась по камню вниз, напилась и улетела.

Бэйн довольно подмигнул. Однако нескольких пчел, пьющих из одной маленькой банки, было совсем недостаточно. Бэйн достал из кармана кусочки сахара, найденные в самолете. Осторожно развернув бумагу, бросил их в жестянку, в которой оставалось еще около дюйма воды. Убедившись в том, что сахар растворился, он отошел в тень, сел и закрыл глаза.

Часа через два Бэйн снова подошел к банке. На камешке сидели пчелы. Теперь их было много: на место каждой улетавшей прилетали две. Понаблюдав немного, он приметил пять пчел и пошел, пытаясь проследить за

полетом каждой. Вскоре Бэйн понял, что идет вдоль утеса по направлению к пику. Потеряв из виду первую пчелу, он остановился, подождал вторую и прошел за ней еще двадцать футов. Майк не спешил: сладкой воды в банке хватит на целый день. Он шел за очередной пчелой, пока та не исчезала из поля зрения, и ждал следующую. Через полчаса Бэйн обнаружил, что мимо него в обратном направлении проносится непрерывная цепочка пчел. Он предположил, что это насекомые, возвращающиеся во второй или третий раз со своими собратьями к «золотому дну» — сладкой воде.

Майк двигался вдоль угрожающе нависшей над ним скалы. Казалось, утес на противоположной стороне стал ближе, а дно каньона приподнялось. В некоторых местах подъем шел резкими уступами, далее виднелись пологие пласты, усыпанные гравием. В одном месте черные скалы раскололись, и преодолеть отвесную десятифутовую стену, обойдя ее со стороны долины, можно было лишь там, где она разрушилась. Здесь прежде Бэйн никогда не бывал.

Прошло еще полчаса. В ушах стоял непрекращающийся пчелиный гул. Теперь Майку уже не приходилось останавливаться и ждать. Непрерывный поток улетающих и возвращающихся пчел был так хорошо виден, что за ним мог проследить любой. Бэйн улыбнулся: он покажет О'Брайену и старому немцу, как с помощью нескольких кусочков сахара и небольшой доли здравого смысла можно пополнить запасы их кладовую.

Через несколько минут на высоте в двадцать футов над дном каньона он увидел гнездо. Это была щель на черном утесе длиной в ярд и шириной в полфута. Найдя укромное местечко, Майк стал наблюдать за пчелами, вылетающими и возвращающимися в гнездо. Тени удлинялись, день склонялся к вечеру. Сложив под ульем пирамидку из плоских камней, Бэйн отправился назад к пещере.

Вечерело. Стюрдевант крепко спал. По лицу его ползла муха; он смахнул ее рукой, не просыпаясь. Рядом тлел небольшой костер, около которого лежала изрезанная туша зебры.

Высоко над утесами кружили стервятники. Вот самый смелый из них, захлопав крыльями, спустился вниз и уселся на плоскую скалу, наблюдая за костром, трупом зебры и спящим человеком.

Охотники до падали, птицы и звери появились сразу же, стоило только Стюрдеванту убить большую зебру. Все произошло очень просто. Выйдя из ущелья, он неожиданно увидел перед собой сразу шесть зебр. Они стояли, как вкопанные, уставившись на человека. Вскинув ружье, он прицелился в одну из них, но был так слаб, что оружие оказалось для него чересчур тяжелым, и мушка плясала перед глазами. Его удивило, что зебры не испугались. Пилот сел и, уперев локти в колени, еще раз прицелился. Наконец, прозвучал выстрел.

Животные мгновенно скрылись. Стюрдевант бросился вслед за ними. Вода в канистрах мешала ему сохранять равновесие, и все же он шел точно по следу. Пуля, видимо, попала в цель, так как на песке изредка виднелись пятна крови. Минут через двадцать он обнаружил издыхающую зебру. Сначала пилот решил выстрелить еще раз ей в голову. Однако, поразмыслив, Стюрдевант сел, ожидая, когда животное истечет кровью.

Сняв с плеч ношу и поставив в тень воду и ружье, Стюрдевант стал собирать наполовину засыпанные белым песком сучья. Потом достал драгоценную спичку и разжег небольшой костер. Не в силах унять страшный голод, пилот первые куски мяса съел сырыми, не дожидаясь, пока они изжарятся.

Надоедливая муха не улетала. Она села на спутанные волосы Стюрдеванта и поползла по лицу к выпачканным кровью губам. Он что-то проворчал и, обессилев и разомлев от избытка съеденного мяса, перевернулся на другой бок. Неловкое движение на секунду разбудило пилота: он увидел скалы, небо, кружащих птиц и снова закрыл глаза... Во сне Стюрдевант вздрагивал; он с самого начала знал, что увидит. С тех пор как пилот покинул горы, ему снились одни и те же сны.

На горизонте он видел дома, какой-то город и брел к нему, спотыкаясь, падая и призывая на помощь. А из города шли люди: оборванные и исхудавшие от недоедания мальчики и девочки с горящими глазами. Он сел на песок, и все остановились перед ним. Улыбнувшись, он помахал рукой, но дети смотрели на него равнодушно. Потом подошли еще люди, теперь уже мужчины и женщины. Высокого роста негр в грязной одежде помог ему встать. Стюр-

девант оперся на его плечо, и толпа двинулась по направлению к домам. Здесь не было ни одного белого человека: видимо, он попал в негритянские трущобы. Негры не проявляли особой нервозности, но по тому, как они обменивались быстрыми фразами на незнакомом ему языке, в них чувствовалось скрытое беспокойство.

Остановившись, они дали Стюрдеванту напиток из жестянки, и он смог уже двигаться самостоятельно. Толпа увеличивалась по мере того, как подходили другие негры из побеленных бесформенных хижин, из узких замусоренных улочек. Пилот пытался заговорить с ними, но они, казалось, не понимали английского языка. Ситуация была совершенно невероятной. Они даже не пытались понять его. Стюрдеванту оставалось только улыбаться им, и он кивал, размахивал руками, стремясь выразить благодарность за свое спасение.

Возбуждение росло. Люди все подходили, и вскоре он оказался окруженным стеной перекликающихся и смеющихся черных лиц с широко раскрытыми глазами. Откуда-то послышались удары палки по железному листу. Толпа, подхватив ритм, сдавила его и понесла за собой по захламленным, смердящим от отбросов улицам. Где-то вскрикнула женщина, и этот дикий пронзительный вопль заставил его содрогнуться от ужаса.

Потом он оказался один. Ошеломленный и ослабевший, Стюрдевант рухнул на землю. Подняв глаза, он увидел себя в кругу черных людей, празднично разодетых и счастливых. Осмотревшись, он заметил торчащий из утрамбованной грязи столб, с которого свешивались цепи и наручники. Теперь он понял все: и молчание детей, и сумрачные лица, и женский крик. Они хотели пытать и потом линчевать его.

Вскочив, он побежал, но его снова бросили в круг. Он сопротивлялся, а они со смехом отбрасывали его назад. Стоя на коленях, воздев руки к небу, пилот стал молиться, просить пощады и прощения. Обещал все, лишь бы они отпустили его. Рыдая, он уверял их в своей дружбе. Однако теперь они уже намеревались сжечь его.

Четверо мужчин повели пилота к столбу, поставили и, привязав цепями, возвратились в толпу. Он снова остался один. Потом вышел старик. В руках у него была сухая, крючковатая, похожая на трость палка. Лицо старика приблизилось, глаза внимательно смотрели на него, выра-

жая печаль и презрение. Бросив палку, упавшую между ног жертвы, старик повернулся и отошел. За ним появился какой-то калека, еще не старый, но согбенный, вероятно, пострадавший от несчастного случая. Постояв мгновение, угрюмый и угрожающий, он тоже швырнул палку. Наконец, к Стюрдеванту приблизилась десятилетняя девочка. Все тело ее было покрыто ужасными язвами, худенькое личико горело от лихорадки. И она принесла палку и тоже бросила ее.

Он продолжал упрашивать их. Говорил, что это не его вина. Да, он белый человек, но нельзя же только из-за этого приговаривать его к сожжению; зло есть зло, но никого не следует осуждать за цвет кожи. Они обязаны отпустить его. Он хороший белый человек и всегда был другом черных людей.

Негры все подходили: старики, современники его отца, одинокие и ожесточившиеся, лишённые гордости и надежды; молодые девушки, отравленные жизнью в трущобах; тощие мальчишки в изношенной одежде, оторванные от одной и отвергнутые другой жизнью. Все они подходили, смотрели на него и бросали палки.

Он взывал о помощи. Где-то недалеко были белые люди, полиция. Они должны прийти и спасти его, разогнать толпу, освободить его от цепей, вывести из этого нагромождения сухих палок. Его должны спасти.

Наступила ночь. Вспыхнули тысячи факелов. Негры стали готовить пищу и ужинать. Зазвучали барабаны. Перед ним проходили тысячи лиц. Вглядываясь, он различал на них отпечатки ужасных трагедий. Он видел то, что никогда не хотел видеть; смотрел в глаза, которых всегда избегал, и понимал всю несправедливость своих поступков.

Стюрдевант пытался разорвать цепи. Если они освободят его, он поможет им; теперь он осознал это. Но цепи крепко держали его, его язык не был их языком, да они и не хотели его слушать. Груда палок достигла уже его пояса, сжимая со всех сторон обессиленное тело.

Толпа неожиданно утихла. Теперь прямо перед ним стоял тот самый старик, который подходил первым. В руках он держал факел. Раздался звериный рев.

Он рванулся из цепей, из нагромождения сучьев и стал кричать, захлебываясь от рыданий:

— Не сжигайте меня, не сжигайте меня... прошу вас. Ради бога, не сжигайте меня!

Пока он вырывался и кричал, старик уже приблизился к нему. Загорелись дрова, среди которых он стоял, глаза его разъедал дым, стало невозможно дышать. Пламя подобралось к ногам и начало лизать их.

Тут Стюрдевант проснулся и вскочил, обливаясь потом, перепуганный и совсем больной. Вокруг него сидели четыре громадные птицы. Они становились все смелее, решительно сжимая кольцо. А скоро их слетится не менее десятка. Самое лучшее — отрезать от туши зебры столько, сколько он может унести, и двинуться дальше. Иначе придется защищать мясо. Бодрствовать. Когда дерзкие и жадные стервятники соберутся в большую стаю, человек уже не испугает их.

Застонав, пилот встал, чувствуя тяжесть в желудке, и, посмотрев на разлагающееся, облепленное мухами мясо, с отвращением отвернулся. Пусть оно остается стервятникам. Поставив канистры с водой на плечи, Стюрдевант взял ружье и снова двинулся в путь. У него было вдоволь воды, он сыт на неделю вперед и теперь-то уж выберется, дойдет...

Стюрдевант шагал по ущелью, по дну которого бежало, извиваясь подобно змее, пересохшее русло реки. Каньон сдавливал черные скалы высотой до двухсот футов, и он нигде не становился шире сорока. В ущелье было прохладно, поскольку солнце заглядывало сюда всего лишь на полчаса в день. Пилот шел по мягкому песку и рыхлой глине, все время поглядывая вверх на полоску голубого неба; его не оставляла мысль о том, что черные скалы вдруг где-то над ним сомкнутся.

Когда взошло солнце, пилот, как обычно, улегся в тени и спал до тех пор, пока ноги не онемели от усталости и тупая боль во всем теле не разбудила его. Теперь это стало для него обычным. Стюрдевант поднялся и пошел вдоль полосы белого песка, нанесенного сюда с возвышенностей. Однако через несколько часов идти стало почти невозможно: лунный свет совершенно не проникал в узкий каньон.

Но он должен был продолжать свой путь и шел, не оттаиваясь. Ущелье приведет к морю, а там по побережью разбросаны города и ранчо. Русло реки — его дорога, и пилот не сойдет с нее.

Еще через два часа стены ущелья расступились, грунт стал тверже и каменистее, а узкая лента песка бежала

лишь посредине. Потом пилот сделал необыкновенное открытие: он натолкнулся на небольшую лужицу, укрытую от солнца наклонившимся над ней утесом. Напившись и наполнив канистры, Стюрдевант разделся и погрузился в эту небольшую естественную ванну, вода в которой сохранилась с тех незапамятных времен, когда здесь еще текла река. Он долго не хотел выходить из воды, но надо было продолжать путь вперед по ущелью. Уже давно канистры не были такими полными и тяжелыми, пожалуй, с той поры, когда он наполнил их из вырытого им колодца. Мысль о смерти от жажды больше не приходила пилоту в голову. Ему страшно повезло, когда он нашел воду в низине и здесь, в русле реки. Он выберется прежде, чем опустеют канистры. Сил у него на это хватит.

С заходом солнца небо потемнело, подул свежий ветерок, и Стюрдевант оживился. Уже двое суток он питался, как абориген, объедаясь свежим мясом, и спал на голой земле. И он жаждал двигаться, идти вперед, не останавливаясь. Ведь канистры были полны.

Пилот шел, пока окончательно не стемнело и идти стало небезопасно. Выбрав песчаное место у подножья утеса, он лег и почти мгновенно заснул.

О'Брайен встал до рассвета и теперь осторожно поднимался по скалам, направляясь к логовищу бабуинов. Было еще темно и прохладно. Его босые ноги все время ощущали липкую и холодную влагу, скопившуюся на скалах.

Он упрямо взбирался по круче и, наконец, достигнув гребня хребта, сел отдохнуть на плоской каменной плите. Мир жил, погруженный в первобытную тьму, которая лишь где-то вдали на горизонте разрывалась рассеянным светом загорающейся утренней зари. О'Брайен поднялся, все еще тяжело дыша от усталости.

Минут через двадцать он перебрался через гребень и с трудом спустился к ущелью. Заметив трещины на скалах, охотник стал осторожнее, боясь оступиться с какого-нибудь камня, поскользнуться и сорваться в черную пропасть.

Светало, но быстро идти он не мог. Проклиная себя за то, что не вышел пораньше, О'Брайен неожиданно обнаружил нишу в стене и забрался в нее. Она напомнила ему стрелковую ячейку на Окинаве...

Рычание бабуина вывело О'Брайена из сонного оцепенения. Стало уже совсем светло, и каменная стена показалась ему ближе, чем в тот день, когда он решил напасть на обезьян. Подняв ружье, охотник улыбнулся, понимая, что даже бабуины с их необыкновенно острым зрением не могут заметить его в темноте.

Сонные и сердитые обезьяны ворочались в своем логове. Резвились лишь детеныши, но и они старались держаться подальше от старших сородичей, опасаясь туманов. Глядя на них, О'Брайен понимал, что время у него ограничено. В любой момент обезьяны могли исчезнуть, отправившись на поиски пищи.

Заметить вожака не представляло труда. Он сидел в одиночестве на круглом каменном выступе слева от входа в логово. Несколько крупных самцов расположились в стороне от вожака и ждали его решения; как только бабуин-вожак выберет направление, разведчики уйдут вперед, а стадо двинется за ними.

О'Брайен выстрелил. Бабуин, наклоняясь в сторону, полетел в пропасть, разбившись об огромные камни. Животные застыли от неожиданности. В этот момент ружье грохнуло еще раз: один из самцов, подпрыгнув, покатился вниз, увлекая за собой лавину рыхлого сланца. Затем утес ожил — это обезьяны бросились спасаться бегством.

О'Брайен сосредоточил свое внимание на крупных самцах. Один из них стоял, оскалившись, и вызывающе смотрел в его сторону. Выстрел — и он тоже падает в пропасть. Успех окрылил охотника. Он быстро направил ружье на вход в логово, зная, что некоторые обезьяны инстинктивно бросятся в него. На мушку попала самка с детенышем, и пуля пробил ее навывлет.

Звук последнего выстрела эхом разнесся по горам. Еще один крупный самец нашел свою смерть, хотя и пытался бежать, карабкаясь по гладкой скале со всей скоростью, на которую был способен.

Наступила тишина. На утесе все замерло. О'Брайен встал, сошел с уступа и начал осторожно подниматься вверх. Он был очень доволен: рассчитывал подстрелить хотя бы одного вожака, а сумел добыть еще трех самцов и самку с детенышем. В логово обезьяны уже не вернуться. Они уйдут. Но он найдет их и там и придумает что-либо другое. Уничтожит их всех. Сначала самцов, воинов и разведчиков, самых крупных и злых, которые представляют

опасность для него самого. Когда им придет конец, с остальными справиться будет легко. Молодые станут подрастать без вожаков и с должным пониманием будут относиться к охотнику, считая его непобедимым.

На следующий день О'Брайен опять направился к пику. Он спустился в третий каньон, наиболее удаленный от пещеры. Бабуины были там. Обезьяны-сторожа наблюдали за охотником с самых высоких позиций и попрытались, стоило ему приблизиться на расстояние выстрела. Охотник провел целый день, пытаясь подкрасться к ним, но ему удалось выстрелить только по одному бабуину, проявившему чрезмерное любопытство к упорному преследователю. Обезьяна пронзительно закричала, подпрыгнула вверх и неожиданно стремительно помчалась почти по вертикально поднимающейся стене утеса.

Однако день не был потерян. О'Брайен вернулся с дынями и двумя желтыми ящерицами, убитыми палкой.

Теперь он постоянно думал о бабуинах. Мертвый бабуин лучше живого. Одним ртом станет меньше. Если всех их удастся уничтожить, увеличатся даже те скудные ресурсы продовольствия, которые есть в этих горах. Поэтому главная его задача сейчас — убивать бабуинов. Другие могут искать мед, ящериц, дыни. А он будет убивать.

Г л а в а 5

Смит умирал от жажды.

Укрыться от солнца было негде. Мир казался плоским, твердым и сухим, без воды и без тени. Смит все шагал и шагал по выжженной солнцем земле, тщетно пытаясь найти местечко, где можно было бы прилечь и отдохнуть, спрятаться от испепеляющей жары. Мысль, что он скоро умрет, уже не волновала его. Теперь Смит понял, почему человеком овладевает странная апатия, которая предшествует смерти и делает ее даже желанной. Он уже собирался броситься прямо на песок и забыться, но вдруг увидел какое-то пятно на колеблющейся линии горизонта. Дерево...

Язык Смита распух, ему казалось, что во рту у него что-то толстое и горячее. Было раннее утро. Ночью негр осушил последнюю скорлупу и вот сегодня, еще до захода солнца, он умрет. Смит показалось, что он уже не может держать дерево все время перед глазами. Что-то случилось с сердцем, лоб внезапно стал холодным и его вырвало.

Смит сел на песок. Надо отдохнуть, пока не кончится рвота... Сердце трепетало, как перепуганная птичка, захваченная врасплах в своем гнезде. Но он помнил о дереве и, с трудом поднявшись, упрямо пошел к нему. А оно казалось таким далеким!

Смит шел совершенно раздетым. Ночью его охватил невыносимый жар. Стремясь как можно скорее подставить себя под струю прохладного ветра, который начал задуть с востока, он брел ему навстречу, забыв и пустые скорлупы, и ботинки, и шляпу. Затем скинул брюки и рубашку и нес их некоторое время в руках, пока видел в этом какой-то смысл. Он шел всю ночь напролет и, наконец, в изнеможении упал на песок...

Потом снова возшло солнце.

Но дерево исчезло. Смит в изумлении остановился и обнаружил, что все дальше уходит от него. Пока он стоял, число деревьев перед его глазами увеличивалось, их стало два. Потом они слились в одно. Он опять двинулся к нему.

Внезапно земля ушла из-под ног. Смит, споткнувшись о большой камень, который тщетно пытался обойти, упал словно с ходулей и выругался.

Он полз по обожженной земле и камням. Пыль набивалась ему в глаза. Боли от ушибов он не чувствовал: добраться до дерева, чтобы умереть в его тени — вот его цель.

Он долго отдышал, лежа на животе. Солнце поднималось все выше. Обнаженный человек одиноко лежал на плоской равнине, где не было ничего живого. Откуда-то издалека прилетел и стал кружиться в небе стервятник. Потом еще один.

Смит открыл глаза и, присмотревшись, увидел впереди «свое» дерево, которое оказалось каким-то странным растением, крошечным кустиком менее фута высотой с толстыми, словно каучуковыми листьями. Негр лежал всего лишь в десяти футах от него.

Собрав остатки сил, Смит подполз к дереву, положил голову под тоненькие веточки с несколькими десятками листьев и отбросил камешки из-под щеки. Он не уйдет отсюда; дальше все равно идти некуда: земля вокруг иссушена и бесплодна.

Солнце поднималось все выше, жестокое и безжалостное.

Спустя несколько часов Смит открыл глаза.

Почему он еще не умер?

На мгновение Смит взглянул на себя как бы со стороны. Он лежал на песке под маленьким кустиком. Потом картина перед его глазами закрутилась, как в быстро меняющихся кинокадрах. Площадь песков составляла сначала один акр, потом — десять, сто... Наконец, она выросла до квадратной мили и дальше уже ничего не менялось. Нигде не было ни дерева, ни воды. Песок, камни и ничего больше. Голая и необитаемая земля, над которой он когда-то пролетал, была похожа на окоченевшую и безжизненную Луну. А пески все росли, достигнув уже сотен квадратных миль.

Он снова впал в забытие. В мире оставалось только одно страдание.

Открыв глаза, Смит увидел ногу, очень маленькую запыленную сухощавую ногу. Некоторое время он смотрел

на нее, потом она пошевелилась, приблизилась к нему и толкнула в плечо. Он повернул голову, взглянул вверх, но солнечный свет больно ударил в глаза, и Смит отвернулся, прикрыв их рукой. Медленно, с большим трудом он сел.

Перед ним стоял крошечный человечек. Гном с морщинистым от старости лицом. Пигмей с желтоватой кожей. В отдалении стояли в ожидании еще десять или двенадцать человек.

Бушмены... Смит попытался улыбнуться.

Сморщенный гном с широким сплюснутым носом и выпуклыми бровями наблюдал за негром. Он был, вероятно, не более пяти футов ростом и держал в руках лук длиной менее ярда. Пять или шесть стрел торчали из подвешенного к бедру колчана, сделанного, по-видимому, из древесной коры. Одежду его составляла треугольная набедренная повязка и широкая шкура, перекинута через плечо. У пояса висела кожаная фляга.

Бушмен заговорил. Смит как-то читал, или, может быть, слышал от Гриммельмана о языке бушменов. Однако их речь, словно пришедшая из древнейших времен, была так непохожа на все, что он слышал прежде. Гном издавал удивительные, какие-то нечеловеческие звуки: это было щелканье и чмоканье, рокотание и карканье. О чем говорит этот маленький человек? Что они с ним сделают? Внезапно ему захотелось остаться одному; лучше умереть в одиночестве, чем оказаться в руках людей из каменного века. Они будут его пытать, разрежут на части и съедят. Смит пошарил вокруг себя рукой по песку и нащупал камень величиной с кирпич.

Крошечная морщинистая женщина с лицом монгольского типа, словно обтянутым тканью, одетая в свободную бесформенную шкуру, отделилась от толпы и направилась к старику. Она держала в руках палку, к которой были привязаны страусовые яйца. Отвязав одно, женщина протянула яйцо бушмену. Тот взял его. Вода. Они действительно переносили воду в скорлупах.

Бушмен вынул пробку и передал яйцо Смигу. Негр стал жадно пить. Жидкость была горячей, соленой и чем-то пахла, но это была вода! Теперь он проживет еще некоторое время. Смит заставил себя отдать яйцо бушмену. Как бы они не решили, что он принесет им чересчур много забот, если выпьет целую скорлупу, и не застрелили бы его отравленной стрелой из лука.

Коротышка, забрав страусовое яйцо, отошел от негра к остальным бушменам и обратился к ним с речью, объясняясь все теми же странными звуками; кое-кто отвечал ему, но большинство стояли и слушали. Бушмен, вероятно, был вождем, а группа состояла из членов его семьи, или была с ним в кровном родстве, или же, возможно, представляла собой род.

Смит поднялся на ноги. Бушмены могли спасти его, вывести из пустыни. У него вновь закружилась голова. Он сделал несколько неверных шагов в сторону, отчаянно стараясь удержаться на ногах. Он не должен быть обузой; бушмены куда-то идут, и Смит хотел идти с ними. Они не причинят ему вреда, но вполне могут бросить в песках.

Он выпрямился, и земля перестала двигаться, головокружение прошло. Показывая на него пальцами, бушмены расхохотались. Один из них изобразил обморочное состояние, а все остальные, забавляясь, последовали его примеру. Смит наблюдал за ними с легкой улыбкой на губах. Неожиданно он понял, что они сейчас уйдут.

— Эй, не подождете ли вы секунду? — это был его голос, но какой-то хриплый и истеричный. Рот болел, а язык так распух, что поворачивался с трудом. Бушмены, уже отошедшие от него, остановились и оглянулись. Смит пошел к ним, пытаясь объяснить жестами. Он показывал то на себя, то на них и передвигал пальцами, как это обычно делают дети, изображая идущего человека.

Бушмены поняли. Одни нахмурились, другие рассмеялись. Все смотрели на вождя. Тот потер морщинистые скулы, пригладил рыжеватые волосы и потрогал мочку уха. Потом сделал знак, разрешающий Смигу присоединиться к ним. Затем он повернулся и пошел. Все они — с десяток низкорослых мужчин, женщин, детей и высокий негр — двинулись за ним.

До сознания Смита дошло, что на нем ровным счетом ничего нет. В его памяти стали всплывать смутные картины. Он вспомнил ту прохладную ночь, когда, сбросив одежду, пошел навстречу ветру, спеша пересечь пустыню, пока не наступит жара, от которой он лишался рассудка.

Смит шагал, стараясь не наступать на большие камни. Ноги болели, в животе бурлило от выпитой воды, но голова становилась ясной. Он пытался не отставать от бушменов, однако это было не так-то просто: маленькие человечки двигались довольно быстро.

Тут Смиту пришла в голову любопытная мысль. Он говорил с бушменами по-английски, но язык этот был им непонятен и звуки его речи казались им бессмысленными. Вероятно, никто из них никогда не слышал ни английского, ни немецкого ни даже любого африканского языка. Они были аборигенами, живущими в самых глухих уголках пустыни, и избегали встреч с белым человеком. Самое любопытное в этой ситуации то, что и сам-то он был негром.

Будь он белым, навряд ли ему удалось бы остаться живым. Бушмены, наверное, не подошли бы к нему, бросив умирать от жажды в пустыне. Или, может быть, убили бы его. При встрече с бушменами лучше быть негром, чем одиноким, безоружным и беспомощным белым... Бушмены думали, что Смит африканец.

Он еще не чувствовал себя в безопасности, так как слышал, что бушмены недолюбливают негров, живущих с ними по соседству. Бушмены — охотники, а негры разводят скот и ведут оседлый образ жизни, поэтому вражда их стара, как мир. Но у Смита не было другого выбора. Он должен был остаться с ними или умереть.

Бушмены шли вперед, и негр, стараясь не отстать, почти бежал за ними.

Почва снова стала тверже, покраснев от пучков сухой травы; кое-где на бесплодной земле попадались одинокие деревья. Впереди показался дымок. Бушмены радостно залопотали и ускорили шаг. Ноги у Смита дрожали, он теперь почти бежал. Смит понимал, что бушмены остановятся здесь на отдых и, возможно, поедят.

Дети постарше с визгом бросились вперед, оторвавшись от основной группы. У костра сидело трое. Один стоял, двое наклонились над огнем. Три газели — две из них были уже наполовину разделаны — лежали рядом. Дети осмотрели каждую тушу, а один малыш изобразил стрелка из лука. Бросив на негра продолжительный взгляд, охотники задали старому вождю несколько вопросов и вскоре, казалось, забыли о пришельце.

Потом все взялись за газелей. Острыми кремневыми ножами отрезали от туш куски мяса, бросали их в огонь и принимались за внутренности. Только у одного из них было стальное лезвие, у другого — квадратная медная пластинка с заточенной стороной. Бушмены радостно щелкали языками, оживленно переговаривались, окровавленными руками вытаскивали требуху из костра и с жадно-

стью набрасывались на нее. По-видимому, охотники вышли еще до рассвета, чтобы успеть затравить дичь и подстрелить из своих крошечных луков. Им повезло. Свою добычу охотники принесли в заранее обусловленное место. Джеферсона удивило, каким образом бушмены сумели найти дорогу именно туда, где их ждали охотники, так как никаких признаков какого-нибудь следа он не заметил.

Смит, не раздумывая, стал голыми руками отрывать от одной из туш кусок окровавленного мяса. Он не хотел этого делать, но при виде жарившихся ломтей потерял здравый смысл. Бушмены могли убить его только за то, что он прикоснулся к их добыче. Возможно, у них существовали какие-либо табу или ритуалы. Но ему было не до этого. Он обезумел от голода и не мог ждать, пока ему предложат пищу.

Рядом тонким осколком кремня умело отсекал мясо крошечный подросток. Мальчик орудовал ножом умело и точно. Он поднял глаза, увидел негра, улыбнулся и протянул ему только что вырезанный кусок. Сидевшие рядом тоже одобрительно посмотрели на Смита. Казалось, всем им эта сцена доставила видимое удовольствие.

Смит отошел в сторону, нашел прочную колючую ветку и переломил ее о колено. Проткнув мясо острым концом, он присел у огня. Желудок сводила судорога от предвкушения пищи: сочного, красного, истекающего жиром, поджариваемого на огне мяса.

Он съел не менее фунта мяса газели, наполовину сырого и створенного, засоренного песком. Потом кремневым ножом, найденным около туши, отрезал еще кусок. И теперь сидел на корточках рядом со всеми и поджаривал мясо, наблюдая, как оно обгорает, а жир испаряется. Он был слишком голоден, чтобы ждать, пока все прожарится, и обедал закоптившиеся места точно так же, как это делали бушмены. Смит чувствовал, как восстанавливаются от горячего мяса силы, как разливается теплота в желудке. Он остался жив!

Лучи теплого утреннего солнца пригревали Бэйна. За завтраком (дыня, суп из мяса антилопы и жареной ящерицы) он рассказал о пчелах. Некоторое время все смотрели на него с явным недоверием. А Майк продолжал с упоением говорить о банке из-под кофе, кусочках сахара, о том, как выследил пчел и обнаружил гнездо.

— К чему эти секреты? — спросил О'Брайен. — Что ж ты раньше не сказал об этом?

— Прежде чем рассказать, надо было подумать, — ответил Бэйн, — и найти способ отделаться от пчел. Иначе достать мед будет нелегко.

— Ну, это просто, — с видимым раздражением проворчал О'Брайен.

— Я не позволю их убивать, — с неожиданным вызовом произнес Майк, в упор посмотрев на охотника.

Это прозвучало как ультиматум. Все посмотрели на Бэйна. В нем стали проявляться твердость и смелость, которых раньше никто не замечал.

— Не будь дураком, — буркнул О'Брайен, чувствуя, что старик Гриммельман и даже Грэйс поддерживают Бэйна.

— Медом займусь я, — заявил Майк. Я нашел гнездо и знаю, как туда добраться. Пчел — не убивать!

— Согласен, — поддержал его Гриммельман. — Нельзя без конца убивать, убивать и убивать...

— Какое это имеет значение? — проговорил охотник.

— Зачем уничтожать пчел, если в этом нет необходимости? — встала свое слово Грэйс.

— Может быть, нам все же и придется это сделать, — сказал Бэйн, — но я хочу сначала попробовать выгнать их из гнезда.

— Каким образом? — спросил О'Брайен.

— Покажу, когда придем на место, — ответил Майк.

Поднявшись, он зашел в пещеру, чтобы захватить все необходимое для осуществления своей цели.

...Они шли к гнезду. Впереди шагал Бэйн. В руках у него был длинный гаечный ключ, сложенная мотком веревка висела через правое плечо. О'Брайен нес тяжелый чемодан. Там лежал топор, гвозди и несколько дынь. У Грэйс была длинная палка, к которой она привязала разбитую крышку от фляги, почти доверху наполненную горячими углями из никогда не угасающего костра. Гриммельман тащил сумку с вытесненной на ней маркой какой-то авиакомпании, в которой стояли фляга, несколько бутылок из-под виски и небольшая жестянка, доверху наполненные водой.

Спешить им было некуда. Держась в тени утесов, они шли уже по знакомому пути. Подойдя к пирамидке, сложенной Бэйном, путники увидели жужжащих над ней

черных пчел. Скинув груз, они отдохнули, напились воды и съели несколько дынь.

Рассматривая летку гнезда и окружающие камни, Бэйн был вне себя от восторга. Как же детально он все запомнил! Утес в этом месте не был гладким: повсюду выступали громадные потрескавшиеся скалы, нависающие над каньоном. Летка была укрыта в одной из щелей такой скалы, ближе к утесу и защищена сверху и сбоку выступающим камнем. Казалось, она ведет в какую-то скрывающуюся за огромной скалой впадину, заполненную воском, медом, пыльцой и пчелами. Скала была длиною в восемь и шириной в пять футов и прилепилась на теле утеса, словно гигантский прыщ.

Гриммельман подошел к Бэйну и, прикрыв глаза от солнца, стал рассматривать утес.

— Не думаю, чтобы тебе удалось достать мед,— проговорил он.

— Я намерен разрушить всю скалу,— ответил ему Бэйн, подойдя к утесу.

Нужно было взобраться на скалу и осмотреть ее. Майк снял свои изорванные ботинки и попросил подошедшего к ним О'Брайена:

— Подсади меня!

Охотник сцепил пальцы обеих рук. Бэйн, опершись на них, ухватился за выступ и стал взбираться. Через три минуты он был уже на высоте двадцати футов, обследуя верхнюю часть скалы. Над леткой она достигала ширины около фута, и далее уже спускалась до самого основания, у которого находился сейчас Бэйн. Подтянувшись выше, он стал шарить по скале рукой, надеясь найти широкую и глубокую трещину, но ее не было. Скала составляла одно целое с утесом. От упавшей сверху глыбы, осколки которой под действием времени и стихий уже давно превратились в глину и песок, образовав почву каньона, осталась лишь небольшая узкая впадина.

Однако в одном месте, у основания, скала крошилась. Бэйну удалось вынуть осколок черного камня. Всунав палец в образовавшееся отверстие, он нащупал другой осколок, который зашевелился под рукой, но дальше не поддавался. Майк осторожно вытащил из-за пояса гаечный ключ, положил его на выступ и нашел более надежную опору для левой ноги. Спутники Бэйна молча наблюдали за ним снизу, с опаской следя за его движениями.

Взяв ключ, Бэйи стал постукивать им около шатавшегося камешка, пока тот не выскочил, образовав отверстие величиной с наперсток. Майк очистил отверстие, вставив туда конец ключа. Потом он стал наносить ключом резкие удары сверху вниз. Скала поддавалась плохо, но в конце концов камень уступил холодной стали. Бэйи снова и снова ударял ключом по краю отверстия. Он весь покрылся потом, руки ныли. Минут через пять напряженной работы углубление увеличилось до размеров пачки сигарет, но все оказалось забитым раздробленными и распатанными камешками. Его, конечно, можно расширить, однако сделать это будет совсем не просто. Тем не менее Бэйи чувствовал удовлетворение. Прекратив долбить, он спустился вниз передохнуть в тени.

— Мы сделаем это,— произнес он, отдуваясь.— Уверен, что сделаем.

— Сшибить скалу? — воскликнул О'Брайен, которому Гриммельман уже рассказал о плане Бэйи. Охотник, однако, сомневался в его реальности.

— Да,— ответил Майк.— Это только вопрос времени. Послушайте меня. О'Брайен должен найти сухое дерево и сделать стремянку, чтобы удобнее было взбираться на скалу и слезать с нее. Поднявшись наверх, мы разожжем костер в трещине и будем поддерживать его. Грэйс могла бы, если удастся, собрать хороших дров или вообще все, что может гореть. Вот в чем идея: от костра скала сильно нагреется. Потом мы плеснем туда холодной воды. Что произойдет?

— Она треснет! — воскликнул О'Брайен.

— Растрескается,— подтвердил Бэйи,— расколется и раскрошится. Потом я снова поднимусь наверх, выгребу осколки и буду ключом углублять и расширять трещину. Затем мы повторим все сначала. Именно так древние люди долбили камни. Нужны только огонь, дрова и время.

— Очень хорошо, очень хорошо,— сказал Гриммельман, кивая головой,— просто отлично.

— А к вам,— обратился Бэйи к старому немцу,— у меня будет особая просьба. Вы должны помочь отделаться от пчел.

Майк поднялся и отошел в сторону. Гриммельман двинулся за ним.

— Надо их побеспокоить,— проговорил Бэйи.— Не

правда ли, если их разозлить как следует, то они все улетят?

— Да,— ответил старик.— Мы могли бы заставить их собраться в рой и покинуть гнездо. Но что для этого надо сделать? Дым не годится. Он только успокоит пчел.

— Я и не говорю о дыме,— сказал Майк.— Но как вы расцениваете такой план? Я взберусь футов на пятьдесят на утес и поищу расщелину, куда можно было бы воткнуть палку или, возможно, мой ключ. Потом мы привяжем к одному концу веревки большой камень, а другой перекинем через воткнутую палку. Подтянув камень до уровня летки, мы как тараном будем бить по гнезду.

Гриммельман кивнул. Он реально представил себе план, задуманный Бэйном. Веревка и камень образуют как бы маятник. Скала расположена на высоте в двадцать футов, однако они смогут управлять движением маятника снизу с помощью еще одной веревки. От ударов камня в скрытом от их глаз гнезде рухнут тяжелые соты, яйца высыпятся из ячеек, рабочие пчелы и куколки погибнут, как только вытечет мед.

Землетрясение в мире насекомых. И оно не прекратится. Оставшиеся в живых пчелы станут восстанавливать разрушенные соты, собирать свое сокровище — мед и пыльцу. Матка перестанет откладывать яйца. Порядок в гнезде нарушится. А удары будут следовать один за другим до тех пор, пока в гнезде не наступит полная анархия, граничащая с безумием.

Гнездо начнет роиться. Матка подаст команду рабочим пчелам. Начнется движение навстречу неизвестности внешнего мира, который матка видела всего один раз. Огромная бесформенная масса выплеснется из гнезда и понесется через каньон. Рой выберет спокойное место где-нибудь на высоком уступе; сотни разведчиков устремятся в поисках свободных расщелин. Один из них найдет подходящее пристанище, и матка полетит туда, полузадушенная своими слугами и телохранителями. Она уцелеет, а когда новые белые соты будут готовы, снова начнет откладывать яйца. Жизнь пчел не угаснет.

— Да, я полагаю, это хороший план,— согласился Гриммельман.— Примем за дело.

Стюрдевант все шел.

Можно было уже не сомневаться в том, что он попал в

пустыню Намиб. В спину бил горячий ветер, дующий в сторону прохладного океана. Кругом расстилалась страшная песчаная пустыня с пересохшим руслом реки, растерявшим свои воды в глубоких песках. Временами ветер становился настолько силен, что подхватывал песок и закручивал его, образуя песчаные вихри.

Теперь Стюрдевант доберется до побережья, до Берега Скелетов. Ружья у него уже не было. Он расстрелял все патроны и бросил его там, в ущелье.

Он снова напился и, спотыкаясь, побрел дальше, пока не нашел место, где можно было укрыться от солнца. Сохранившихся от сезона дождей луж больше не попадалось и идти днем стало рискованно: канистры опустели.

Намиб. Тысячи миль песков, простирающихся вдоль побережья океана и в некоторых местах уходящих далеко в глубь суши. Там-то и находился пилот; каждый его шаг был шагом к берегу океана. Но сколько еще идти? Благоразумнее ли не отходить от русла реки? Там все-таки встречались лужицы — остатки некогда бодро бежавшей по узкому ущелью реки. Впереди он может найти лишь тот же песок и море...

Море будет соленым. Холодным. Здесь проходит ледяное Бенгельское течение из Антарктики. Но если он дойдет до побережья, то сможет остаться в живых, а если и погибнет, то, по крайней мере, в холодной воде.

Спустилась ночь, и Стюрдевант двинулся дальше. Он шел босым: ботинки развалились уже давно. Пилот был так изможден, что передвигался и засыпал больше по привычке, чем по необходимости. От его тела, почти невесомого, не осталось ничего, только кожа да кости, связанные мускулами.

Взошла луна, окрасив ландшафт в бело-голубые тона. Утесы исчезли, сменившись пологими песчаными берегами высохшей реки. Через некоторое время пилот оставил русло и пошел по берегу, все время прислушиваясь и вглядываясь в темноту, надеясь различить огни или дорогу.

В конце концов он так устал, что, будучи не в силах идти дальше, опустился на песок. Не останавливаться! Откуда-то из небытия пришел приказ. И Стюрдевант подчинился ему. Через силу поднявшись, он снова пошел. Больше ему не встретится ни единая лужица: русло реки растворялось теперь в сплошном песке. Он думал обо всем: расставлял в алфавитном порядке знакомых писателей —

Аллен, Бентли, Коллинз... Потом стал вспоминать поэмы, которые ему нравились, и пытался прочесть из каждой первую строку. Старался вспомнить все места, где когда-либо проводил ночь, все книги, которые когда-либо читал.

Потом из мертвой тишины ночи до него донесся странный звук. Он был ему чем-то знаком, но сначала никак не доходил до сознания. Потом пилот понял. Это шумел океанский прибор.

Стюрдевант побежал. Первое, что он увидел, были блики лунного света на поверхности океана. Темные волны набегали на берег, неистово закручивались и умирали на каменистой прибрежной полосе. Освободившись от своей ноши, пилот отбросил канистры в сторону и остановился. А волны плескались о его босые ноги. Итак, ему суждено остаться в живых и удалось совершить невероятный переход. Теперь он спасет и остальных.

Стюрдевант сел, позволив волнам плескаться у его ног. Море было холодным. Набрав полный рот воды, он сплюнул. Сухости в горле как не бывало. Вдоль берега тянулись следы автомобильных шин. Стюрдевант встал и пошел по ним.

Вдалеке он увидел домик, небольшой беленький домик, построенный на дюнах в безопасном отдалении от полосы бурных прибоев. Стюрдевант заспешил к нему, шагая по широкой колее, оставленной колесами «Лендровера».

Дверь оказалась на запоре. Табличка говорила о том, что дом является собственностью международного алмазного синдиката. Контакт с цивилизованным миром был установлен.

Разбив стекло, он пролез в окно. Маленький домик оказался складом и в то же время жилым помещением. Обе половины разделяла сетка. Стоя босыми ногами на цементном полу, Стюрдевант осмотрелся: кровать с одеялами, керосиновая плита, полки с консервными банками, зеркало и таз, небольшой книжный шкаф, набитый дешевыми изданиями и старыми журналами. Он прошел в склад и обнаружил там бочки с маслом, канистры с бензином, коробки с консервами и ящик с рабочей одеждой. Корзины и ящик имели торговые марки Англии, США и Южно-Африканской Республики.

Он вышел куда-то на побережье Юго-Западной Африки.

Найдя ключ, пилот открыл несколько банок консервов и начал поглощать все подряд: консервированную говя-

дину, персики, нарезанные ломтиками, кукурузу в початках. Сварил кофе. Сделав глоток, почувствовал какую-то странную тошноту и решил больше не пить. Необходимо было вновь приучить себя к богатой калориями, питательной цивилизованной пище.

Нагрев воды, Стюрдewanт стал бриться.

Он намеревался пробыть здесь некоторое время, так как был слишком слаб для того, чтобы отправиться дальше вдоль побережья. Бритва коснулась краев его густой бороды, снимая длинные рыжие волосы. Он снова намылил лицо. Чувство было необыкновенно приятное. Снова побрит, снова в цивилизованном мире. Следовало бы еще постричься и переодеться.

Побережье это только теперь стало называться Алмазным Берегом. Впервые его открыли португальцы, искавшие Джона Престера¹⁹ и сказочные золотые города, о которых в средние века ходили легенды. На пустынном побережье они встретили лишь несколько обнаженных бушменов — рыбаков и собирателей моллюсков, ожидающих, когда соленый океан выбросит на берег величайший из всех своих даров. Это был мертвый исполинский кит, которого прибило к берегу по воле случая.

Вдоль берега сохранилось всего несколько бухт. Морские разбойники, обнаружив их, послали в глубь пустыни вооруженных завоевателей. Они пробирались через глубокие пески, боролись с насекомыми и воевали с бушменами, а потом плелись назад к своим кораблям. Это был самый ужасный мир, который им когда-либо приходилось видеть, казавшийся страшнее ледяного царства далекого севера или конголезских джунглей. Они проклинали и покинули его. Но один из них, наиболее решительный, а, может быть, просто наиболее глупый, поплыл дальше на юг, достигнув отлогого мыса. Звали его Диас.

До восьмидесятых годов восемнадцатого века люди избегали этих берегов. Однако нашелся один немец по имени Людериц, который выпорил у вождя готтентотов двадцать миль бесплодного побережья. Он обратился к своему

¹⁹ Джон Престер — в средние века легендарный владыка, сочтавший в себе светскую и церковную власть и обладавший сказочными богатствами. Согласно одним преданиям, царствовал в Индии, другим — в Африке, Персии или Армении.

правительству с просьбой обеспечить его коммерческие интересы, но на это в те времена никто просто не обратил внимания. Потом Германию охватил колониалистский зуд, и она захватила не только эти двадцать миль, но и обширную территорию, значительно превышавшую размеры первоначального приобретения. Так создалась первая немецкая колония в Африке.

Однако Германия торжествовала здесь недолго. Началась первая мировая война, и южно-африканская армия заставила немцев вернуть все свои завоевания. Колония стала подмандатной территорией Лиги Наций, но в действительности власть оказалась в руках Кейптауна.

Потом на берегах Оранжевой реки кто-то нашел в песке алмазы. Началась великая погоня за легкой наживой. Отныне побережье получило наименование — Алмазный Берег.

Приготовив себе чай и открыв банку груш, Стюрдевант свернулся калачиком на кровати и попытался заснуть, прислушиваясь к шуму прибоя, обрушивающегося на безлюдный берег. Дверь была открыта, и духоты в маленьком домике уже не чувствовалось. Наступил полдень.

Итак, это был Алмазный Берег, а домик — своеобразный дальний пост, один из пунктов снабжения, разбросанных, вероятно, на громадном протяжении вдоль берега, принадлежащего компании. Здесь не было необходимости разрабатывать алмазы в коях, камни собирали прямо в глубоком песке. Россыпи оказались аллювиальными. Бульдозеры принялись сдвигать и перемещать песок, а люди выбирать драгоценные камни. Каждый год с этого далекого берега в ювелирные магазины Нью-Йорка, Лондона и Парижа текли алмазы на миллионы долларов.

Стюрдевант повернулся на узкой кровати и провел рукой по голове. Найдя ножницы и расческу, пилот вышел наружу, сел на песок и, поставив перед собой зеркало, стал подрезать спутавшиеся рыжеватые волосы. Ветер подхватывал их и уносил прочь. На нем была чистая одежда: простое белое белье и рабочий комбинезон на молнии, толстые шерстяные носки и высокие тяжелые ботинки. Все это обмундирование, предназначенное для африканцев — служащих компании, он взял из кладовой.

Стюрдевант был сыт, чист, выбрит и спал на удобной

кровати. Пока кто-нибудь не придет, он останется здесь и наберется сил.

Часа через три Стюрдевант проснулся и встал. Больше спать он не мог. Ему приснились Майк Бэйн, Грэйс Монктон, О'Брайен, Гриммельман и Смит. Они ждали его голодные, больные, отчаявшиеся, надеясь, что он вернется на самолете и спасет их. И он должен их спасти, это его долг...

Выйдя из домика, пилот почувствовал запах соленого моря. Не было ни лодки, ни машины, на которой он смог бы двинуться вдоль берега. Дорога по побережью уходила в нескончаемую даль, на юг. Как далеко были места, где жили люди, где стояли телефоны и радиопередатчики?

Вернувшись назад, пилот вошел в кладовую, взял автомобильную крышку, откатив ее по дюнам к ровному месту на широком пляже. Потом он пошел за спичками и банкой моторного масла. Пляж был усеян прибитым к берегу побелевшим лесом. Целых полчаса он работал, таская бревна и укладывая их на крышку. Потом, полив всю кучу маслом, он поджег ее. Черный дым столбом взвился в ясное небо. Теперь сюда должны прийти, чтобы выяснить причину пожара. Сидя на песке, пилот наблюдал, как пламя пожирало сухое дерево.

Стало темнеть. Закусив консервированной ветчиной, кукурузой и ломтиками ананаса, Стюрдевант улегся спать. На этот раз он выпил и кофе, хороший крепкий кофе со сливками и сахаром. Костер погас. Утром он разведет еще один дальше по пляжу, где пилот заметил выброшенный на берег лес.

Внезапно Стюрдевант проснулся. Его ослепил яркий свет, кто-то больно толкал в ногу. Он услышал голоса.

Стюрдевант сел, свет уже не бил в глаза. Он понял, что карманный фонарик отвели в сторону. В проеме двери стоял крупный мужчина, белый человек с фонариком в одной руке и с пистолетом — в другой. На нем была широкополая шляпа, легкий пиджак и грубые штаны. За его спиной стоял другой мужчина, помоложе, с копной светлых волос и тоненькими усиками.

— Не двигайся, — приказал первый. — Сиди смирно!

— Бог мой! — воскликнул Стюрдевант. — Я не могу поверить в это, просто не могу.

Двое вошли в домик. Блондин держал в руках ружье. Потом в двери появился негр. Мужчина с фонариком по-

ставил на стол керосиновую лампу, поднес спичку к фитилю и отрегулировал пламя. Стюрдевант протирал глаза и позевывал.

— Ничего глупее ты не мог придумать,— произнес старший.

— Лучше будет, если сейчас же отдашь нам камни,— добавил блондин, поднимая ружье.

— Камни? — недоуменно спросил Стюрдевант.

— Именно. Отдавай алмазы, и мы постараемся облегчить твою судьбу!

— Алмазы? — переспросил пилот и расхохотался.

Люди пришли сюда с оружием. Они и не думали спастись его, а решили арестовать, как вора и похитителя алмазов.

— Меня зовут Стюрдевант,— начал он объяснять, откашлявшись.— Я — пилот. Мой самолет потерпел аварию в центре страны, пожалуй, в сотнях миль отсюда. Где-то в глубине пустыни Намиб. Мне пришлось совершить чертовски трудный переход. Мой самолет разбился. Там, в черных горах среди пустыни осталось пять человек. Они умирают от голода. Я добрался сюда через пески, придерживаясь русла пересохшей реки.

— Ты пришел? — спросил блондин.— Пришел сюда отсюда?

— Да.

— Это невозможно. Тебе следовало бы придумать более подходящую историю.

— Да кто вы, наконец, такие, черт вас подери? — Пилот не на шутку рассердился.

— Отдавай камни,— снова потребовал старший.— Прержде всего отдай камни.

— Если бы я захотел воровать алмазы,— сказал пилот, покачивая головой,— какого дьявола стал бы я разводить костер?

— Какой костер?

— Выйди и посмотри на берегу. Я сжег одну покрывку твоей алмазной компании. Можешь выставить за нее мне счет.

Старший кивнул негру, и тот исчез в ночной тьме.

— Костер мог быть сигналом самолету, которого ты дожидался, или судну,— сказал блондин.

— Как тебя звать? — спросил Стюрдевант.

— Бауэр.

— Почему не хочешь мне поверить? Откуда ты взял, что я ворую алмазы? Это же глупо!

— Мы знаем, что ты пришел сюда за алмазами,— упрямо твердил свое Бауэр.— Все это собственность компании. Ни сюда, ни отсюда пути нет. Тебе как-то удалось найти россыпь, может быть, подкупив рабочего. Тебя выбросил самолет и должен был за тобой вернуться. Твой костер — это сигнал самолету, а не попытка привлечь наше внимание. Но что-то не сработало. Друзья убежали и бросили тебя здесь. Да, не повезло.

— И ты не смог бы пройти столько,— добавил старший.— Пустыню мы знаем. Там нет воды. Вероятно, ты пришел не оттуда.

— У меня было две канистры с водой,— убеждал пилот.— Много дней я тащил их на спине, пока они не опустели. Потом обнаружил ложбину и, выкопав яму, добрался до воды. Вдоль ущелья иногда попадались лужи.

— Где канистры? — спросил Бауэр.

— Где-то там, в песках,— ответил Стюрдевант.— У меня было еще и ружье, но, расстреляв патроны, я его бросил. Питался ящерицами, съел большую черепаху и ловил карпов в лужах.

— Рассказывай сказки! — проворчал Бауэр.

— Здесь не разбивался ни один самолет,— поддержал другой.— Прошло уже три года с тех пор, как разбился самолет в тысяче миль отсюда. Мы знаем об этом, так как внимательно следим за информацией о полетах.

— Какая авиакомпания? — спросил Бауэр.— Что за машина?

— Моя,— ответил пилот,— мой собственный самолет. Почему нам не поехать вместе и не проверить мои слова? Я назову людей, с которыми вы можете связаться, и они все подтвердят. Меня хорошо знают даже в преисподней.

Возвратился негр и подмигнул старшему.

— В пятидесяти милях по берегу на север у нас есть поселок. С тюрьмой. В следующем месяце грузовик увезет тебя оттуда в Ораньемунд и сдаст регулярной полиции. Мы работники компании «Си-Ди-Эм»²⁰. Моя фамилия Паттерсон. Пожалуй, нам пора ехать.

— Отвезите меня сейчас туда,— попросил Стюрдевант.

²⁰ «Си-Ди-Эм» — сокращенное название компании «Консолидэйтед Дайамонд Майнз оф Саут-Вест Африка лтд». Дочерняя компания английского алмазного концерна «Де Бирс».

— В следующем месяце,— повторил Паттерсон.— Чертовски далеко ехать. Здесь ходит специальный грузовик, который развозит почту. Придется подождать. Не спеши. Все равно просидишь несколько лет в тюрьме.

— Не пойдет,— заявил пилот.— Мне необходимо связаться с кем-нибудь и рассказать о пассажирах. Они умирают там, в черных горах, которые с воздуха похожи на кисть руки. Я должен выполнить свой долг. На мне лежит ответственность за их жизнь.

— Не валяй дурака,— прервал его Бауэр.— Твои рассказы сушая ерунда. Не было ни одного сообщения об аварии с самолетом, да ты и не мог бы совершить такой переход.

— Про тебя не скажешь, что ты похож на человека, которому пришлось перенести такие трудности,— добавил Паттерсон.— Ты тут уже дня четыре или пять копаешь и сгребаешь алмазы. А друзья твои, видно, трусились и не вернулись.

— Я побрился и постригся, а одежду взял здесь в комнате,— продолжал убеждать их Стюрдевант.— Пришел сюда вчера утром в одних изорванных штанах. Больше ничего на мне не было.

— Покажи штаны,— потребовал Бауэр.

— Я бросил их в костер.

— Ты сжег одежду и надел спецовку компании на случай, если тебя поймут за добычей алмазов,— засмеялся Бауэр.— Отдавай камни, не выводи нас из себя.

— И побыстрей,— добавил Паттерсон.

— Боже, ну и идиоты! — воскликнул Стюрдевант.

— Эй, ты потише,— оборвал его Бауэр,— а то наденем наручники.

— Возьмем его с собой.— Паттерсон жестом приказал пилоту встать и следовать за ними.

Выходя, Стюрдевант почувствовал, как Бауэр уперся дробовиком ему в спину. Пара идиотов.

Включив фонарик, Паттерсон задул лампу и закрыл окно. Вынув связку ключей, он запер дверь.

Они пошли вдоль берега. Стало холодно, и Стюрдевант пожалел, что не взял жакет. Паттерсон посадил его на переднее сиденье «Лендровера» рядом с Бауэром, который сел за руль. Паттерсон и негр залезли в кузов. Вспыхнули фары, взревел мотор, и грузовик покатился по затвердевшему песку. По одну сторону шумел прибой, по другую —

проплывали темнеющие дюны. Внезапно свет фар выхватил из темноты выцветшую табличку:

«ЗАПРЕТНАЯ АЛМАЗНАЯ ЗОНА.
ПРОХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН»

Несколько часов езды, и они подъехали к группе домов. Двое пожилых мужчин с любопытством рассматривали Стюрдеванта, пока его вели к небольшой бетонной пристройке с узкой щелью вместо окна и тяжелой дубовой дверью на поржавевших металлических петлях.

Паттерсон осветил фонариком маленькое помещение. В нем стояли узенькая койка и ведро. Больше ничего. Несмотря на сопротивление Стюрдеванта, Бауэр втолкнул его в каморку и стал закрывать дверь.

— Не надо... ради бога... не надо,— пилот все еще пытался удержать дверь. Но вот она захлопнулась, кто-то повернул ключом в замке. Сырость и холод охватили пилота. Очувтившись почти в полной темноте, он повернулся, пересек камеру и направился к койке.

Внезапно все переживания, тревоги и отчаяние последних дней сломили его. Он бросился на постель и безудержно зарыдал.

Стюрдевант проснулся. Где-то лаяла собака. Близился рассвет. Пилот долго лежал не двигаясь. Он остался жив, а ведь это казалось невозможным. Он уцелел, защищен от солнца, ему прохладно, можно поесть и отдохнуть. Закрыв глаза, Стюрдевант медленно повернулся и зевнул. Пилот мог бы пробыть здесь и месяц, да и с полгода отсидел бы без труда. Ему надо отоспаться и поправиться, чтобы вновь проделать этот невероятный переход через пустыню. Его заперли здесь на месяц. Неделю назад в черных горах месяц показался бы ему целой вечностью... А может быть, кто-нибудь из них уже заболел или даже умирает. Нет, ему нельзя оставаться здесь, он должен выбраться из тюрьмы и обратиться за помощью. Его ждут там, в каньоне: Майк Бэйн, Смит, старый Гриммельман, Грэйс и О'Брайен. Они не смогут продержаться еще месяц.

Пилот сел и посмотрел на зарешеченное окно. Потрясение прошло. То, что ему не верили, уже не вызывало в нем какого-то странного безразличия. Он должен бороться, должен заставить поверить себе.

Стюрдевант подошел к окну. Собака замолчала. Он

крикнул, лай возобновился и стал более яростным. Где-то хлопнула дверь. Ухватившись за железные прутья и глухо боко вдохнув воздух, пилот закричал изо всех сил:

— Выпустите меня!

Поселок просыпался. Слышались голоса, крики, сумасшедший лай собак, хлопанье дверей, брань. Пилот улыбнулся. Его снова ждут неприятности и немалые, но все это уже не пугало.

— Выпустите меня!

Шаги приближались, сердитые голоса изрыгали поток ругательств, темно-серый предрассветный мрак прорезали лучи фонариков.

— Этот ублюдок накличет на нас беду.

— Может, он свихнулся?

Потом кто-то подошел к двери, заскрипел засов и завизжали ржавые петли. В лицо, ослепив, ударил свет. Перед ним возникли опухшие от сна сердитые лица Паттерсона, Бауэра и еще каких-то мужчин. Несколько мгновений они молча смотрели на него.

— Разбился самолет,— начал Стюрдевант, как будто рассказывал об этом в первый раз.— Вы должны вывезти меня отсюда. Надо найти и спасти моих пассажиров.

Он ясно видел, как Бауэр развернулся, чтобы нанести удар, но не сделал даже попытки вернуться. Его ударили кулаком в живот. Пилот упал, задыхаясь и корчась от боли. Сильные руки схватили и вновь поставили его на ноги.

— Снова плетешь свои небылицы?

— Меня зовут Стюрдевант. Я имею права пилота. Поверьте!

— А! Так ты не собираешься замолчать?

— С воздуха то место выглядит как большая черная рука, окруженная песками...

Бауэр снова ударил его. Сильная боль исказила лицо пилота, он отшатнулся в сторону, пытаясь удержаться на бетонном полу.

— А, может, он не врет? — раздался чей-то голос.

— Сломать негодюю шею, вот что надо с ним сделать.

— Закон еще мягковат для таких птичек.

— Я шел сквозь пустыню с двумя канистрами воды,— твердил свое Стюрдевант, приподнимаясь.— Однажды я убил черепаху. И ловил ящериц. У меня было ружье...

— Тащите его наружу.

Они поволокли пилота через узкую дверь, разорвав на

нем рубаху. Резкий удар вновь обрушился на него. Это был Паттерсон.

— Лучше прекрати, парень. Будь поумней.

Стюрдевант оказался на свежем воздухе. Небо было молочно-голубым, звезды еще ярко горели. Наступил час, когда рассвет сменялся днем. Вокруг пилота уже собралось много мужчин, и люди все подходили, освещая свой путь фонариком. Сдерживаемые на поводках собаки рвались и злобно ворчали.

— Разбудил весь поселок, сучий сын!

— Его схватили, когда он поджидал самолет. У будки номер четыре.

— Вы должны выслушать меня,— снова заговорил пилот.— Самолет разбился в пустыне. Люди ждут помощи. Они не продержатся долго...

Кто-то вновь ударил Стюрдеванта, он тяжело опустился на колени и сплюнул кровь себе на руки.

— У вас есть радио,— проговорил он.— Свяжитесь с теми, кто меня знает. Могу назвать фамилии. Я должен спасти людей...

— И одет-то как служащий компании.

— Поучи его манерам, Джерт.

Они подняли его, придерживая за руки, вывернули голову назад.

— Ты получишь сполна за свое вранье!

— Я говорю правду, вы, гнусные негодяи!

Он попытался увернуться от нового удара, но, задохнувшись, тяжело рухнул на жесткую землю. Они стали бить Стюрдеванта ногами. У него началась рвота. Пилот плакал от чувства собственного бессилия. Кто-нибудь из них, возможно, поверит ему. Может быть, удастся убедить хоть одного, если он будет настаивать, требовать, бороться.

— Хватит с тебя?

— Самолет разбился... помогите им... радио...

Стюрдевант потерял сознание.

Они поволокли его по земле и, втолкнув в маленькую тюремную камеру, заперли. Потом разошлись по домам, болтая, смеясь и покуривая сигареты.

Пчелы улетели с утеса, покинув каменное гнездо, и собиравшись роем у другой, затерянной в горах трещины в

скале. На третье утро Бэйн и его спутники обнаружили, что пчел в гнезде не осталось за исключением отдельных рабочих особей, бесцельно ползающих около узкой летки. Грохот ударов большого камня, как и рассчитывал Майк Бэйн, выгнал их из жилья. Теперь можно было продолжать разрушение скалы и попытаться достать мед.

Чтобы выгнать пчел, им пришлось поработать немало. В небольшом углублении, обнаруженном Бэйном на поверхности скалы, развели костер. Сначала Майк поджег траву, прутья и кору, а потом подложил дрова. Горел костер, накапливались угли, скальный грунт нагревался. Скоро к скале невозможно было уже прикоснуться. Бэйн перестал раскачивать глыбу и по шаткой лестнице, сколоченной О'Брайеном, взобрался на утес. В руке он держал флягу, наполненную водой, которую выплеснул сначала на огонь, а потом на близлежащие камни. Костер, зашипев, погас, вода перелилась через край лунки и стала капать вниз на песок и глину.

Бэйн устроился поудобней и вынул из-за пояса свой ключ. От удара ключом камень подался; холодная вода вызвала неравномерное охлаждение скалы, она трескалась и крошилась, уступая стали. Бэйн взял небольшой камень и бросил его вниз, чтобы все увидели результаты своего труда. Он выгреб мокрую золу и снова принялся долбить скалу.

Они не стали разводить новый костер в расширенной лунке. Бэйн решил сначала выгнать пчел. Грэйс и Гриммельман возвратились в пещеру, а О'Брайен остался помочь подвесить камень.

Часа через два все было готово: пятидесятифунтовая глыба висела в проволочной сетке, привязанной к веревке.

Послышались тяжелые удары камня по утесу, осколки посыпались во все стороны. Из летки вылетели рассвирепевшие черные пчелы. Бэйн и охотник отошли. Удары прекратились. Майк отвел камень в сторону насколько это было возможно, нацелил его на гнездо и отпустил. Камень стукнулся об утес и отскочил.

— Мне это не нравится,— произнес он.— Мы поступаем как негодяи.

— Выгорит ли твоя затея? — спросил О'Брайен, вытирая пот с лица; пчелы его совершенно не интересовали.

— Все будет в порядке,— ответил Бэйн.— Пчелы уже

не захотят здесь оставаться и улетят в более спокойное место.

Час спустя они возвратились в пещеру.

И вот теперь пчел не было.

Скала под действием огня и воды начала трескаться. Они снова и снова разводили костер.

— Есть только одно небольшое обстоятельство, затрудняющее дело, — проговорил О'Брайен.

— Какое? — спросил Бэйн.

— Когда скала рухнет, она погребет и нас под собой.

— Мы применим дистанционное управление, — сказал Майк. — Забьем в трещину кол, подвесим к нему на веревке бутылку или флягу. Потянув за веревку, перевернем бутылку и выплеснем воду. Все на достаточном расстоянии.

Охотник кивнул. Он отошел туда, где на длинной веревке висел камень. Взявшись за поводок, отвел глыбу: тяжелый камень пронесся по воздуху и ударил в край выступа.

— Немного рановато, — проговорил Бэйн.

— Это только для практики, — пояснил О'Брайен. — Возможно, камень поможет нам облегчить эту проклятую работу.

Они трудились целый день. Грэйс таскала горячие угли, Бэйн и О'Брайен, обливаясь потом, долбили скалу, вколачивали колья в углубляющуюся трещину, разводили новые костры.

Бэйн осуществил свой проект, теперь можно было лить воду в трещину с помощью дистанционного управления. О'Брайен начал долбить глыбой по скале.

— Теперь уже скоро, — решил Бэйн.

Они сидели в тени и наблюдали, как из трещины поднимается дым.

— Может быть, начнем?

О'Брайен, взяв в руки несколько сухих сучьев, осторожно взобрался по лестнице и бросил их в огонь.

— Попробуем, — сказал Бэйн.

Все поднялись. Подойдя к утесу, Майк взял веревку и, отодвинувшись в сторону, осторожно натянул ее. Бутылка приняла почти горизонтальное положение. Бэйн потянул за веревку, она перевернулась и хлынула вода, с шипением сбегая в глубокую трещину, заполненную горячей золой.

О'Брайен ухватился за поводок, отвел глыбу, нацелил

ее на скалу и, отбежав в сторону, в последний момент отпустил веревку.

Раздался страшный треск, как будто выстрелили из ружья, и громадная скала рухнула, как только глыба ударила по ней. Земля вздрогнула, и всех путников, стоявших далеко в стороне, сильно тряхнуло.

Они застыли, не двигаясь, не веря тому, что сделали. На месте скалы зияла сейчас огромная ниша, заполненная слоями бесцветных сот. Часть их оторвалась и упала на землю. Подняв соты, все набросились на ароматный мед, сочившийся из трещин.

— Бесподобно! — воскликнул О'Брайен, вонзая в соты зубы. — Я ничего подобного никогда не пробовал.

Они поглощали сладкий мед, чувствуя, как прибывают силы.

Бэйн подошел к скале и, рассматривая ее, заметил чередующиеся полосы посветлевшего камня, которые говорили о степени распространения трещины после каждого костра. Отколоть огромный кусок скалы им удалось благодаря терпению и с помощью тех простейших способов, которыми пользовались еще древние египтяне. Теперь они получили, вероятно, не менее сотни фунтов меда.

— Как-то надо сохранить эти запасы в пещере, — проговорил О'Брайен и, подняв упавшую лестницу, полез к гнезду. — Могу только сказать, что работы будет чертовски много.

Оторвав большой кусок сот, он бросил его Бэйну. Мед они могли хранить только в самих сотах, поскольку не имели никаких сосудов для жидкостей. Придется носить соты в сумках и чемоданах, складывая их потом в прохладной пещере.

Первый груз несколько миль до пещеры несли Грэйс и Бэйн. Взяв факел, Бэйн сложил сочащиеся медом соты в самом дальнем конце пещеры на прохладном полу как раз под промоиной. Затем они вернулись к О'Брайену.

До конца дня путники выбирали соты из гнезда. Сгибаясь под тяжестью груза, они по очереди таскали соты в пещеру, пробираясь вдоль каньона. Больше всего меду принес в своем спальном мешке О'Брайен — каждый раз по сотне фунтов сот. Он был великолепен в своей мощи: мускулистый, покрытый потом, медом и песком. Гриммельман носил понемногу и не спеша. Грэйс и Бэйн таскали мед с лихорадочной поспешностью.

Отдыхать было нельзя. Оставить мед без присмотра — значило потерять его. Когда они таскали соты, вокруг вился рой вороватых пчел, да и другие насекомые тоже прилетели полакомиться. Появились маленькие птички, которые становились все смелее и порхали теперь совсем близко. Почуввав добычу, явились за своей долей воинственные муравьи. Неподалеку уселся бабуин, внимательно наблюдая за людьми.

Наконец работу закончили. Оставили только соты, в которых почти не было меда. Все выпачкались тягучим нектаром, песком и грязью и устали, как никогда. Отмывшись в прудике, вошли в пещеру и без сил повалились на песок. Всех охватило незнакомое чувство пресыщения от обильной, сладкой пищи.

Над пустыней опустилась ночь. У Гриммельмана еще хватило сил развести костер, в то время как Грэйс, Бэйн и О'Брайен даже не пошевелились.

...Джефферсон Смит провел с бушменами уже трое суток. Они все время куда-то шли по пересохшим равнинам и изредка встречавшимся лугам. Природа стала мягче. Пустыня осталась позади, ближе к северу стали появляться признаки более богатой фауны: увеличилось число звериных следов, стало больше птиц и растений. Смит вспомнил: Гриммельман и Стюрдевант говорили о том, что Калахари — это не сплошная пустыня, в ней не хватает только поверхностной воды. «Это „Громадная страна Жажды“».

На следующий же день, после того как бушмены подобрали его, Смит сделал много интересных наблюдений. Он увидел, как бушмены добывают воду из пересохшего песчаного русла. Старая женщина выкопала ямку в песке глубиной, равной длине своей руки. Нарвав травы, она скатала из нее плотный шарик размером с грейпфрут и положила на дно ямки. Воткнула в травяной шарик длинную камышовую трубочку и столкнула песок в ямку. Потом взяла пустую скорлупу страусового яйца и поставила его на песок рядом с торчащей камышинкой. Достав из сумки с пожитками короткую палочку, женщина удобно устроилась на песке. Потом она взяла один конец палочки в уголок рта, а другой всунула в отверстие скорлупы. Потом взяла в рот еще и камышовую трубочку и стала втягивать

воду. Прошло несколько минут — никакого результата. Женщина усердно работала, и Смит заметил, как сотрясались от усилий все ее тело: плечи поникли, спина напряглась, пот сбегал с морщинистого лица.

Внезапно изо рта вниз в скорлупу побежала тоненькая струйка воды. В вырытой ямке воды, конечно, не было, но с помощью трубки создавалось разреженное пространство, и из влажного песка выступала вода. Впитавшись в травяной шарик, она поднялась по трубочке. Просто невероятно! Вот почему бушмены могут жить там, где погибают другие.

Наконец они достигли местечка, где редкие кочки, покрытые коричневой травой, были разбросаны по красноватой песчаной почве на обширном пространстве, а тощие деревца стали попадаться на каждом шагу. От группы отделились и убежали на запад два охотника.

День угасал, а они все шли, пока не увидели струйку дыма, вздымавшуюся высоко в небо и извещающую о прибытии охотников. Бушмены ускорили шаг в предвкушении обильной пищи. Тотчас начался пир. Смит съел два куса и завалился спать. Мясо он поглощал теперь как настоящий бушмен, съедая все, что мог вместить желудок, как только представлялась такая возможность. Жизнь — это процесс отправления жизненных функций: еда, питье, борьба за существование. Смит был наг, но не одинок. Бушмены стали его друзьями. Негр пытался говорить с ними, и они улыбались при этом, хотя и не могли его понять. Смит придумывал им имена. Так, женщину, впервые напоившую его, он назвал Магги. Вождя — Платоном, потому что он необычайно походил на бюст знаменитого грека, которого Смит хорошо представлял себе по учебнику. Охотникам он дал имена — Фу-Манчу и Ринклбелли. Придумал Смит имена и детям: Битл, Сын-номер-один, Насти.

Теперь негр был уже почти уверен, что бушмены не тронут его. Они стояли далеко от цивилизации, но совсем не казались жестокими. Может быть, они передадут его какому-нибудь белому человеку, представителю власти или полицейскому патрулю? Должны же они понимать, что, оставшись один без воды и пищи, он пропадет.

Выбрав себе место для ночлега, Смит лег на спину и долго глядел на небо, огромный купол которого опрокинулся над ним. Как далеко он был сейчас от городов, ярко освещенных электрическими огнями и забитых автомаши-

нами? Сколько миль отделяло его от них, сколько лет, сколько столетий?

На рассвете снова двинулись в путь.

Пустыня осталась позади. Бушмены шли по плоской и сухой саванне, где изредка встречались зеленеющие низины, испещренные следами куду и антилоп. Повсюду слышалось пение птиц. В щелкающих звуках языка бушменов Смит уловил новые нотки; их охватило какое-то возбуждение. Взрослые перестали экономить воду, а дети стали носиться, прыгать и играть, как заведенные. Фу-Манчу как-то ушел вперед один. Через несколько часов они догнали его — тот сгибался под тяжестью туши молодой газели. Однако бушмены не сделали даже привала. Они продолжали идти, торопясь пересечь однообразную саванну.

Наконец они достигли крошечной деревеньки, в которой жило десятка два бушменов небольшого роста. Жители деревни высыпали навстречу, слышались ставшие уже привычными Смицу приветствия, болтовня и восклицания. Они все осматривали негра с интересом, женщины, смущаясь и отворачиваясь, мужчины с недоверием, а некоторые и просто враждебно. Староста деревни, бурно жестикулируя, указал пальцем на незнакомца. Затем он обменялся несколькими фразами с Платоном. Смита охватил страх. В руках этих людей он был совершенно беспомощен. Вполне вероятно, что большинство из них впервые так близко видели незнакомца человека, негра, скорее всего врага; может быть, никто из них никогда не видел и белых людей. Они были последними из людей каменного века, оставшимися на земле, и Смит находился в их власти.

Однако бушмены не причиняли ему вреда. Между двумя вождями произошла какая-то сделка. Медленным шагом они прошли к группе деревьев, где их ожидали все остальные.

В деревне стояло несколько хижин из травы и колючих ветвей, напоминавших запущенные улья. Каждая из них была построена под низким искривленным от ветров деревцем, которое словно поддерживало это сооружение. Несколько стариков сидело перед хижинами, почти не обращающая внимания на подошедшую к ним группу. Похожие на древние мумии, сидели они, греясь на солнце, неподалеку от бездымного костра. Их желтоватые тела были неправдоподобно испещрены морщинами. Смит никогда в жизни не видел таких старых людей.

На ветвях деревьев висели тонкие сухие ленты мяса. Почти около каждой хижины аккуратными рядками лежали наполовину зарытые в землю скорлупы страусовых яиц. В них хранились запасы воды. Жители деревни разошлись, занявшись каждый своим делом. Подведя Смита к одной из хижин, вожди дали ему понять, что он может здесь поселиться. Смит сел, улыбаясь и кивая головой. Подошел ребенок и принес ему скорлупу, другой притащил дыню цамка. Негр был голоден. Разбив дыню небольшой палкой, он начал жадно есть, а дети, собравшись вокруг, наблюдали за ним. Тогда он принялся развлекать их, строить им рожи, предлагать ломтики дыни, но эти миниатюрные создания с бегающими глазенками отшатнулись от него, испуганные и озадаченные видом черного гиганта, которого привело соседнее племя.

Смит продолжал наблюдать за жителями деревни. Он видел женщин с кожей абрикосового цвета, толкущих что-то в ступах, очищающих шкуры, возвращающихся из саванны с палками-лопатами и шкурами, полными корней и клубней. Пищу они готовили в глиняных горшках, а младенцев носили, подвешивая к бедрам. Женщины делали вид, что не обращают на него никакого внимания, но скрыть своего интереса никак не могли.

В деревне бушменов Смит провел трое суток.

Страх прошел. Никто и не думал убивать его, чтобы полакомиться человеческим мясом или принести в жертву с помощью какого-либо ужасного способа; его кормили и не беспокоили. Два охотника, Фу-Манчу и Ринклбелли, даже взяли его однажды с собой в поход через саванну.

Смит с сожалением понимал, что племена вот-вот разойдутся в разные стороны в поисках непостоянных и быстро исчезающих запасов пищи и ему придется покинуть деревню. Ведь бушмены — охотники, питающиеся тем, что посылает им природа. Хижины они используют всего лишь несколько недель в году, а остальное время передвигаются по обширной территории. Ни один современный человек никогда не жил среди настоящих бушменов, не мог понять их мыслей и чувств.

Вероятно, встреча двух племен происходила ежегодно. В это время молодые девушки встречали будущих супругов вне своей группы крови, вне своего рода. Наблюдая за ними, Смит замечал признаки зарождавшейся застенчивой любви между молодыми людьми и угадывал возбужденное

состояние среди подростков, когда мимо них проходила красивая гибкая девушка.

Молодежь много танцевала. Каждую ночь. Один танец Смит хорошо понял. Две группы мужчин стояли на коленях лицом друг к другу. С перекошенными от ярости лицами они громко рычали и потрясали руками в воображаемом гневе. Это была, без сомнения, пляска воинов. После началась игра, уже хорошо знакомая Смигу. Вновь два ряда мужчин стали лицом друг к другу. Они хлопали в ладоши и негромко гудели. Неожиданно все выбрасывали руки вверх, выставив вперед несколько пальцев. Если число поднятых пальцев противостоящего соперника оказывалось большим, то он, приплясывая, подходил к проигравшему и уводил его к линии, разделяющей команды. Это напоминало Смигу игру в орлянку или перетягивание каната.

Некоторые танцы продолжались до глубокой ночи, и Смит засыпал, наблюдая за ними. Были танцы группы воинов вокруг большого костра из ветвей боярышника. Они едва двигались, извиваясь всем телом и стараясь идти небольшими шажками. Вокруг танцующих, хлопая в ладоши и топя ногами, ритмично двигались женщины. Был танец, имитирующий охоту: вокруг костра и через него грациозно прыгал бушмен, обхватив голову руками и выставив над головой два пальца, изображая рога.

Однажды бушмены затеяли любопытную игру, очень понравившуюся Смигу. Ему даже захотелось самому принять в ней участие, но он не решился это сделать, опасаясь нарушить какое-нибудь табу. По одну сторону хижин на плоской площадке собрались мужчины с длинными тонкими и гибкими прутьями. Один из них повесил на конец своего прута странного вида предмет, своеобразный твердый шар на кожаной плети. На другом конце болталось большое перо. Внезапно бушмен метнул шар высоко в воздух. Взлетев, удерживаемый трепещущим сзади пером, шар стал медленно падать вниз. Все бросились за ним. Один из играющих, высоко подпрыгнув, первым подцепил его своим прутом и снова бросил ввысь. Мужчины носились с невообразимой скоростью и проворством. Игра напоминала Смигу бадминтон или травяной хоккей. Наблюдать за ней было чрезвычайно интересно. Ему захотелось узнать, с какого времени играли в нее маленькие человечки и как давно вообще известна эта игра.

Цивилизация представляет собой тоненькую корочку. Смит пробил ее и стал бушменом. Если бы он остался с ними или присоединился бы к какой-либо другой группе далеких от цивилизации людей, со временем их образ мыслей стал бы и его манерой восприятия окружающего мира, а потомки его стали бы настоящими бушменами.

Эта мысль ужаснула его. Он подумал об обычаях, привычках и системах, делающих их жизнь в незнакомом для бушменов мире такой легкой: о колоссальной промышленности, балансирующей на лезвии ножа; о кучке людей, управляющих всей этой машиной, и тех, которые умеют совершенствовать эту систему, добавлять к ней что-то новое. Современный человек — это паразит, пользующийся накоплениями прошлых столетий или дивидендами от крупных сделок. Он не добывает себе пищу, не строит себе дом, не воспитывает своих детей; его руки и мозг размягчены; он питается, действует и живет в изоляции от окружающей его естественной природы. Все это удобно, это цивилизация, которая может исчезнуть буквально за одну ночь, если разрушить механизм, приводящий ее в движение.

Смит проснулся. Ему улыбался Фу-Манчу, трясая за плечо. Негр вылез из хижины, встал и, потягиваясь, понял, что рассвет уже близок. Подошел Ринклбелли и перебрисился несколькими фразами с Фу-Манчу. Смит поднял одну из скорлуп у своей хижины и напился. Появилась какая-то старушка, которая принесла большую глиняную миску. Все трое мужчин принялись за еду. Смит ел то измельченные клубни и корни, перемешанные с толчеными кузнечиками и муравьиными яйцами, то жесткое высушенное мясо, отбитое в ступе. Было все равно, чем его кормили. Смит был голоден, а пища давала ему жизнь. Все остальное не имело значения.

Двое охотников, осторожно взяв его под руки, показали сначала куда-то вдаль, затем на него и на себя. Смит кивнул и пошел вслед за ними, улыбаясь и махая рукой крошечным малышам и старикам, сидящим у хижин. Многие из них ответили ему тем же.

Негр поспешал за низкорослыми охотниками. Он почувствовал волнение, сознавая, что бушмены ведут его куда-то, стремясь вернуть в цивилизованный мир. Для них Смит был помехой, и они собирались от него отделаться, но не убивая его по крайней мере сейчас. Бушмены догадывались, что он пришелец из иного мира, а они побаивались

этого мира, опасались и переоценивали его могущество над ними. Они возвратят его в этот мир, чтобы не вызвать раздражение черных людей, обитающих вокруг. Войны прекратились, и любой мирный шаг пойдет им когда-нибудь на пользу.

Окружающая природа продолжала изменяться к лучшему. Деревья теперь росли гуще, почти как в парке. Но вот они снова пропали. Трое путников вступили в засушливый район: на песке росли только пальмы. Позже пески исчезли, началась обширная красноватая равнина с зарослями кустарников. Бушмены шли по прямой. Смит шагал в десяти футах сзади.

Где-то около полудня показалось селение. Перебравшись через низкий хребет, они увидели несколько дымков, поднимающихся в безветренное небо, а потом и группу невысоких домов. Бушмены возбужденно заговорили, заулыбались и стали спускаться к деревушке.

Волнение охватило и Смита. Это была не просто очередная деревня бушменов; виднелись глинобитные дома и блеск гофрированного железа. Здесь чувствовались отголоски цивилизации. Бушмены вывели его в безопасное место. Он заторопился за ними.

Навстречу по пыльной равнине из деревни шла группа людей: мужчины, женщины и дети, ярко одетые и шумные. Они подходили все ближе и потом внезапно остановились. Остановились и бушмены. Шум стих. Смит увидел, как бушмены взяли за свои маленькие луки. Негры из деревни тоже были вооружены копьями и дубинками. Полностью друг другу они не доверяли.

От большой группы негров отделился и подошел поближе к бушменам невысокий мужчина в старом пиджаке и грязных брюках. Очевидно, он был метисом: наполовину бушмен, наполовину негр. Остановившись в двадцати футах от Смита, метис начал переговоры с бушменами на их шипяще-щелкающе-чмокающем языке. Говорили они несколько минут. Негр волновался, сердился, улыбался, хмурил брови, смотрел с презрением. Наконец, его лицо выразило удовлетворение. Стоящая сзади толпа стала приближаться. Возбужденно затараторив, Фу-Манчу взмахнул своим луком и тоненькой стрелой. Переводчик закричал что-то на другом языке. Толпа отступила. Ядовитые стрелы бушменов были здесь хорошо известны.

Переговоры завершились. Вождь повернулся к своим

соплеменникам и что-то сказал им. Потом двое подростков помчались к деревне.

Все это время Смит стоял, не проронив ни слова, слегка опасаясь, что в последний момент договоренность не будет достигнута, бушмены рассердятся и уведут его с собой. Очевидно, они пытались его продать и торговались сейчас с неграми. Ожидая своей участи, Смит, стоя на солнце, наблюдал за женщинами, показывающими на него пальцами. Скоро все это кончится.

Негры из деревни производили на Смита странное впечатление. Они были низкорослы, слабы и неряшливы, представляя собой нечто среднее между бушменами и африканцами, которых коснулась цивилизация. В них не было благородства Фу-Манчу, но и к западной культуре они, видимо, не приобщились. Носили эти люди изношенную одежду европейского покроя; свою они, скорее всего, не изготовляли. Одевание было чрезвычайно пестрым. Кожа у одних — совершенно черная — делала их похожими на готтентотов, а другие, наоборот, казались совсем белыми. Лицо одного из них было явно малайского типа, голову другого украшали красные волосы, а все тело было покрыто какими-то пятнами.

Смит слышал, как однажды в пещере Стюрдевант рассказывал о подобных племенах, живущих в Калахари. Это были люди, отвергнутые обоими мирами, безнадежно связанные узкородственными брачными узами, изолированные в заброшенных селениях, представители странных полукастовых племен, которых избегали и белые, и черные, и бушмены.

Из деревни пришли двое подростков и привели с собой жирную телку. Вождь взял поводок и подвел животное к бушменам. Фу-Манчу вышел вперед и взял поводок. Ринклбелли стоял рядом, настороженно глядя на толпу. Она рассыпалась: негры повернулись и пошли назад к деревне. Тогда и Ринклбелли стал медленно, шаг за шагом отходить. Вслед за ним шел Фу-Манчу, уводя жирную телку.

К Смицу подошли четверо мужчин. Внезапно его охватил страх. Инстинктивно повернувшись, негр увидел фигуры двух крошечных человечков: они становились все меньше и меньше, постепенно исчезая вдали. Мужчины попытались заговорить с ним, но он ничего не мог понять и только тряс головой. Смит чувствовал, что ему не следует говорить по-английски до тех пор, пока он не увидит

белого человека. Он не доверял этим людям. Стоит ему заговорить по-английски, как они убегут, потом придут снова, будут лебезить перед ним и, наконец, взвесив все до конца, убьют. Поэтому он улыбался, гримасничал, кивал головой, но молчал. Через некоторое время, так и не добившись от него ни слова, они увели Смита в деревню.

Задолго до того, как они подошли к первому глинобитному дому, Смит ощутил зловоние этой деревни, не имеющей даже примитивной канализации и изнывающей от палящих лучей солнца. Тяжелый запах вызывал у него тошноту.

Смит шагал рядом с неграми не как равный, а как пленник. Они расспрашивали его резко и грубо. Ведь он был куплен ими у бушменов. *И стал их рабом.*

Он шел теперь по грязной деревне. Ее жители уже перестали обращать на него внимание. Похожая на крысу собака зарычала из-под узкой перекошенной двери. Изрезанные колеями улицы и переулки были усыпаны гниющими отбросами. Его привели в конец улицы к недостроенной хижине. Трое мужчин, одетых в перепачканные глиной отрепья, на мгновение прекратили работу, апатично взглянув на Смита. Один из них — поседевший чернокожий старик, другой — длинноногий мальчик с белесоватой кожей и лицом готтентота, третий был немного похож на бушмена.

В тени наполовину законченной стены сидел еще один негр. Поднявшись, он подошел к вновь пришедшим. Этот довольно высокий человек держал в руках дубинку. Он прикрикнул на строителей, и все трое вновь принялись за работу.

Подойдя к Смицу, негр с дубинкой внимательно осмотрел его, в то время как проводники болтали между собой. Неожиданно он схватил Смита за руку и втолкнул внутрь хижины, что-то выкрикивая при этом. Джеферсон подумал, не следует ли сказать о том, что он американец. Они, по видимому, понимали по-английски.

Надсмотрщик продолжал орать на него, размахивая дубинкой. Закричал еще один негр. Их лица угрожающе исказились. Попятившись назад, Смит натолкнулся на старика и подбостранно закивал надвигающимся на него неграм: он согласен работать, он подчинится.

Трое мужчин месили глину в яме, подносили ее в пригоршнях к стенам и лепили на подсохшие места. Смит, по-

баиваясь тяжелой дубинки и презренных людишек, присоединился к ним и принялся за работу.

Четверо конвоиров ушли, а надсмотрщик возвратился и некоторое время стоял, наблюдая за рабами. Те продолжали бросать сухую глину в яму, иногда добавляя туда воды, а затем месили ее ногами и носили к шершавым стенам. Смит работал усерднее других: ведь надсмотрщик прикидывал, на что он способен. Негру явно хотелось ударить Смита, чтобы дать пришельцу почувствовать его новое положение: теперь он раб и должен подчиняться без промедлений.

День угасал, и Смит почувствовал облегчение. Он уцелел в пустыне, остался жив и будет жить. Наступит момент, когда в деревню придет белый полисмен, зоотехник-инспектор или какой-нибудь делец, в общем тот, кто спасет его, увезет отсюда и освободит. Он будет ждать, а пока останется рабом.

Г л а в а 6

Подкрепившись дыней с медом, Грэйс и Майк с утра отправились вниз по каньону на поиски съестного. Гримельман еще спал, а О'Брайен ушел, когда было совсем темно.

В течение двух часов Грэйс и Майк бродили вдоль утесов, гоняясь за ящерицами, время от времени отдыхая в тени громадных скал. Они уходили все дальше и дальше. По мере удаления от пещеры утесы становились ниже и подниматься на них уже не составляло труда.

Загнав в угол коричневую ящерицу, Грэйс убила ее палкой. Перочинным ножом Бэйн выпотрошил добычу, и они завернули ее в тряпочку.

— Здесь мы могли бы, пожалуй, подняться на вершину,— предложила Грэйс.

Бэйн взглянул вверх на пологий склон.

— Давайте попробуем,— согласился он.

В этом месте они никогда еще не взбирались на вершину утеса. Может быть, им удастся обнаружить новую колонию ящериц.

Не торопясь и тщательно выбирая дорогу, они поднимались до тех пор, пока не достигли отвесной стены.

— Есть только один способ подняться на вершину,— проговорил Бэйн.— Сможете ли вы хоть на секунду выдержать меня на сцепленных руках?

— Попробую,— ответила Грэйс.— Не хотелось бы возвращаться тем же путем.

Она крепко сцепила руки. Бэйн отошел назад, разбежался, на мгновение оперся ногой о ее руки и не без труда, уцепившись за край глыбы, подтянулся вверх.

Лежа на плоской скале, Майк протянул руки молодой женщине и ухватил ее за запястья. Потом медленно и уверенно стал подтягивать к себе Грэйс, а она помогала ему, выискивая опору на скале кончиками пальцев босых ног.

Взобравшись наверх, они решили отдохнуть и расположились на камне... Оставшаяся часть пути до вершины казалась им намного легче.

До сознания Бэйна неожиданно дошло, что Грэйс лежит совсем рядом. Он чувствовал теплоту ее тела, запах волос. Порванная блузка расстегнулась на груди, изношенная юбка едва прикрывала бедра.

Грэйс повернулась, заметив, что он рассматривает ее, и улыбнулась. Бэйн определенно чем-то нравился ей.

Они поднялись и молча двинулись дальше.

Вскоре им удалось убить еще двух сонных ящериц. В небольшую похожую на сокола птицу Бэйн швырнул камнем, но промахнулся, и оба долго наблюдали за ее полетом. Глядя на Грэйс, Майк все больше проникался чувством ненависти к О'Брайену. Когда стемнеет, она снова уйдет с охотником, как это случалось теперь каждую ночь.

Потом они шли вдоль хребта, с трудом ступая босыми ногами по раскаленным от зноя камням, пока не наткнулись на глубокую, похожую на колодец круглую яму в скале. Майк и Грэйс остановились и долго смотрели вниз.

— Интересно, какого происхождения эта яма? — полюбопытствовала Грэйс.

— Не знаю, — ответил Майк.

Стены колодца были абсолютно гладкими, и вряд ли кому-либо удалось бы спуститься в него. У Бэйна появилось такое желание, но без веревки об этом нечего было и думать.

— Может быть, много лет назад почва на этом месте оказалась более рыхлой, а время и стихия довершили разрушение.

— Странно, — произнесла Грэйс.

— Осторожнее. Скала скользкая, — предостерег ее Бэйн, взяв за руку и отводя от края ямы. Теперь, когда Грэйс стояла рядом, она казалась ему необыкновенно красивой...

Неожиданно он отпустил ее руку и пошел дальше: она принадлежала О'Брайену.

...Джефферсон Смит работал, спал и ел. Он стал привыкать к однообразию новой жизни, ожидая прихода своих спасителей.

Негр все время думал о том, что случилось с Гриммельманом, Майком и Грэйс. Что сделал с ними О'Брайен? Смит старался отогнать от себя эту мысль, так как никому

из них ничем не мог помочь. Он вообще ничего не мог: ни убежать в пустыню, ни защитить себя, ни объяснить, кто он такой, без риска для жизни. Он попал в западню. Ничего теперь не оставалось, кроме ожидания, надежд и борьбы за существование.

Смит изучал людей, ужасался их однообразному существованию. Они позабыли свои прежние обычаи и не воспринимали новых. Повсюду царили скука и пустота. Они жили, выращивая свой малорослый скот и копаясь в пыльных огородах, жили без всяких надежд. У этих глубоко несчастных людей, казалось, не было будущего.

Дом, бесформенная лачуга, которую Смит и другие рабы строили из глины и прутьев, был, наконец, закончен, и их послали на другую работу. Кожаными ведрами таскали они воду из колодца на пыльные пересохшие поля, поливая каждое растение и каждый кустик в отдельности; ходили за хворостом, ремонтировали загоны для скота, собирали высохшие на солнце лепешки помета.

Смиту выдали рваные штаны и расплюснутую соломенную шляпу, и он стал выглядеть таким, как и все. Носили они старые обноски и лохмотья, оставшиеся от европейского платья, и лишь несколько древних старух прикрывали себя фартуками из невыделанной кожи.

Смит замкнулся в себе. Он выполнял свою работу, ожидая тот день, когда все это кончится. Ночью их не сторожили, но он даже не помышлял о побеге, довольный тем, что остался жив.

Спал он в одной из хижин вместе со стариком, светложким мальчиком и бушменом. На ужин, который приносил какой-нибудь деревенский мальчуган, им обычно давали овсяный суп с крошечными кусочками мяса и что-то бесформенное, похожее на хлеб. Этого было достаточно. Оно заполняло желудок, можно было спокойно размышлять. Смиту хотелось бы иметь бумагу и перо, поскольку в нем еще сохранилось стремление писать. Он тосковал по своему дневнику. Как-то ночью ему отчетливо представился лист белой бумаги, испещренный буквами. Мысли заполнили воображаемую страничку:

«Смог бы я снова найти горы? Существуют ли они в действительности? Там мы отчетливо поняли весь драматизм жизни. Убил бы я сейчас О'Брайена? Наверное, нет. Пожалуй, без него, без его охотничьих инстинктов и ружья никто из нас не продержался

бы долго. Однако в конце концов он мог уничтожить всех. Сейчас мне кажется, что там я прожил бы еще долгое время. Может быть, мне удастся познать кое-что и чему-либо научиться здесь. В этой деревне в голову не идут никакие мысли. Нет и книг. Только люди да работа».

Потом он забылся глубоким сном, сознавая, что скоро наступит еще один рассвет, еще один бесконечный день изнурительного труда.

Как-то вечером, до наступления темноты Смит решил пройтись по деревне. Никто не причинял ему никакого вреда; все уже знали нового раба, считали его немым и только равнодушно поглядывали, когда он проходил мимо.

Дойдя до окраины деревни, Смит остановился у последнего дома и долго смотрел вдаль на ровную линию горизонта. Может быть, попытаться совершить побег и найти кого-нибудь, кому можно будет рассказать о катастрофе с самолетом? Нет. Он не сделает этого. Надеяться на то, что ему опять повезет, Смит больше не может. Он и так чудом уцелел при аварии, выжил в черных горах, в пустыне, среди бушменов, а теперь и среди этих людей.

Смит повернулся и пошел обратно. Проходя мимо одного из глинобитных домишек, он услышал детский плач. Перед домом сидела молодая женщина с девочкой на руках, которая, захлебываясь от рыданий, протягивала матери свою тоненькую ручонку. Большой пальчик руки был перевязан грязной тряпочкой. Девочка сбросила повязку, она упала в пыль, и стал виден распухший и воспаленный палец. Смит подошел поближе.

Женщина равнодушно взглянула на негра. Голова ее была повязана цветным носовым платком. Что-то напевая, она пыталась успокоить ребенка.

Смит опустился на колени и, взяв крошечную ручку девочки, стал внимательно ее рассматривать. Палец надо было промыть, вскрыть ранку и выпустить гной. Женщина испугалась и громко закричала, повернув голову в сторону низенькой дверцы. Появился сердитый и заспанный мужчина. Смит зажестиковал, показывая то на руку ребенка, то на свой лоб, то на грудь. Кивая головой и улыбаясь, он пытался объяснить, что хочет помочь ребенку.

Мужчина посмотрел на жену. Взгляд его попеременно выражал колебание, заинтересованность и, наконец, согласие. Смит поднялся, прошмыгнул мимо хозяина в дверь

дома и быстро нашел нужные ему вещи: миску для кипятка, булавку, иглу и чистые тряпки.

Когда он закончил немудреную операцию, вокруг собралась толпа. Девочка, испуганно прильнув к матери, перестала плакать. Гной был удален, палец промыт и перевязан прокипяченной и выжатой досуха чистой полоской полотна.

Никто не мешал Смиту. Все видели, что он старался помочь ребенку и знал, как надо это сделать. Когда Джефферсон поднялся, чтобы уйти, руки его слегка коснулся мальчик и показал распухшую пятку. Жестом Смит велел мальчугану сесть. Отмыв ногу, он увидел, что пятка проколота острым шипом.

Джефферсон дал понять, что ему еще понадобится горячая вода. Неужели в этой деревне не имели даже элементарных понятий о медицине? Вероятно, деревенский лекарь ушел от них или умер. Смит осмотрелся. Окружающие его люди показались ему теперь менее жалкими и менее жестокими, он не чувствовал уже ненависти к ним. Разве виноваты они в том, что стояли так далеко от цивилизации? В определенном смысле они сами были пленниками, пленниками пустыни, как Гриммельман, Бэйн и Грэйс. Если Джефферсон может кому-либо помочь, то ему следует помогать местным жителям. То, что он их раб,— не имеет никакого значения. Тем временем женщина принесла миску горячей воды. Мужчина с факелом подошел и стал рядом.

Смит склонился к опухшей ноге мальчика.

Гриммельман вспомнил, что видел как-то у противоположной стороны каньона, ближе к пику, большую ящерицу. Однажды он привел туда О'Брайена. В тени утесов между скал они долго искали логово рептилии. Наконец, Гриммельман нашел его.

— Я поймаю ее,— кивнув старику, сказал охотник.

— Может, помочь?

Подумав, О'Брайен отрицательно покачал головой:

— Ты мог бы пока пойти поискать еще что-нибудь.

Ждать, возможно, придется долго.

Немец согласился. Он пойдет вверх по каньону ловить маленьких ящериц, а потом перейдет на другую сторону ущелья и вернется к пруду. Так ему удастся все время держаться в тени.

Проводив старика взглядом, О'Брайен стал изучать расщелину, в которой, как предполагалось, жила большая ящерица. Ничего другого не оставалось, как ждать. Подбросив в руке ружье, охотник отошел назад, чтобы занять выгодную позицию для наблюдения. Устроившись поудобнее, он отхлебнул воды из бутылки и аккуратно поставил ее в тень. Тратить пулю на ящерицу, даже большую, казалось ему нецелесообразным, но если она так велика, как описывал Гриммельман, то это, может быть, все-таки придется сделать. Впрочем, спешить не следует, дальше будет видно.

И О'Брайен принялся наблюдать за расщелиной.

Прошел час. В норе что-то пошевелилось. Вращая во все стороны головой, оттуда показалась ящерица. Охотник медленно поднимал ружье. Рептилия, действительно, как и утверждал немец, оказалась громадной, не менее ярда длиной, толстой и похожей на дракона. Мяса будет достаточно.

Подождав, пока ящерица отползет футов на десять от расщелины, О'Брайен нажал на спусковой крючок. Пресмыкающееся, подпрыгнув, упало на спину, подергивая короткими ногами; длинный хвост ожесточенно хлестал по песку.

Отложив ружье, О'Брайен вынул охотничий нож и подошел к ящерице. Внезапно она перевернулась на ноги и неуверенно заковыляла обратно к норе. Истекая кровью, ящерица передвигалась, однако, довольно быстро. Чертыхаясь, охотник ринулся за ней, пытаясь перевернуть ее, сбить с ног и нанести решающий удар ножом. Но ящерица оказалась настолько сильной, что остановить ее О'Брайену никак не удавалось. Почувствовав, как она ускользает из его рук, и бросив нож, он буквально в последний момент ухватился что было сил за хвост. Голова пресмыкающегося уже скрылась в норе, передние ноги нащупали опору в каменной расщелине, и мясистое тело стало протискиваться в глубину. Проклиная все на свете, охотник сильно тянул ее к себе. На какой-то момент он ослабил свои усилия и сразу же поплатился за это: в мгновение ока ящерица скользнула в нору. Снаружи виднелся только кончик хвоста. Упав спиной на песок, О'Брайен уперся обеими ногами в скалу и откинулся назад, выпрямив руки. Теперь он мог расслабить мышцы и ящерице пришлось преодолевать сопротивление всего его веса. Некоторое время она

извивалась, стараясь вырваться, но потом затихла. Установилось какое-то равновесие сил.

О'Брайен крепко сжимал в руках толстый и твердый, покрытый чешуйчатой броней хвост; потом резко рванул его, но ровно ничего не достиг. Ящерица надулась и плотно заклинила свое тело в каменной дыре. Вытащить оттуда пресмыкающееся представляло довольно-таки сложную задачу. Здесь нужна была железная выдержка. Придется, наверное, ждать до тех пор, пока животное не истечет кровью или не устанет.

Солнце обжигало почти обнаженное тело охотника. Привлеченные кровью насекомые не давали ему покоя. Прошло десять минут, полчаса. Руки О'Брайена затекли. Пот заливал глаза. Спину больно кусала муха.

— Ну, подыхай же, наконец,— проворчал он, обращаясь к ящерице.— Скорее.

Пуля, должно быть, не задела голову и жизненно важные центры рептилии, пробив лишь толстые мясистые складки под горлом. О'Брайен прицелился неточно, истратив ценную пулю, и потому никак не мог позволить пресмыкающемуся уползти в нору, издохнуть и сгнить там. Ему необходимо было мясо.

Солнце, поднимаясь все выше, жгло его неподвижно застывшее тело и непокрытую голову. Он расслабился и тут же почувствовал, что ящерица вырывается из рук. Вцепившись в ее хвост, он снова отыграл потерянный дюйм. Больше отдыхать он не мог. О'Брайен вспомнил о своем ружье и ноже, которые бросил на песке в шести футах сзади, и проклял себя за беспечность.

Почувствовав жажду, охотник подумал о стоящей в тени бутылке с водой, и прикрыл веки от бьющего в глаза солнца.

— Ну, скорее же,— прошептал он,— истекай кровью и сдайся. Я не отпущу тебя ни за что.

Все больше насекомых, комаров и жирных мух кружилось вокруг его вспотевшего лица. Они доставляли ему нестерпимые муки, ползая у самых глаз, забираясь в ноздри и беспощадно жала. Он вертел головой, тряся длинными волосами, пытался сдуть паразитов и ругался. В один момент он не выдержал и начал одной рукой отгонять и давить насекомых, но ящерица тут же рванулась в нору, и охотник чуть было снова не упустил ее.

Ухватившись за хвост, О'Брайен старался попеременно

дать отдых то одной, то другой руке. Он с трудом переступал на сведенных судорогой ногах и уже больше не открывал глаз. Смотреть все равно было некуда, а стояло поднимать веки, как пот и мелкие насекомые сразу же забивались в глаза. Борьба с ящерицей продолжалась. О'Брайен отчетливо представлял себе ту ярость, какую источал взгляд ее маленьких змеиных глаз. Гриммельман считал этих ящериц доисторическими животными. Старик объяснял Смиту, как удалось им приспособиться к окружающим условиям после многовекового естественного отбора.

Никогда в жизни О'Брайен не испытывал такой жары. Ему казалось, что он куда-то проваливается, перед глазами мелькали разноцветные огоньки, к горлу подступала тошнота. Израненные острыми раскаленными камнями подошвы босых ног кровоточили. Все тело сотрясала дрожь.

— Подыхай же, наконец... Ни за что не выпущу тебя, ни за что...

Два часа спустя Гриммельман вернулся к О'Брайену. Скрючившись над раскаленным черным камнем, охотник что-то бормотал и стонал. Вокруг его черноволосой головы кружилась масса насекомых. Старик на мгновение опешил и остановился в нерешительности. Ему показалось, что О'Брайен умирает. Воспаленное от укусов насекомых, превратившееся в кровавое месиво, потное лицо его было почти неузнаваемо.

Подняв нож, Гриммельман что-то спокойно сказал охотнику: ведь от неожиданности тот мог выпустить ящерицу. На всю жизнь запомнит старик лицо О'Брайена в момент, когда тот открыл глаза, посмотрел на Гриммельмана и улыбнулся.

Взяв нож в зубы, Гриммельман наклонился и ухватился за хвост ящерицы. Им удалось немного подтащить пресмыкающееся к себе. Старик ударил рептилию ножом в брюхо. Вырвался воздух, брызнула кровь, перепачкав им лица. Гриммельман еще и еще наносил удары, пока О'Брайен не шлепнулся на спину, выдернув ящерицу из норы. Старик перерезал ей горло, и только теперь охотник выпустил рептилию из рук. Шатаясь, он побрел к бутылке с водой.

Гриммельман хотел было сразу же идти вверх по каньону, с тем чтобы вернуться к пруду, но передумал.

Это оказалось весьма кстати. Не вернись он сюда, О'Брайен умер бы от солнечного удара.

Немец тщательно разделал крупное пресмыкающееся. Завернув мясо в рубашку, он присел рядом с охотником в тени скалы. Они оставались там до конца дня, отдыхая и потягивая воду. Когда солнце склонилось к закату, Гриммельман и О'Брайен не спеша направились к пещере.

Прошла еще неделя. Их оставалось теперь только четверо, и запасы пищи убывали медленнее. О'Брайен убил похожую на цаплю птицу, которая нашла себе ночлег на обрамляющих каньон утесах. Оставалось еще довольно много дынь, меду, ящериц и чистой вкусной воды.

Однажды вечером, сидя у костра, Бэйн предложил О'Брайену пойти на охоту вместе.

— С удовольствием,— согласился охотник.— Если нам повезет, можно будет подстрелить зебру или антилопу.

— Меня устроит любая пища,— заметил Бэйн.

— Нет,— проговорил Гриммельман,— нам необходимо мясо, сырое свежее мясо.

— Хочешь пойти завтра в ночь? — спросил у Майка О'Брайен.

— Конечно,— ответил с готовностью Бэйн.— Я чувствую себя достаточно крепким, чтобы не отстать от тебя. Ты будешь охотиться, а я понесу воду. Хотелось бы снова увидеть великолепный кусок поджаренного мяса.

— Что-нибудь добудем,— обнадежил его О'Брайен.— Во всяком случае, славно поохотимся. Все, что я могу делать здесь, это выслеживать бабуинов, а они стали теперь чересчур осторожны.

— Интересно, где сейчас Смит? — спросил Бэйн.

Некоторое время все молчали, наблюдая за пляской языков пламени на фоне почерневшей скалы.

— Он умер,— произнес наконец Гриммельман.

— Все-таки есть шанс, что ему куда-нибудь удалось добраться,— возразил О'Брайен.— После того, как Смит ушел от меня, он мог пройти не менее суток и наткнуться на источник. Сейчас он, может быть, около него.

— Он мертв,— уверенно произнес немец.— Оба они погибли в песках. Надеюсь, у вас не возникнет желание уйти в пустыню. Утверждаю, что отсюда ни для кого нет пути, кроме бушменов, которые знают, где можно добыть

воду. Сотни лет назад здесь кипела жизнь. Люди приходили сюда и уходили. Однако банту и буры держались на почтительном расстоянии отсюда, они не находили воды на поверхности. Может быть, эти места были последним оплотом бушменов. Потом, возможно, у них началась сильная эпидемия оспы, и смерть стала косить людей...

Все внимательно слушали старика. Неожиданно он заговорил решительным тоном, поглядывая при этом на Бэйна и О'Брайена.

— Не пытайтесь уйти, отбросьте идею, которая овладела Стюрдевантом и Смитом. Они храбрые люди, но поступили неразумно. Мы — всего лишь крохотное пятнышко в океане пустыни. Если бы сюда вела хоть какая-нибудь дорога, мы давно обнаружили бы следы человека. Белые люди нацарапали бы свои имена на мягких камнях вблизи воды. Никто, кроме бушменов, не сможет добраться сюда. Разве что с воздуха, на самолете. Вы должны это твердо знать. Никто не в состоянии пересечь эти пески в фургонах и на волах, как в прежние времена. Никто не может взять с собой столько воды, чтобы не умереть от жажды.

— Они-то вернуться...— сказала Грэйс.

— Безусловно,— подтвердил О'Брайен.— Ведь это всего лишь вылазка на охоту. Я пришел к такому же выводу,— обратился он к Гриммельману,— и иду только за мясом. Стоит нам подстрелить какую-либо дичь, как мы сразу же поспешим назад. А если найдем воду, разобьем лагерь и провялим мясо.

Гриммельман одобрительно кивнул.

На следующий день Бэйн и О'Брайен проснулись поздно. Лишь только солнце перестало палить, они ушли, неся на плечах скорлупы страусовых яиц. О'Брайен держал в руках ружье. Отдыхая через каждый час, они двигались, все время меняя направление. Когда солнце поднималось, спутники выкапывали в песке широкую траншею и перекрывали ее колючими ветками кустарника, набрасывая на них сверху одежду. Они не отказывали себе в воде и часто, скинув платье, наслаждались относительной прохладой в тени.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил О'Брайен.

— Устал, как и ты,— ответил Бэйн.— Но мне кажется, я не отстану.

— Такая жизнь по тебе,— проговорил охотник.— С каждым днем выглядишь лучше. Ты отоцал, но кажешься сильнее и дышишь легче.

— Если не считать постоянного голода, то я, действительно, чувствую себя лучше,— согласился Майк.— Было бы у нас побольше мяса...

— Мы можем продержаться долго,— продолжал О'Брайен.— Только нас слишком много, даже если учесть, что ушли Стюрдевант и Смит.

— Перенаселение,— вставил Бэйн.

— Ничего, я попытаюсь его ликвидировать,— сказал охотник.

— Не болтай,— возразил ему Майк, позевывая.

— Я вынужден буду это сделать,— настаивал О'Брайен.— Вчетвером мы не сможем здесь прожить долго.

— Возможно, нас заметит самолет...

— Лет, эдак, через десять,— бросил О'Брайен.

Бэйн закрыл глаза. Он очень устал и постарался поудобнее устроиться на песке. О'Брайен что-то еще говорил, но Майк уже не слушал. Он спал...

Наступил вечер.

Поднявшись, они снова двинулись вперед по еще не остывшему песку. В небе вспыхнули оранжевые полосы, окрасив пески в пурпурные тона, подул ветерок.

— Смит, должно быть, поступил глупо, попытавшись выбраться из пустыни,— произнес Бэйн.

— Я говорил ему это,— согласился О'Брайен.

Он сел на песок, искоса поглядывая на Майка, словно готовясь к прыжку. На какое-то мгновение О'Брайен напомнил Майку солдат с острова Сайпана, бородатых, грязных и жестоких, особенно, когда они отсиживались в окопах. Один из них чуть было не пристрелил его по ошибке.

— Смит был хорошим парнем,— сказал Бэйн.

Кивнув, О'Брайен поднялся на ноги. За ним встал Майк. Они пошли дальше. Стало темно. В лунном свете пески приобрели какой-то светло-серый оттенок. Бэйн думал, что ночь никогда не кончится. Он стал спотыкаться и падать от усталости. Когда охотник дождался его, они решили, что должны лучше всего идти друг за другом. Впереди пойдет О'Брайен с ружьем наготове, а сзади — Бэйн.

Перед самым рассветом свершилось чудо. Поднявшись

на возвышенность, О'Брайен увидел целое стадо антилоп. В лунном свете сотни животных застыли в молчаливой неподвижности. Вздрыгнув от неожиданности, охотник вскинул ружье только тогда, когда антилопы бросились прочь, но успел выстрелить три раза.

Подбежал Бэйн. Вдвоем при свете начинающегося дня они осмотрели местность. Крупное сильное животное лежало на песке. Антилопа была еще жива. Они отошли от нее, ожидая конца. Рана смертельна, животное никуда не убежит, а тратить еще одну пулю, чтобы прекратить его мучения, они не имели возможности...

Майк отправился за колючими ветками, а О'Брайен принялся разделять тушу. Словно из-под земли появились мухи и нажились на сырое окровавленное мясо.

Разведя небольшой костер, охотники стали жарить мясо. Ели они его полусырым, запивая большими глотками воды из скорлуп.

— Два дня пути от наших гор, — проговорил О'Брайен.

— Сколько мы сможем унести? — спросил Бэйн.

— Не знаю, — ответил охотник. — Двое суток ходьбы с тяжелым грузом — трудная задача. Надо подумать.

— Ты добыл великолепный трофей, — заметил Бэйн.

Насытившись, он почувствовал, как к нему возвращаются силы.

— Если бы я промахнулся, то, наверно, застрелился бы! — воскликнул О'Брайен. — Это мясо... Как много их было! Однажды Гриммельман рассказывал мне, что видел колоссальные стада зебр в тысячи голов. Теперь я верю ему.

— А я все думаю о Стюрдеванте, — неожиданно произнес Бэйн. — У него есть ружье. Может быть, он еще жив.

— Хорошо, если бы это было так, — откликнулся О'Брайен. — Голландец мне нравился, но его нет уж слишком долго. Если кто-нибудь выберется отсюда, найти наши горы ему потом нетрудно. А пока никто в целом мире и не подозревает, что мы оказались здесь.

Острым охотничьим ножом Майк отхватил еще кусок мяса и, бросив на угли, проговорил:

— Значит, ты думаешь, он погиб?

— Люди, которые могли бы нам помочь, возможно, находятся отсюда и в двадцати милях, и в пятистах двадцати. Стюрдеванту просто не повезло. Следующий, может, окажется удачливее. Вполне вероятно, что Смиту удалось

выбраться. У него было много воды, и счастье, возможно, улыбнулось ему.

Солнце палило все сильнее; рой черных мух вился вокруг мяса.

— Давай закопаем мясо и поищем укрытие,— предложил О'Брайен.— Я больше не могу есть, по крайней мере какое-то время.

После обильной еды они с трудом поднялись. Теперь следовало закопать мясо, пока солнце и мухи не добрались до него. Выкопав в песке неглубокую ямку, Майк и О'Брайен положили туда остатки туши и засыпали песком. Мухи не оставляли мяса до последнего момента и не улетали даже тогда, когда их погребал песок. О'Брайен сыпал проклятиями.

— Я кое-что здесь заметил, собирая хворост,— проговорил Бэйн.

Подняв свои тюки, охотники подошли к торчащей под углом из каменистого грунта скале, от которой падала тень, достаточная для того, чтобы укрыть их тела и драгоценную воду. Заснули они почти мгновенно.

Солнце господствовало над землей. Ничто нигде не шевелилось. Муравьи скрылись в своих прохладных ходах под землей, пробираясь к запасам воды. Жара стала невыносимой. Но вот гигантское светило покатилося к западу. Становилось прохладнее... Скала начала отбрасывать длинные тени. Наступил вечер. Подул легкий ветерок.

А двое мужчин все еще спали в тени под скалой.

Г л а в а 7

Грэйс и Гриммельман сидели и завтракали. Неожиданно они увидели О'Брайена, который поднимался из каньона с тяжелой ношей на спине, и сначала приняли его за Бэйна, но когда он подошел ближе, стало ясно, что это охотник. Только он один мог принести такую огромную тушу. Плечи и руки О'Брайена покрывала запекшаяся кровь, смешанная с песком. Рой мошек и мух надоедливо вился вокруг него.

О'Брайен страшно устал, и ему было не до разговоров. Он молча прошел в пещеру. Грэйс и Гриммельман последовали за ним. Они помогли ему накрыть драгоценное мясо, чтобы защитить от солнца и мух. Затем О'Брайен растянулся на рваном одеяле и застонал. Грэйс и Гриммельман принесли ему воды и немного пчелиных сот.

— Бэйн бросил меня, — пробормотал охотник. — Бросил. Ушел. Как и тот сумасшедший Смит.

— И ты пришел один? — спросил Гриммельман. — Ты позволил ему уйти?

— Он ушел, когда я спал, — О'Брайен закрыл глаза. — Взял все скорлупы, кроме одной. Мне с трудом удалось добраться до последней базы с водой. Я шел по его следам два или три часа. У меня больше не было воды. Хорошо еще, что он не забрал ружье.

Грэйс заплакала и отошла в глубь пещеры. Ей захотелось побыть одной в темноте, прилечь и подумать. Теперь вот и Майк Бэйн. Еще один поставил свою жизнь на карту. Безнадежная рискованная затея — найти выход во внешний мир.

Она слышала, как Гриммельман что-то говорил О'Брайену, затем голоса смолкли, и старик вышел из пещеры.

Теперь их стало только трое.

Потом они с жадностью набросились на мясо антилопы, принесенное О'Брайеном. Оставшуюся часть высушили на солнце и развесили в своей кладовой в дальнем конце пещеры.

О'Брайен уходил каждое утро и к вечеру возвращался с большими ящерицами, которых он ловил в отдаленных каньонах. Грэйс и Гриммельман вдвоем бродили в поисках пищи, обследуя давно знакомые им соседние холмы и скалы.

Наступил еще один рассвет и еще один завтрак у входа в пещеру. Они развели огонь от небольшого костра, который поддерживали всю ночь, и разложили перед ним съестные припасы. За последние два дня О'Брайену ничего не удалось найти. Мясо кончилось. Они ели только дыни с медом, запивая их теплой водой. Возможно, к вечеру удастся добыть ящериц.

— На днях я видел пчел,— произнес О'Брайен.

— Где? — спросила Грэйс.

— В дальнем каньоне,— ответил он.— Было бы совсем неплохо найти мед. Быть может, мед как раз и поддерживает в нас жизнь, а не мясо ящериц или другая пища.

— Я пойду с тобой,— сказал Гриммельман.— Возьмем немного сот и попытаемся отыскать гнездо. Когда взойдет солнце, можно будет легко проследить за полетом пчел.

— Отлично,— бросил О'Брайен.— Вы пойдете, Грэйс? Она взглянула на него.

— Нет. Слишком далеко идти, да придется еще и карабкаться по скалам. На этот раз я останусь здесь.

— Да,— кивнул Гриммельман.— Даже для меня будет далековато, но придется идти. Я хорошо знаю пчел и их повадки.

— Если ничего не найдем, пойду опять в пустыню,— сказал О'Брайен.— Нам нужны антилопы. Хоть бы одна появилась поблизости!

— Может, Бэйн вернется, прилетит с самолетом,— проговорила Грэйс.

— Надеюсь,— ответил О'Брайен.— У меня иногда появляется чувство вины перед ним, да и перед Смитом тоже. Когда уходишь отсюда, все время кажется, что где-то за соседним холмом, за следующим перевалом стоит забор или проходит дорога. Это своего рода наваждение.

Гриммельман поднялся и сказал:

— Пойдем искать пчел.

И они ушли.

Грэйс смахнула с камня крошки, смыла жирные пятна и посыпала чистым песком, чтобы на него не садились мухи. Подбросив в костер сучьев, унесла подальше и зако-

пала корки от дынь. Стало жарко. Тело покрылось липким потом. Грэйс вошла в пещеру, нашла свой небольшой саквояж с чистой одеждой, щеточками и расческами — все то, что она успела взять с собой из самолета.

Она подошла к пруду и разделась. Потом взяла одну из жестянок и, зачерпнув воды, плескала ее на себя до тех пор, пока не стала совсем мокрой. От мыла, которое было у нее в самолете, осталось лишь одно воспоминание. Она отошла на несколько шагов в сторону, туда, где был песок, и принялась натирать им тело, царапая бронзовую от загара кожу. Вернувшись к воде, она окунулась, смыла песок и почувствовала себя удивительно чистой и свежей.

Грэйс присела на каменную плиту и принялась под лучами солнца расчесывать волосы. Вначале гребенка застревала в ее свалившихся густых золотистых волосах, но вскоре они стали мягкими и послушными. Она нашла в саквояже ножницы и подрезала волосы так, чтобы они едва касались загорелых плеч.

Тело Грэйс обсохло. Она достала из саквояжа чистую одежду: потертое белье, помятую блузку и юбку, которая ей стала теперь слишком велика. Ноги ее были босы: изящные туфли и тапочки давно уже развалились.

Грэйс так хотелось, чтобы О'Брайен был сейчас с ней, увидел ее такой свежей, чистой и прекрасной!

Она почувствовала, что голодна. Напившись воды и захватив с собой саквояж, Грэйс вернулась к пещере. Поев немного меду и закусив долькой дыни, она легла отдохнуть на прохладный песок.

О'Брайену и Гриммельману потребовалось два часа, чтобы добраться до тех мест, где, по описанию охотника, были пчелы. Им пришлось пересечь дно каньона, подняться на скалы и долго идти вдоль гребня, пока не удалось найти удобный спуск. Немного отдохнув в тени, они изменили направление и пошли по дну третьего каньона, затем начали подъем на следующий хребет. Наконец, они очутились в том дальнем каньоне, который назвали ранее каньоном ящериц. Он был вдвое уже главного и менее всего обследован. Мужчины снова присели в тени невдалеке от спуска.

— С моей стороны глупо было идти сюда, — сказал Гриммельман. — Старому человеку следует иметь больше здравого смысла.

О'Брайен ничего не ответил. Он сидел, выпрямившись, в напряженной позе, пытаясь разглядеть что-то вдаль на противоположном гребне. Возможно, то была антилопа или бабуин. Гриммельман с обидой почувствовал, что О'Брайен не слышал ни единого его слова.

— Ну, так где же эти твои пчелы? — спросил старик, поднимаясь.

О'Брайен был уже на ногах.

— Всего несколько сот футов отсюда.

Гриммельман не торопясь последовал за ним. Спешить было явно некуда, но немец чувствовал, что его медлительность раздражает охотника.

О'Брайен подождал Гриммельмана. Тот подошел и остановился около него. У отвесной скалы на чистом песке, там, куда никогда не заглядывало солнце, лежал один из принесенных ими из самолета чемоданов без крышки. Он имел два заплечных ремня и был приспособлен для переноски скорлуп, которые и лежали в нем. Скорлупы были привязаны тонкими ремешками и веревочками и очень походили на те ранцы, которые О'Брайен изготовил когда-то для Смита, Бэйна и для себя.

— Это тебе, — бросил О'Брайен.

Старик долго смотрел на чемодан.

— У меня мелькнула такая мысль, — сказал он. — А не заставил ли ты силой уйти Смита и Бэйна? Мне и раньше приходило это в голову. Но не оставалось ничего другого, как выслушивать твои версии. Вот что я тебе скажу. Я не уйду.

— Да, заставил уйти их и заставлю тебя, — ответил О'Брайен. — Но ты пойдешь в другом направлении. И найдешь то, что я не показал им. У меня есть карта, которая приведет тебя еще к трем скорлупам с водой, оставленным мною там, где я охотился. Когда они опустеют, будешь пить из скорлуп в чемодане.

— Почему ты заставил их уйти? — спросил Гриммельман. — И почему вообще в мире всегда существуют такие, как ты, которые навязывают другим свою волю, а те, другие, позволяют лишать себя жизни?

— Все мы не можем здесь оставаться, — ответил О'Брайен. — Ты знаешь это лучше любого из нас.

— Так пусть мы умрем, — сказал старик. — Съедем последнюю дыню, последний мед, последнюю ящерицу или то, что нам удастся добыть, и потом умрем. Нет никакой

нужды обрекать друг друга на смерть в пустыне. Стюрдвант поступил неразумно и ушел сам, но другие... Ты убил их. Их кровь на твоих руках.

— Они должны были уйти,— твердил свое О'Брайен.

— Не тебе решать, кому уходить.

— Все вы уйдете!

— Я не уйду,— возразил Гриммельман.— Вернусь к пещере. Если и умру там, то буду знать: сделал все, что мог. Не расстанусь с жизнью только потому, что у кого-то в руках ружье. Я устал от подобных типов. Меня уже раз уничтожили такие же, как ты...

— Уходи,— мягко сказал О'Брайен.— Уходи или я убью тебя.

— Нет,— ответил старик.

— Застрелю,— повторил О'Брайен и подошел ближе.

— Это что, казнь? — спросил Гриммельман.

— Называй как хочешь. И то и другое — все равно смерть.

Старик слегка улыбнулся. Угрозы. Всегда угрозы. Всегда перед ним был кто-то с ружьем, кто приказывал ему делать то, чего он не хотел. Было время, когда это вызывало в нем страх, и он подчинялся, говоря себе, что его нельзя запугать. Он прекрасно понимал, что это ложь, и все же пытался оправдать себя. А в результате — кровь была на его руках... и гереро, и русских.

— Для начала я буду защищаться,— заявил старик.

Он переступил с ноги на ногу и поправил шляпу. Правая рука его опустилась в карман старой штормовки и нащупала нечто твердое — продолговатый кремень, наконецник копья, который он нашел среди скорлуп страусовых яиц.

— Дратся уже поздно,— заметил О'Брайен.

Гриммельман кивнул. Да, охотник прав, поздно, слишком поздно. Его пальцы обхватили кремень, и старик почувствовал, как острый его конец выступает из вспотевшего кулака, словно нож. В руках у него было оружие.

— Возьми скорлупы,— приказал О'Брайен, сделав шаг вперед, и дулом ружья указал на чемодан.

Гриммельман покачал головой. Нет. Никогда. Он почувствовал себя страшно одиноким, как только может себя чувствовать человек; как тот мальчик из племени гереро, стоявший перед ними, когда офицер подошел и тща-

тельно навел свой пистолет; как те русские военнопленные, опустившиеся коленями на снег...

Он умрет сражаясь: схватит ружье О'Брайена, разобьет его, ударит этого парня и всадит ему в грудь свой нож. Он не подчинится. Гриммельман вынул из кармана руку, сжатую в кулак, и двинулся вперед.

— Стой! — закричал О'Брайен. — Остановись!

А старик подходил с поднятой рукой. Из его кулака выступал двухдюймовый конец острого камня. Немец приближался, словно в исступлении. Взгляд его был страшен. Старческое лицо выражало гнев и ненависть.

— Стой! — снова заорал О'Брайен.

Старик был уже совсем рядом. О'Брайен ждал еще некоторое время, а затем шагнул в сторону и взмахнул тяжелым ружьем. Ствол ударил Гриммельмана по правой руке. Старик пошатнулся, пытаясь сохранить равновесие, и тяжело рухнул на песок.

— Старый идиот! — бросил О'Брайен. — Понял ли ты, что драка — это уже не для тебя?

Охотник постоял несколько мгновений, глядя на распростертого на песке старика, затем повернулся и пошел по каньону.

Гриммельман лежал на земле. Из ладони струилась кровь. Он слишком сильно сжал наконечник копья. Старик сел и бросил кремень. Он был счастлив. Не потому, что остался жив, нет. Он совершил свой первый великий поступок — боролся со злом.

Голова кружилась. Надо было укрыться от солнца, отдохнуть в тени и потом идти назад в пещеру к Грэйс. Может быть, О'Брайен где-нибудь караулит его, чтобы застрелить, но это уже не имеет значения. Он стар и многое пережил, а сейчас стал хорошим человеком... хорошим...

Рука старика холодела. Он потер ею о бедро, стер окровавленный песок, внимательно рассмотрел небольшой порез на ладони и понял, что умирает, что умрет через несколько минут.

Ладонь была иссиня-черной, и черные прожилки разбегались по ней к кончикам холодеющих пальцев и запястью. Наконечник был отравлен ядом бушменов. Старик сжал камень слишком сильно и порезался. Он сумел победить О'Брайена, но найдет смерть от древнего яда.

Гриммельман сидел под палящим солнцем и не чувствовал страха. Лучше умереть здесь, чем в холодной Ев-

ропе. Солнце такое теплое. И много лет назад, будучи еще совсем юным, он уже побывал здесь.

Давно это было. Скрестив ноги, сидел бушмен с оружием, отравленным ядом, готовясь к охоте или к войне с белым человеком. Ядом страшной силы смазывал он наконецник нового копья. Как это было давно!

Внезапно Гриммельман почувствовал, что уже ничего не видит. В ушах стоял звон. Он лег на песок, оперся на левую руку. Земля под ногами начала вращаться все быстрее и быстрее. Яд подобрался к сердцу. Старик вздрогнул и затих навсегда.

* * *

Над затянутой знойным маревом землей, высматривая пауков, летает быстрая оса, окрашенная яркими полосами, отливающими металлическим блеском. Где-то в расщелине черных скал есть у нее вылепленное из грязи гнездо с личинками, куда оса натаскает пауков, а потом надолго закупорит его.

За нею с высоты наблюдает большая безобидная на вид коричневая муха. Вот оса находит сверкающую на солнце паутину, подлетает поближе и, почти не двигаясь, повисает в воздухе.

Внезапно коричневая муха хватается осу своими сильными длинными лапками. Завязывается борьба. Муха со своей жертвой стремится подняться ввысь, а оса пытается перевернуться, вонзить в тело противника смертоносное жало и парализовать его. Муха знает это и удерживает осу подальше от своего жирного брюшка. В отчаянье оса пытается вырваться и освободиться, но справиться с сильными лапками мухи не в состоянии.

Длинный заостренный хоботок опускается вниз и прокалывает спинку осы. Через мгновение все кончено. Большая коричневая муха улетает, а тело осы, высосанное досуха, падает на песок. Ветерок подхватывает его и несет вдаль.

* * *

О'Брайен вернулся к пещере, когда солнце уже садилось. Грэйс ждала его у входа. В руках она держала несколько сухих сучьев.

— Где старик?

— Он умер,— ответил О'Брайен.

— Я сразу поняла, что с ним что-то случилось, когда увидела тебя одного,— сказала Грэйс.

Удивительно, что гибель Гриммельмана почему-то не взволновала Грэйс, и она поняла, что предчувствовала эту смерть. И еще одна мысль, которую она старалась отбросить прочь и которой стыдилась, пришла ей в голову: теперь для нее и О'Брайена будет достаточно пищи, и они останутся совершенно одни.

— Он порезался своим бушменским камнем,— сказал О'Брайен.— На нем оказался яд, который и убил его. Мы шли, разыскивая пчел, как вдруг старик упал сзади. Когда я обернулся, то увидел, как Гриммельман кружился на одном месте и спотыкался, словно не видел, куда ему идти. Небольшой порез на его руке кровоточил. Он сел, и рука начала быстро чернеть. Через пять минут он уже был мертв. Помочь я ничем не мог. Это было страшно, ужасно. Старик нашел этот камень среди скорлуп страусовых яиц и носил его с собой в кармане.

О'Брайен прошел в пещеру, поставив ружье в нишу. Грэйс внесла раскаленные угли и бросила их на почерневшую золу вчерашнего костра. В сумке О'Брайен принес четырех ящериц и сморщенный огурец наррас. Ящерицы были уже выпотрошены, и Грэйс быстро поджарила их на сделанной Смитом проволочной решетке. Они поели мяса, меду и поделили огурец.

Наступила ночь, принеся с собой стужу. Они подбросили сучьев в огонь и, дрожа от холода, быстро забрались в спальный мешок, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Скоро им стало теплее.

— Как это случилось, что он порезался? — спросила Грэйс.

Она крепко обняла О'Брайена и почувствовала в нем настоящую мужскую силу. Что-то в гибели Гриммельмана было такое, о чем О'Брайен ей не сказал, нечто неясное и пугающее, но об этом она боялась заговорить.

— Больше ничего не произошло,— ответил он спокойно.

Его пальцы коснулись ее лица. Он повернул Грэйс к себе, поцеловал в губы, щеку, шею. А она подумала о своем бывшем муже, который казался ей сейчас таким далеким... Эндрю Монктон — нежно любящий, добрый и внимательный. Но это все, что в нем было: только доброта и внимательность.

— Теперь мы все переживем, — сказал ей О'Брайен. — Ты и я. И останемся в этих местах. Жить. Вдвоем.

Грэйс все стало безразлично. Руки молодой женщины обвили его шею. Ей было ни до Гриммельмана, ни до перспектив будущей жизни, ни до кого другого, кроме О'Брайена. В этом темном холодном мире для нее больше не существовало ничего, кроме его горячего и влажного тела, кроме человека, который ее любил и защищал от ужасов этой доисторической ночи.

Их осталось только двое.

* * *

Солнце господствует повсюду. Обнаженные скалы дрожат от зноя. Жара становится невыносимой.

Старая и тощая коричневая муха тащится через ямку, засыпанную истертой в порошок глиной и нанесенным ветром песком, и взбирается на узкий гребешок. Ее крылышки обтрепались и съезжились, она почти ослепла. В каком-то иступлении муха ползет по раскаленному камню, крылышки ее трепещут, она делает попытки приподняться над землей и снова падает на песок.

За ней наблюдает скорпион. Он выжидает. Крабоподобные клешни наготове, длинное членистое тело изогнулось дугой. На последнем сегменте — острый смертоносный коготь. Все знают его и боятся — так страшен стекающий с него яд. От него умирают даже люди. Муха оборачивается, видит прямо перед собой это чудовище, бежит, но уже поздно. Сильные клешни хватают ее и подносят к мощным челюстям.

Скорпион удовлетворен. Он нежится на солнце, этот владыка своего маленького мирка. Коричневые мухи — довольно редкая добыча; чаще попадаются муравьи или нагруженные густым нектаром пчелы, отдыхающие на пути к своему тайному гнезду.

Но пробил час и скорпиона.

Протянув руку над валуном, молодой бабуин хватается его. Инстинкт говорит обезьяне, что жало насекомого страшно ядовито. Поэтому рука, так похожая на человеческую, осторожно поднимает вверх членистое тельце. Скорпион борется, стараясь своим извивающимся хвостом достать волосатую руку. Если ему удастся ужалить, только одна внезапная боль от укула заставит молодую обезьяну

подскочить над отвесной скалой. Но скорпион не смог использовать свое оружие. Другой рукой бабуин оторвал последний из семи сегментов, на котором корчится теперь в муках острый коготь. Скорпион беспомощен. Бабуин рассматривает свою добычу, обрывает раздражающие его клешни и одним движением губ проглатывает насекомое.

Потом бабуин идет вдоль хребта и снова ищет что-то у неровного подножья утесов. Он отбился от стада, но нашел пищу, лакомый кусочек; его не оттолкнули более сильные самцы или бешеные самки, хватающие все подряд для своих детенышей. Довольная обезьяна, изредка подпрыгивая, быстро передвигается на четвереньках.

Но и она находит свою смерть.

О'Брайен крался за бабуином более часа, как тень, бесшумно дюйм за дюймом переползая от скалы к скале даже тогда, когда большое расстояние в сотни ярдов отделяло его от добычи.

Потом наступил момент, когда мир сузился до черных четких линий в оптическом прицеле. Перекрестье остановилось на спине бабуина, охотник нажал на влажный от пота спусковой крючок, ружье дернулось в его руках, в нос ударил резкий запах пороха, раздался звон выброшенной латунной гильзы.

Пуля угодила в позвоночник молодой обезьяны. Изогнувшись, она высоко подпрыгнула, покатилась в пропасть и разбилась о скалы.

В воздухе раздался дикий рев бабуинов-часовых. Стадо в ужасе бросилось бежать от грома ружейных выстрелов. Смерть находила их, а они не понимали ее причины.

Снова наступила тишина. Ничто не двигалось. Зной волнами расходился над скалами и россыпями камней.

* * *

О'Брайен ушел, когда Грэйс еще спала. Проснувшись, она увидела, что осталась в пещере одна, и испугалась. Она вышла к костру у входа и съела свой скудный завтрак.

Где-то среди ущелий бродил О'Брайен, двигаясь от скалы к скале, как большая тень, и выискивая очередную жертву, любую, которая была бы только съедобна...

Сидя перед пещерой, Грэйс грелась в лучах утреннего солнца. Подбросив в костер несколько суковатых веток, она думала о том, что теперь они с О'Брайеном одни и ни-

когда уже не покинут эти горы. Их не найдут. Они останутся здесь, состарятся и умрут.

Это было ясно с самого начала. Если бы границы цивилизованного мира или просто водоем находились поблизости, в каньоне определенно встретился бы какой-нибудь скот. Не может быть, чтобы траву и воду, такую драгоценную для этих мест, не использовали. Но никаких следов белых или черных людей, старых стоянок, фургонов кочевников-буров, ничего, указывающего хоть на какие-либо признаки цивилизации, здесь не было. Ничто не свидетельствовало о том, что в каньоне кто-то жил, за исключением бушменов, пребывание которых здесь относилось к очень давним временам.

Их не спасут. Разве что пролетит самолет, и летчик заметит людей в пустыне. Моторизованная экспедиция, пересекающая необъятные просторы песков, также может обнаружить их здесь. Но если это и случится, то лишь в далеком будущем.

Грэйс вернулась в пещеру и выпила оставшуюся в одной из бутылок воду. Подняв пустую скорлупу страусового яйца, она снова вышла на солнце, направляясь к пруду, чтобы искупаться и наполнить все сосуды.

Остановившись у воды, молодая женщина стала раздеваться.

Слева от нее среди скал что-то зашевелилось. Человек. Страх сковал ее сердце... бушмен... Грэйс повернулась и бросилась бежать, изо всех сил призывая на помощь О'Брайена.

Незнакомец быстро догнал ее, схватил и ладонью зажал рот. Грэйс попыталась вырваться, обернулась и сразу успокоилась. Это был Майк Бэйн.

Рыдая, стояла перед ним Грэйс. Она плакала от счастья. Майк вернулся. Он не погиб, не погиб...

— Где О'Брайен? — спросил Бэйн необычно резким голосом.

Грэйс молча вытирала глаза. От волнения она никак не могла застегнуть блузку.

— Где О'Брайен?

— На охоте, — проговорила Грэйс. — Откуда ты взялся? О'Брайен сказал, что ты ушел от него, стремясь выбраться отсюда. Мы думали, ты погиб.

— О'Брайен бросил меня там, Грэйс. Он приказал идти вперед и не возвращаться. Пригрозил, что убьет,

если я вернусь. То же он сделал со Смитом. И сам сказал об этом.

Она не верила ему. Майк был грязен и изможден. Казалось, в любой момент он может упасть в обморок. Наверно, жара окончательно доконала его.

— Садись, Майк,— предложила Грэйс.— У нас еще есть кое-что. Покушай и отдохни как следует.

— Следующая очередь твоя,— продолжал Бэйн.— А также Гриммельмана. Если О'Брайен узнает, что я вернулся, то застрелит меня. Вот почему я и поджидал тебя у прудика, чтобы рассказать всю правду.

— Гриммельмана нет,— произнесла Грэйс.

— Как нет?

— Умер от яда. Порезался о наконечник от копья, который как-то нашел.

— Кто был с ним? Ты?

— Нет. Он ушел с О'Брайеном искать пчел и мед. В один из каньонов.

— О'Брайен — убийца, Грэйс. Он убил Гриммельмана. Под дулом ружья заставил Смита уйти в пустыню. Точно так же поступил и со мной. Не веришь?

— Это неправда, Майк,— Грэйс тяжело опустилась на песок.— Ты, должно быть, ошибаешься. Ты должен ошибаться.

— Поверь мне!

— Не знаю.— Долгим взглядом она посмотрела на него.— А впрочем, он жесток и, пожалуй, способен на это.

Но ведь она любила его и принадлежала ему.

— Хочешь пить? — спросил Бэйн, кивнув в сторону бутылки и большой яичной скорлупы.

— Да.

— Тогда пойдем к прудику, наберем воды и вернемся в пещеру,— предложил Майк.— Нам надо быть там к приходу О'Брайена. Следует отнять у него ружье. Он убьет меня, если я не сделаю этого раньше.

— Убьешь его? — воскликнула Грэйс.

— Если придется.

— Что же ты собираешься делать?

— Не знаю. Полагаю, мне следует его убить, но я вряд ли способен на это. Даже на О'Брайена у меня не поднимется рука.

— Не могу поверить,— проговорила Грэйс.

— У О'Брайена много шансов остаться в живых. Но

одному, — продолжал Бэйн. — Кто-нибудь когда-то пролетит здесь. И О'Брайен дождется. Он расскажет о катастрофе и о том, как все мы погибли один за другим. Гриммельман — от яда, я — от укуса змеи, ты — от солнечного удара. А он уцелеет.

— Прекрати, Майк, — взмолилась Грэйс, вздрогнув. — То, что ты говоришь, ужасно.

Ей это казалось невероятным...

Они направились к пруду.

Действительно ли Гриммельман умер от несчастного случая? Ведь возникло же у нее какое-то смутное предчувствие, когда охотник возвратился один. Но она быстро забыла об этом, пылая страстью к О'Брайену, и все другое перестало ее интересовать.

Потом Грэйс и Майк вернулись в пещеру и стали ждать охотника.

Он вернулся. Грэйс заметила охотника издали. Уперев руки в бедра, стояла она у входа в пещеру. Пришел О'Брайен, ее возлюбленный.

— Вот он, — просто сказала она.

Бэйн внезапно почувствовал в темноте, как страх овладевает им, сжимавшая гаечный ключ рука вспотела. Если он струсит, то погибнет, и очень скоро, а пережив столько, ему совсем не хотелось умирать. Авария самолета, страшная лихорадка первых дней, заражение крови — ведь прошел же он через все это! Майк припал в темноте к земле и стал молиться о победе над О'Брайеном.

Охотник подходил к пещере. Босой, с непокрытой головой, без рубашки, сильный, обросший длинными волосами, мускулистый и дочерна загоревший под африканским солнцем — это был человек, не унывающий среди лишений и трудностей.

— Теперь скоро, — проговорила Грэйс.

Она стояла у входа, ожидая, и не знала, сможет ли пройти через все это. О'Брайен подходил. Осталась сотня ярдов, пятьдесят, двадцать пять... В левой руке он нес туго набитый мешок с дынями.

— Я нашел несколько отличных дынь, — охотник поднял мешок повыше.

— Прекрасно, — ответила Грэйс.

Он остановился перед ней с ружьем в одной и мешком

в другой руке, наклонился, поцеловал в губы, потом в шею и направился в пещеру.

— О'Брайен!

Охотник повернулся, нахмурившись.

— Мне надо сказать тебе кое-что.

Он ждал. Ему хотелось поскорей уйти в пещеру, напиться и отдохнуть.

— У меня опять появилось какое-то предчувствие. О случае с Гриммельманом.— Грэйс глубоко вздохнула.— Мне все время кажется, что ты убил его.

Она должна знать все, должна все решить для себя, прежде чем позволить ему войти в пещеру, где в темноте охотника поджидал Бэйн.

— Я не убивал его,— твердо сказал О'Брайен.

И она поверила. Грэйс стояла между двумя мужчинами. Один из них всегда был трезв и спокоен, другой — подвержен галлюцинациям.

Тем временем охотник снова направился в пещеру.

— Стой! — вскрикнула Грэйс.— Там Майк Бэйн. Не входи. Он поджидает тебя с ключом в руке.

Вскинув ружье, О'Брайен отшатнулся назад.

— Майк там, в темноте,— продолжила Грэйс, отходя от охотника.— Говорит, что ты бросил его в пустыне. Он в ужасном состоянии, выдумывает всякие небылицы. Мы должны помочь ему... Ему кажется, что ты собираешься застрелить его.

Но О'Брайен словно не слушал ее. Остановившись, он отошел назад. Стало совсем тихо. Раздавалось лишь жужжание насекомых да неумолкающее потрескивание нагревающихся камней. Прошла долгая минута. Две.

Майк Бэйн вышел из пещеры и встал у входа. Он посмотрел на Грэйс, потом на О'Брайена. Этот грязный, прячущий глаза от резкого солнечного света бородатый мужчина в отрепьях шатался и, по-видимому, готов был упасть. Левая рука его была сжата в кулак, в правой он держал большой гаечный ключ.

— Расскажи ей правду! — потребовал Бэйн, наступая на О'Брайена.

— Не подходи ближе,— пригрозил тот.— Держись подальше. Предупреждаю!

— Расскажи ей правду! — снова крикнул Майк, не останавливаясь, занося ключ и вытянув вперед левую руку.

— Не подходи, Бэйн, или мне придется применить силу, — О'Брайен медленно отходил назад. — Ты был слишком долго на солнце и заболел. Убери ключ!

Зарыдав, Грэйс бросилась к Майку, схватила его за руку, тем самым лишив на какое-то время возможности сопротивляться. О'Брайен ринулся к нему.

Выругавшись, Бэйн яростно отшвырнул Грэйс. Женщина упала на песок, а Майк отскочил в сторону и пригнулся с ключом наготове, ожидая приближения О'Брайена.

Однако охотник остановился. Их разделяло расстояние не более десяти футов.

— Застрелю! — угрожал О'Брайен. — Брось ключ или я убью тебя.

Охотник боялся, что Бэйн бросится вперед и ударит ключом по стволу, сделав ружье бесполезным. Быстро нагнувшись, он положил ружье на землю и снова выпрямился.

Грэйс села на песке. Утесы над ней колебались, в небе горели два солнца, земля качалась. Болел локоть. Она почувствовала, что кожа на нем содрана, а рана кровоточит.

Поднявшись, женщина с криком побежала к О'Брайену и Бэйну, но, потеряв равновесие, снова упала.

Она видела, как они кружили один вокруг другого, словно боксеры на ринге. Ключ Бэйна сверкал на солнце. Безоружный О'Брайен стремился как можно ближе подойти к Майку. Стоит ему достать того рукой, и на этом все кончится. Он был достаточно силен, чтобы поднять и бросить своего противника на расстояние десятка футов. Но пока он пытался выхватить из рук Бэйна ключ. Одно страшное мгновение Майк колебался; потом его левый кулак разжался, и в лицо охотнику полетел мелкий песок. В ту же секунду Бэйн развернулся, взмахнул ключом и оказался за спиной О'Брайена, который в этот момент пытался протереть глаза и сохранить равновесие. Ключ обрушился на черную косматую голову. Один неверный шаг — и О'Брайен упал на песок.

Грэйс удивленно заморгала. Победил Бэйн. О'Брайен явно недооценивал его. А может быть, и она тоже? Может, он говорил правду... О'Брайен по какой-то непонятной причине боялся Майка.

Поднявшись, она подошла к Бэйну.

— Он побаивался тебя, — проговорила она.

— Поверь мне, Грэйс, поверь хотя бы на минуту. Отпущу его, если не сумею доказать свою правоту.

Она кивнула. Вдвоем они втащили О'Брайена в пещеру. Длинным куском веревки Майк связал сзади руки охотнику.

— Могу ли я доверять тебе и попросить принести ружье? — обратился он к Грэйс.

Она вышла и, вернувшись, протянула ружье. Оно было заряжено. В небольшом мешочке на поясе О'Брайена Бэйн нашел еще несколько патронов.

Вдвоем они осмотрели голову раненого. Переломов не обнаружили. Бэйн полил воды на бородатое лицо О'Брайена. Застонав, охотник стал приходить в себя. Майк жестом приказал Грэйс удалиться. Она отошла в глубину пещеры.

О'Брайен открыл глаза, попытался встать и выругался, поняв, что руки его связаны.

— Развяжи меня, Бэйн.

— Ни за что, — возразил Майк, стоя с ружьем в руках. Этот злодей был опасен даже со связанными руками. Майк не мог рисковать.

— Где Грэйс? — спросил О'Брайен, осматриваясь.

— Пошла за водой к пруду, — солгал Бэйн. — Мы много вылили на тебя.

— Послушай, — заговорил охотник, — я сожалею о своем поступке. Но я обязан был так сделать, и ты должен понять меня. Ни ты и ни Смит не ушли бы сами; вы не из таких. Мне пришлось толкнуть вас на это. Но раз уж ты вернулся, так в чем дело?

— Что ты сделал с Гриммельманом?

— Ничего, — ответил О'Брайен. — Думаешь, я убил его? Ошибаешься. Он — упрямый старый дурак. Я хотел и ему помочь выбраться из пустыни, но он отказался идти. А ведь я все подготовил: базы с водой, карту, упаковку со скорлупами. Но он не пошел, а бросился на меня с наконецником от копья. Упал, порезался им и умер, отравившись древним ядом бушменов.

— Значит, ты убил его, — заключил Бэйн.

— Я сказал тебе правду, — уверял охотник. — И тебя я не убивал, не так ли? Хотя, конечно, мог бы и застрелить.

— Почему же ты сам не попытался пройти через пустыню? — спросил Майк. — Почему это должен был сделать старый Гриммельман?

— И его и мои шансы равны,— ответил О'Брайен.— Но он стар и почти уже прожил свою жизнь. Если бы не повезло ему, то он все же помог бы нам.

— Одним ртом стало бы меньше?

— Конечно,— согласился О'Брайен.— А что же еще?

Появилась Грэйс. Она вышла из темной пещеры и стала рядом с Майком.

— Ты лгал мне,— сказала она охотнику.— Если бы сказал правду, я, наверно, осталась бы с тобой, как бы ужасно и отвратительно это ни было. Но теперь я больше не надеюсь на тебя. И не могу доверять. Никогда.

— А я к тому же и боюсь,— добавил Бэйн.— Стоит лишь развязать тебя и отдать ружье, как ты сразу подстрелишь нас обоих, чтобы завладеть всеми запасами пищи.

Откинув голову назад, О'Брайен долго и громко хохотал.

— И ты действительно веришь всему этому? — спросил он Грэйс.

— Конечно,— ответила она.— То, что ты сделал со Смитом,— почти убийство. Вернее, это настоящее убийство.

— Я считал, он сможет нам помочь,— проговорил О'Брайен.

— А почему ты *сам* не попробовал? — опять спросил его Майк.

— Я уже сказал тебе. Я больше нужен здесь. Я умею охотиться. Разве я не добывал вам мясо? Не уничтожал бабуинов? А что сделал для всех нас Смит? Другое дело — старый немец, он был умен и знал пустыню. Но вслед за ним стоял я, ведь я — охотник! Да, я не имел права заставлять Смита или тебя уйти, но и ты тоже не имеешь права сидеть у меня на шее. Сейчас не правы вы. Нас осталось всего трое, и нам следует держаться друг друга.

— Мы собираемся прогуляться. Вставай,— приказал Бэйн.

— Куда?

— Встать! Грэйс, принеси моток веревки и жестянку с водой! Мы посадим его в яму.

— Не будь дураком,— бросил О'Брайен.— Развяжи меня. Не позволяй ему так поступать со мной, Грэйс,— стал он просить.— Ты же видишь, что у него на уме? Он хочет меня убить. Ему нужна только ты. Он свихнулся там на солнцепеке...

Но Грэйс ушла. О'Брайен поднялся, мотая головой, чтобы стряхнуть песок с волос. Мужчины вышли из пещеры.

— У меня нет выбора,— сказал Бэйн.— Либо ты, либо я.

О'Брайен стоял и долго смотрел на Майка, вглядываясь в его лицо. Потом он зашагал вверх по каньону к пруду. Из пещеры с мотком веревки и жестянкой появилась Грэйс. Она пошла следом за Бэйном.

Миновав прудик, они стали подниматься на утесы каньона. Майк держался на почтительном расстоянии от О'Брайена, сознавая, что тот может, как только представится возможность, рассчитаться с ним. Наконец, они добрались до вершины и остановились на черной скале высоко над пустыней. Солнце нещадно палило, бросая яркие блики на потную фигуру О'Брайена. Но здесь, наверху, чувствовался легкий ветерок.

Бэйн взмахнул ружьем, и они пошли дальше. Минут через пять показалась загадочная круглая яма, обнаруженная когда-то Майком и Грэйс. Яма была пятнадцати футов в глубину и почти такого же размера в диаметре. Какой-то странный колодец в скале с абсолютно гладкими стенами, отполированными за тысячи лет ветром и песком.

— Ложись! — приказал Бэйн О'Брайену.

— Помоги мне, Грэйс,— умолял охотник.— Не позволяй ему загнать меня туда... Ведь тогда я не смогу помочь тебе, и ты останешься одна с этим сумасшедшим.

— Ложись! — повторил Бэйн.— Не заставляй меня снова прибегнуть к нокауту. На этот раз он может оказаться роковым.

Опустившись на колени, О'Брайен повалился на бок и плашмя лег на живот. Обогнув колодец и найдя подходящее место, Майк крепко привязал веревку одним концом за выступ, а другой — бросил в яму. Вернувшись назад, он стал рядом с расprostертым охотником, приставив дуло ружья к его голове.

— Развяжи его, Грэйс,— попросил он.— Распусти узел и тотчас отойди в сторону.

Женщина наклонилась и начала развязывать охотника. Как только узел ослаб, она быстро спряталась за спину Бэйна.

— Не пытайся встать,— предупредил Майк.— Делай

только то, что скажу. Стоит тебе подняться на ноги, как я выстрелю.

— Не сомневаюсь,— отрезал охотник.

— Ползи к веревке! — приказал Бэйн.

— Боишься меня, а?

— Ты чертовски прав, боюсь,— согласился Майк.— Потому ты и лезешь в колодец.

— А не кажется ли тебе, что я могу встать и отобрать свое ружье? — проговорил О'Брайен.

— Давай! — бросил ему вызов Бэйн.— Может, тебе так будет лучше?

Однако охотник не встал. Он подполз к веревке и соскользнул по ней на дно колодца.

— Попозже мы вернемся и принесем все, что удастся найти для тебя, может быть, дынь, а может, меду,— сказал Майк, вытащив веревку и опустив вниз жестянку с водой.

— Благодарю,— ответил охотник.— Я припомню это тебе, когда выберусь отсюда. А пока мне не остается ничего другого как подчиниться.

Он метался по дну колодца взад и вперед, словно зверь в клетке.

— Не выкарабкается ли он? — прошептала Грэйс. Она вдруг испугалась, увидев охотника развязанным.

— Даже ящерица не сможет взобраться по этим стенам,— покачал головой Бэйн.

— Принесите еще и одежду,— крикнул О'Брайен.— Ночью здесь будет холодно.

— Ты действительно не намерен выбираться отсюда? — спросил Майк.

— Как-нибудь ночью приду и разбужу тебя,— ответил охотник.

— Смотри не ошибись, убедись сначала, что это я.

О'Брайен расхохотался:

— Вытащи меня отсюда, Грэйс, пока не поздно. Впрочем, ты скоро поймешь, с кем связалась, и сама прибежишь, чтобы помочь мне.

Но Грэйс ничего не ответила и пошла прочь от колодца. Смотав веревку в кольцо, Бэйн последовал за ней.

О'Брайен слышал, как уходили Грэйс и Майк. Он проиграл; они перехитрили его. Но его день придет.

Он обошел вокруг стен. Скала была скользкая и твердая как сталь, а сам колодец напоминал перевернутую во-

ронку. Выбраться невозможно и о побеге нечего думать. Бэйн не оставит его без пищи и воды. И он подождет. Его оружие — время.

Итак, он в одиночке. А ночи будут холодными. Надо попросить Бэйна отдать ему старый пиджак или жакет. Может быть, придется провести здесь всю жизнь или долгие годы. О'Брайен сразу же отбросил эту мысль. Нет. В яме он пробудет не более дня. Всего только день. Завтра он выберется и уже никогда снова не попадет в этот каземат.

Прежде чем ночь опустилась над горами, Бэйн и Грэйс пришли к колодцу. Они бросили вниз два одеяла, спальный мешок и свитер Стюрдеванта. На склонах каньона ночи были холодными, но принести дров для костра оказалось невозможно. Более того, это было опасно. Бэйн не чувствовал уверенности в том, что О'Брайен беспомощен, даже находясь на дне глубокой ямы. Майку совсем не улыбалось снабжать этого злодея дровами. Уж слишком он изобретателен и находчив.

Они бросили вниз шесть дынь, немного сот и два куска сушеного мяса.

— Вытащи меня, Грэйс,— стал опять молить заключенный.

— Я боюсь тебя,— ответил ему Бэйн.— И Грэйс тоже.

— Это неправда.

— Правда,— подтвердила Грэйс.— С тобой что-то случилось. Нечто такое, что я чувствую, но понять не могу.

О'Брайен разразился громким хохотом; его белые зубы сверкали, длинные черные волосы разметались, касаясь мускулистых плеч. Он так смеялся, словно все, что с ним произошло, было просто веселой шуткой. Грэйс искоса взглянула на Майку. На какое-то мгновение оба почувствовали жалость к своему пленнику. Может быть, они все-таки ошибались?

— Лучше выпусти меня отсюда, Бэйн,— с угрозой сказал О'Брайен.— Сейчас я еще спокоен. Но через пару дней терпение у меня лопнет, и я выберусь отсюда. А потом брошу тебя в эту яму. Вас обоих. Лучше вытащите меня, пока я не разозлился всерьез.

— Ты не выберешься,— сказал Бэйн.

— Ну, это мы еще посмотрим. Как-нибудь ты придешь сюда и увидишь, что яма пуста. Дрожа от ужаса, ты помчишься к пещере, а я, быть может, буду уже поджидать

тебя там. Или наблюдать за тобой с утесов, ожидая ночи, когда ты уснешь над моим ружьем.

— Тебе не выкарабкаться,— повторил Майк.— Ты похож на клопа в стакане. Лишь крылья могут помочь тебе сбежать.

— Последний раз предупреждаю, Бэйн. Вытащи меня.

— К сожалению,— вмешалась Грэйс,— мы не можем этого сделать. Ты бросил в пустыне Смита и Майка и пытался точно так же поступить со стариком. И ты будешь сидеть здесь, пока не придет помощь.— Она повернулась к Бэйну.— Пойдем, Майк.

Они ушли, и О'Брайен снова остался в одиночестве. Наступила ночь, стало холодно. Он лежал в спальном мешке и обдумывал возможность побега.

Он убежит. В этом у него не было теперь ни малейших сомнений. Убежит потому, что всю энергию, всю волю сосредоточит на своем освобождении. Побег из колодца — спасение, а секрет спасения — в умении приспособливаться. Все обстоит весьма просто. Ты должен примениться к ситуации, ко времени, к месту, иначе погибнешь. Спасение сильнейшего означает лишь спасение наиболее приспособленного. Именно поэтому человек прошел долгий путь от собирателя подножного корма до владыки вселенной. Тело его было слабым и хилым, но человек получил возможность приспособливаться к окружающей среде. Его организм не мог одинаково хорошо справляться со всеми необходимыми функциями, но какие-то действия оказался способен выполнять так, как этого требовала природа. Бездна времени ушла на это! Но человек чудесным образом изменился. Он приспособился и уцелел, в то время как тысячи других форм жизни исчезли.

Для современного человека выжить — это значит проявить свои умственные способности. Упрямые умирают как мученики; фанатики и философы погибают перед лицом внезапных изменений. Чтобы уцелеть в наше время, надо обладать гибким умом, уметь приспособиться к новым законам, идеалам и морали. У современных людей должен быстро меняться образ мышления.

И он выживет. Потому что оказался самым изворотливым из всех. Для него это не составит труда. Он свободен от глупой сентиментальности и не признает никаких законов.

Г л а в а 8

Бэйн посещал О'Брайена два раза в день, следя за тем, чтобы у него всегда была вода и пища.

— Принеси-ка мне еще сушеного мяса,— сказал как-то охотник.

— Хватит с тебя.

— Ты пожалеешь об этом, когда я выберусь отсюда.

— Если это случится, тебя посадят в тюрьму или сошлют куда-нибудь подальше.

— Не глупи, Бэйн. Скоро я уйду. А тогда — берегись. Я стану охотиться за тобой. В темноте...

Бэйн вернулся в пещеру. Становилось прохладнее. К тому времени, когда они с Грэйс внесли угли и развели костер, поднялся ветер и слышались отдаленные раскаты грома. Разогрев несколько кусков вяленого мяса, они съели его, потом приступили к дыням и меду. И тут произошло нечто странное.

Пошел дождь.

Капли его падали не на рыхлую землю, которая накапливает и сохраняет влагу. Дождь лил на опаленные каменные склоны, на почву, никогда не видевшую корней растений, изрезанную лощинами, промоинами и миллионами складок. Он поливал бесплодные ущелья и вершины черных гор.

Вода собиралась в углублениях и водопадом переливалась через сдерживающие ее каменные запруды. Она стекала по склонам, собиралась в ручейки, сбегала в овраги.

Ручьи разбухали, вбирая в себя крошечные притоки. Земля впитывала только часть влаги — так много ее было. Вода застала обитателей пустыни врасплох в их норах, гнездах и ямах; мыши, ящерицы, пауки и змеи тонули, тела их плыли по воде. Дождь перешел в ливень. По склонам с шумом неслись бурные потоки. Вот подмытый тяжелый камень, набирая скорость и стучаясь о берега, покатился, увлекая за собой другие, царапая гранитное русло.

Попад в другой поток, он с треском раскалывается. Так постепенно образуется гравий.

Миллионы ручьев стекают на дно каньона, размывая прорезанные дождями и разрушенные временем канавки.

Майк Бэйн и Грэйс отошли от костра, не торопясь, вышли из пещеры и стали под дождь, подняв вверх головы и чувствуя, как холодные тяжелые капли падают на их лица. Это было так приятно, что оба стали смеяться и прыгать как дети. Схватив Грэйс в объятия, Майк поцеловал ее и что-то крикнул в небо. Грэйс побежала, поднимая брызги, через одну из неглубоких луж, заполнившую похожую на блюдце впадину в сотне ярдов от входа в пещеру. Бэйн бросился следом за ней. И тут Грэйс, неожиданно повернувшись, плеснула ему водой прямо в лицо. Он схватил ее снова, и они, споткнувшись, плюхнулись в воду. Майк поцеловал ее еще раз. Она вдруг как-то сразу присмирела. Теперь они почти не сознавали, что сидят во все увеличивающейся громадной луже.

— Я любила О'Брайена,— произнесла Грэйс,— а может быть, все еще люблю его. Я должна сказать тебе это.

— Прости меня,— смутился Бэйн.— Понимаю.

— Мне кажется, он убил Гриммельмана, но когда мы с ним остались здесь одни, это уже не имело для меня никакого значения. Мне было все равно. Нас осталось только двое. И он был мне нужен, Майк. В нем было все, чего мне хотелось, а потом появился ты со своим страшным приговором...

— Знаю,— прервал ее Бэйн.— Мне он тоже чем-то нравился. Извини меня.

— И все же я уверена, что он убил Гриммельмана,— продолжала она.

— Забудь об этом,— сказал Майк.

Вокруг них лилась вода. Они смотрели, как она падает на поверхность лужи: множество скачущих капелек рождали какую-то дикую музыку.

— Мне было все безразлично,— снова заговорила Грэйс.— Вот это-то меня и беспокоит. Я ошиблась, так ужасно ошиблась!

— Все дурное перестало существовать, после того как разбился наш самолет,— успокаивал ее Бэйн.— Мне самому казалось, что лучше покончить с собой, чем умереть голодной смертью. А ты хотела жить и быть с ним вместе. Не терзайся. Все теперь в прошлом.

— Но ведь это грех.

— Я хотел умереть, а ты — жить, — убеждал Майк. — Мы оба совершили ошибку. Ослепли на какое-то время.

— Каждый из нас поступал сообразно своим убеждениям, — согласилась Грэйс. — Мне нужен был мужчина, ты хотел свести счеты с жизнью, а О'Брайен стремился уцелеть. Может быть, мы так же плохи, как и он... Возможно, смерть Гриммельмана — не убийство, а Смит и Стюрдевант живы. Можем ли мы осуждать его?

— Да я и не осуждаю его, а защищаюсь от него, — возразил Бэйн. — Я тоже хочу жить и хочу, чтобы и ты осталась в живых. Мы все в чем-то виноваты друг перед другом. Но нас с тобой это волнует, нам жаль, что все так получилось. Нас, но не О'Брайена. Вот чем мы отличаемся от него.

Грэйс кивнула соглашаясь.

Ливень усиливался, из-за шума дождя стало трудно разговаривать. За несколько ярдов уже ничего не было видно.

Майк и Грэйс вскочили и побежали к пещере, в укрытие, к своему костру. Кое-как обтеревшись лоскутами старой одежды, они подбросили дров в огонь.

— Не целуй меня больше, Майк, — попросила Грэйс.

— Прости.

— Все могло быть по-другому, если б мы были одни. Меня ничто бы не беспокоило. Все стало бы просто. Ведь ты мне очень нравишься.

— И поэтому ты помогла мне справиться с О'Брайеном?

— Нет. — Она покачала головой. — Просто с ним я уже больше не чувствовала себя в безопасности. Начала его бояться.

— И это пересилило все остальное?

— Да. После того как он рассказал о случае с Гриммельманом, я стала опасаться за свое будущее. Подумала, что и меня он когда-нибудь пошлет в пустыню. Ты так не поступил бы и умер от голода вместе со мной.

— В самом деле? — удивился Майк. Он никогда не задумывался над этим.

— Конечно, — подтвердила Грэйс. — Или ушел бы сам. Ты не похож на него.

— Мы никогда не знаем, на что способны.

— О'Брайен знает.

— Это уж точно! Значит, он само зло.

— Он не злой, Майк. У него просто другие взгляды на жизнь, не как у нас. Если все хорошее и плохое перестало существовать после катастрофы, то взамен пришло нечто другое. Возможно, это законы О'Брайена, кто его знает. Так сложились обстоятельства. О'Брайен здесь ни при чем; он просто пытается выйти из положения.

— Выжить могут только наиболее приспособленные, так он считает.

— Похоже на то.

Наступило продолжительное молчание.

— Когда мы выберемся отсюда, я буду ухаживать за тобой,— неожиданно произнес Бэйн.— Если ты будешь свободна, конечно.

— Пожалуйста.

— И ты не будешь возражать?

— У нас много общего, Майк,— ответила Грэйс.— Я не представляю, как буду жить дальше с кем-либо еще. Мы были с тобой в пустыне. А это очень много значит. После всего, что мы пережили, вряд ли кто-нибудь поймет нас.

Костер горел хорошо, и они быстро согрелись. Дождь все лил и лил.

— Можешь положиться на меня,— проговорил Бэйн.— Ты, видно, всегда выбираешь не того парня, что тебе нужен.

— Да, это так,— согласилась Грэйс.— Может быть, чувство к О'Брайену было лишь чисто физическим влечением или желанием прислониться к кому-то сильному. Мне хотелось, чтобы ты понял это. Кем бы он ни был, он мужчина. И так не похож на моего Эндрю. На какое-то время мне больше ничего и не надо было.

— Знаю,— отозвался Бэйн.— Я встречал женщин, которые рассуждали, как ты. Представляю себе, что это значит.

Он вспомнил девушку из Рангуна и еще одну — из Касабланки.

Наступила ночь. Они поужинали и легли спать.

Дождь лил на О'Брайена.

Он открыл глаза и медленно поднялся, словно тигр, потягивающийся после полуденного сна. Запрокинув голову,

охотник улыбался; дождь барабанил по его лицу и губам. Жестом, старым как мир, он повернул ладони кверху, приветствуя живительную влагу. Насквозь промокнув, он весь так и блестел от воды. Тоненькие струйки стекали сверху, и он то стоял под ними, как под душем, то ходил вдоль гладких стен. Дождевая вода наполняла колодец. Вот она поднялась на дюйм, на два, на три; струйки воды, сливаясь друг с другом, образовывали маленькие водопадики и все больше отклонялись от стен над его головой.

Вода уже поднялась на фут. О'Брайену стало страшно. Он утонет здесь. Сложив ладони рупором, охотник заорал, пытаясь перекричать шум проливного дождя:

— Бэйн! Помоги... Помоги...

Однако он быстро понял, что все его попытки позвать кого-либо бесполезны, и перестал кричать. Теперь он умрет. И бессилён что-нибудь сделать, если не придет Бэйн. А Майк не придет, пока не прекратится дождь. Но тогда будет уже слишком поздно. Колодец наполовину зальет водой, а О'Брайен будет плавать в нем, словно мертвая муха.

Он остановился посреди колодца. Ливень теперь был так силен, что пришлось закрыть глаза. Вода поднялась уже на целый ярд; маленькие водопадики образовали сплошные потоки, низвергающиеся со склонов по гладкому камню в громадную естественную цистерну.

Утонуть после всего пережитого в пустыне, утонуть в мире, где почти никогда не увидишь воды, утонуть после того, как он обрек на гибель от жары и жажды других!

А вода дюйм за дюймом неотвратно поднималась.

Бэйн сел и начал медленно расстегивать молнию спального мешка. Его обдало холодом. Костер едва горел, а дождь за стенами пещеры не ослабевал. Майк вскочил и разбудил Грэйс.

— О'Брайен! — крикнул он. — Мы забыли о нем. Он же в колодце, а там воды, должно быть, уже наполовину.

Он представил себе охотника, который в тщетных попытках удержаться на поверхности цеплялся за гладкие стены. Гриммельман рассказывал им о ливнях в пустыне, но это представлялось таким нереальным. Казалось, дождь никогда не прольется в этом безжалостном мире. Если колодец не имеет какой-нибудь скрытой трещины, он быстро

наполнится водой, и тот, кто попал в него, обязательно утонет. Очень возможно, что О'Брайена уже нет в живых.

Грэйс вылезла из спального мешка и склонилась над костром; отблески огня засверкали в ее золотистых волосах.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Идти туда, — ответил Бэйн. — Возможно, он барахтается в воде, ожидая нас. Может быть.

— Он не погибнет, — произнесла Грэйс. — Это не такой человек.

— Мы должны пойти туда, — продолжал настаивать Майк. — Нельзя обрекать человека на подобную смерть.

— Да, нельзя. Поступать как О'Брайен мы не станем. В этом наше несчастье.

— Он, наверно, уже по горло в воде. Дождь лил всю ночь.

— Ну, а что ты собираешься делать с ним, когда вытащишь из колодца? — спросила Грэйс. — Сейчас совсем темно, и он убьет нас.

— Надо выяснить ситуацию, — настаивал Майк. — Если он продержится до рассвета, мы подождем. Если же О'Брайен плавает, цепляясь за стены, что-нибудь придумаем. Бросим ему веревку, он обвяжется и будет держаться, пока не настанет день. Я знаю, как он опасен, но не могу бросить его там, Грэйс. Нельзя допустить, чтобы О'Брайен погиб таким ужасным образом.

— Да, — согласилась Грэйс. — Но нам следует быть очень осторожными. Взобраться на вершину утеса в такой дождь вряд ли возможно.

— Пошли, — предложил Бэйн. — Дорога каждая минута. Пробираясь сквозь ночь и ливень по скользкой тропе, они шли к колодцу. Держа ружье в одной руке, Бэйн другой помогал Грэйс, и они, взобравшись на пронизываемые ураганным ветром скалы, немного отдохнули на вершине хребта. Дождь ослабел, но не было видно ни зги, и оба ощупью продвигались по знакомой тропинке. Идти приходилось по сплошной воде под порывами ветра. Грэйс и Бэйн скользили и падали, поддерживая друг друга, и не скоро добрались до колодца. Но вот, наконец, они стоят и смотрят в его бездонную глубину.

Во мраке виднелась лишь часть колодца, но они уже успели заметить, что он полон и вода переливается через край. Когда они сидели в пещере, им казалось, что ничего

подобного не может случиться, но сейчас, стоя в бурлящем потоке, сбегающем по склону горы в колодец, поняли, что яма была заполнена водой уже за первые несколько часов ливня.

Осторожно обойдя колодец и низко пригнувшись к его краям, всматривались они в воду и беспрерывно кричали. Но О'Брайен не отзывался.

— Он там, на дне,— проговорила Грэйс.— Но это не наша вина. Кто знал, что пойдет такой дождь?

Ей стало как-то не по себе.

— Может быть, он жив,— предположил Майк.

— Может,— согласилась она.— Мне тоже так кажется.

Они дрожали от страха, усталости и голода. Грэйс поймала себя на том, что молится о гибели О'Брайена. Бэйп тоже не чувствовал себя в безопасности в темноте.

Они побежали прочь от колодца, с утесов к своей пещере. Темная ночь — это царство О'Брайена. Ужас надвигался на них со всех сторон.

О'Брайена шатало. Он боролся со страшной тошнотой, все время подступавшей к горлу, после того как выбрался из воды и спустился со скользких, как лед, скал. Его вырвало, и он снова упал; руки и ноги тряслись от слабости и напряжения. Поднявшись, он пошел дальше в каком-то оцепенении, почти не ощущая тьмы, ливня и скользкой опасной дороги.

Инстинкт толкал его вперед по пути, которым он когда-то прошел и который теперь почти забыл. Он брел к тому логову бабуинов, к пещере, где жили обезьяны, когда он впервые напал на них из засады. О'Брайен шел во тьме по направлению к высокому пику, а потом повернул и зашагал по наружному склону, где ветер прижимал его к стене из черного камня, а на сотни ярдов вниз обрывалась глубокая пропасть.

Он нашел нишу, где когда-то до рассвета ожидал появления бабуинов. Теперь пещера была рядом. Охотник забрался в нее, ощущая острый запах животных, и рухнул на сухой пол.

Прошло несколько часов. Проснувшись, О'Брайен почувствовал холод и боль во всем теле. Он заполз в глубину пещеры и принялся массировать ноги. Вскоре кровообращение восстановилось, и все тело сильно покалывало. За-

крыв глаза, охотник ждал утра. Дождь, вероятно, погубил многих обитателей пустыни, как чуть было не погубил и самого О'Брайена. Но захлебнувшиеся в своих норах жирные ящерицы и разбитые ветром о скалы несчастные пичужки еще не успели разложиться и годились в пищу, пока не наступила жара. Изгнанные с привычных лежбищ скальные питоны могли стать легкой добычей в необычной для них среде.

О'Брайен заснул, обуреваемый кошмарными снами. Во сне он пережил все заново.

Вода стала ему по пояс, потом по грудь. Сквозь потоки низвергающейся воды уже ничего не было видно. Вокруг потемнело. Вода была холодной, и его ноги почти совсем ооченели. Он пытался двигать ими, потерял равновесие и, повалившись на бок, взмахнул руками, стараясь удержаться на поверхности.

Он плывал.

На скользкой стене своей тюрьмы О'Брайену удалось нащупать едва заметную выпуклость. Вокруг был лишь непроглядный мрак ночи, вода да слышался непрекращающийся рев ниспадающего в колодец потока. Но теперь-то он останется жив, уйдет отсюда. Он продержится все эти долгие часы, уцепившись за обнаруженную им неровность на стенке колодца, пока вода не поднимет его до краев ямы, и уж, конечно, сумеет выбраться из нее. Он будет жить, жить, жить...

Час спустя ободранные пальцы О'Брайена вцепились в узенький гранитный уступ. Он подтянулся и левой рукой ухватился за край колодца. От страшного напряжения охотника била дрожь, но, изогнувшись, он нащупал опору кончиками пальцев ног и невероятным усилием выбросил тело вверх, распростершись на скале, словно выплеснутая на берег рыба. Вокруг него водоворотами бурлили потоки.

Грэйс Монкгон сидела у входа в пещеру с ружьем в руках и оглядывалась по сторонам. В нескольких ярдах сзади, в тени, лежал Майк Бэйн. Он крепко спал.

Прошла уже неделя со времени сильного ливня. Долина позеленела; на каменистой почве появилась трава, ожили деревья, кусты покрылись густой листвой. Сухая зима прошла, наступило лето, природа стала оживать.

Прилетели стайки каких-то неизвестных птиц и стали устраивать себе гнезда в недоступных трещинах черных утесов. Воздух наполнился гудением пчел, появились словно из-под земли их рой, занимая обнаруженные разведчиками укромные расщелины.

На второй день после дождя Майк прямо из пещеры подстрелил саблерогую антилопу. Она пришла через пески, как и та первая, не зная о том, что в каньоне появились новые обитатели, которые сумели утвердить свое положение между жизнью и смертью.

Осторожно сняв с животного шкуру, Майк и Грэйс разделали тушу, как это делал Гриммельман. Большую часть мяса они разрезали на тонкие ломтики и провялили. Из всего остального сварили густой бульон. Гаечным ключом Майк раздробил кости антилопы. Костный мозг и кусочки мякоти пошли на суп. Использовано было все. Вычистив шкуру, они расстелили ее в тени, чтобы просушить, не представляя, какое найдут ей применение, но смутно понимая, что она может пригодиться и ее следует сохранить.

Они с интересом наблюдали за пробуждающейся природой, открывая многое, о чем раньше даже не имели представления; видели, как мертвая земля возвращается к жизни; замечали, как из круглых семян, казавшихся ранее пустыми и бесплодными, вылезали из-под твердой земли необыкновенные ростки. Насекомых становилось все больше, и все новые и новые звуки слышались в сумерках. Грэйс и Бэйн были частицей этой жизни и сами оказались вовлеченными в великий процесс возрождения, развития и смерти.

Ночи становились мягче. У Майка и Грэйс было вдоволь пищи. Недалеко от прудика хитроумными сетями, сплетенными Бэйном, они стали ловить перелетных птиц. Всего за какую-то неделю от полуголодного состояния и отчаяния пришли они к изобилию.

Однако оно не доставляло им радости.

Грэйс и Майк сознавали, что О'Брайен жив и ждет своего часа. Им казалось, что они чувствуют на себе его взгляд, и с вершин утесов и мрачных хребтов он следит за каждым их движением, набираясь сил, и выжидает благоприятный момент. Они понимали, что оставшийся в живых О'Брайен неожиданно и безжалостно нанесет свой удар.

Однажды Майк и Грэйс снова пришли к колодцу и

внимательно обследовали все вокруг. Яма была еще заполнена водой, но с каждым днем ее становилось все меньше. Тело О'Брайена могло находиться на дне, однако убедиться в этом в ближайшее время не было возможности, поскольку уровень воды все еще достигал десяти-двенадцати футов.

Могло быть и по-другому. О'Брайен утонул, но тело его не осталось на дне, а вынесено потоком из колодца и затянута в какую-нибудь трещину или расщелину на склонах утесов. Несколько часов потратили они на поиски, ничего не нашли и пришли к выводу, что этого не произошло.

В конце концов обладающий недюжинной силой О'Брайен мог удержаться на поверхности и, приподнявшись на воде, ухватиться за края колодца. В этом случае он, скорее всего, скрывается в каком-либо ущелье или высоко в горах, ожидая момент, чтобы застать их врасплох и разделаться с ними.

Однако пока Грэйс и Майк не замечали никаких признаков его присутствия. Сотни раз в день смотрели они вверх на черный пик, вглядываясь в изборожденные трещинами утесы, надеясь заметить его, обнаженного и обросшего черной гривой, стоящим, как обычно, в своей несколько расслабленной, но грациозной позе. Все было напрасно. И в то же время они с каждым днем все явственнее догадывались о том, что он близко.

Они ждали, что О'Брайен вот-вот появится.

Бэйн понимал — пещера станет для них смертельной западней. Стоит им лишь отойти на достаточное расстояние — и О'Брайен проникнет в нее. Он мог бы ждать их тогда во мраке или спрятаться в туннеле, а ночью подкрасться к ним. Им удалось подстрелить антилопу, и пищи хватит надолго, но когда-нибудь в поисках съестного все же придется далеко отойти от пещеры. Конечно, пещера может оказаться ловушкой и для О'Брайена. Если он с Грэйс уйдет на целый день, а беглец проскользнет в пещеру, можно будет завалить вход и снова схватить его. Но это чересчур рискованно, слишком многое может произойти, и не так, как им хотелось бы.

Поэтому Грэйс и Майк предпочитали оставаться в пещере и по очереди отдыхать. Обнаружив, что костер у входа горел как-то всю ночь до рассвета, они сразу же погасили его и затоптали. Поперек входа в свое убежище

натянули провод и шнур, повесив на них жестянки, кухонную утварь и другие издающие звон предметы, на случай если О'Брайен попытается незаметно проникнуть в пещеру. В шести футах за ограждением Бэйн выкопал дугообразную траншею и наткал в нее кольца, чтобы непрошенный гость, которому удалось бы пробраться сквозь паутину проводов и шнуров, напоролся на их острия. Теперь ночами они чувствовали себя в относительной безопасности, предполагая, что О'Брайен может прийти только со стороны входа.

Вне пещеры оба держались открытых мест и не подходили к тем утесам, откуда охотник мог бы закидать их камнями. Они бродили по каньону вблизи пещеры, надеясь, что мимо пробежит еще одна антилопа.

— Может быть, мы напрасно боимся, и все это лишь наше воображение, — сказал однажды Майк, когда они сидели у входа в пещеру.

— Нет, он жив, — уверяла Грэйс. — Я не могу отделаться от мысли, что кто-то наблюдает за нами сверху. А иногда по ночам кажется, что он где-то рядом бродит в темноте, подкрадываясь совсем близко. И я боюсь.

— Я тоже, — проговорил Бэйн. — Но иногда задаю себе вопрос: чего ждет О'Брайен? За это время он мог бы и показаться.

— Мы должны вести себя так, словно он жив, — сказала Грэйс.

— Ты права. Если он не погиб, его единственное оружие — внезапность.

Они сидели молча. Вокруг жужжали мухи, среди скал раздавался лай бабуинов. Грэйс сильно загорела, и ее белокурые волосы красиво сочетались с бронзовой кожей.

Бэйн почесал в затылке и зевнул. Потрогав свою густую бороду, он подумал, что смерть вполне может найти их здесь в пустыне. Прожить сейчас в этих местах не трудно, но скоро наступят тяжелые времена. Дожди прекратились и начнутся не раньше как через семь-восемь месяцев. Так долго они не протянут!

Майк повернулся к Грэйс:

— Какого черта никто не появляется здесь!

— Придут, — произнесла Грэйс. — Мы должны в это верить.

— Не знаю, — сказал Бэйн. — Временами меня охватывает уныние. Понимаю, что нельзя ему поддаваться, но

что делать... И Смиту, и Стюрдеванту, скорее всего, не удалось выбраться. Прошло уже столько времени.

— Боюсь, что ты прав.

— Однажды ночью,— продолжал Майк,— у меня возникла идея. Я сидел и думал о птицах, которых мне удавалось ловить у прудика в сети. Вот если б можно было их как-то использовать! Скажем, привязать записочки к лапкам и отпустить. Ну, все равно, как почтовых голубей. Так же, например, бросают бутылку с запиской в море.

— Это мысль!

— Ты действительно так считаешь?

— Нет.

Оба расхохотались.

— Ну,— проговорил Бэйн,— тогда не остается ничего другого, как есть их. Запасы вяленого мяса антилопы иссякнут нескоро.

Весь каньон покрылся зеленью и множеством маленьких желтых цветочков.

— Что бы ты сделал, если бы в эту минуту к прудику пришел О'Брайен? — спросила вдруг Грэйс.

— Надеюсь, у меня хватило бы здравого смысла застрелить его.

— Застрелил бы?

— Думаю, да. Он убил Гриммельмана. Убил Смита. И поклялся убить меня.

Еще одна ночь опустилась на черные горы.

Над долиной летел самолет.

Он появился так быстро и столь неожиданно, что Грэйс и Майк не успели понять, в чем дело, как он уже скрылся. Был полдень. Они сидели у входа в пещеру и жарили птицу, запутавшуюся в одной из расставленных сетей.

Едва успев прийти в себя. Бэйн бросился в пещеру и выскочил с двумя факелами в руках.

— Бежим! — крикнул он Грэйс.— Скорее!

Подожженные от костра факелы вспыхнули. Держа их в левой, а ружье в правой руке, Майк бежал вслед за Грэйс вдоль каньона подальше от береговых утесов на открытое пространство. Самолет был уже далеко, но в ушах все еще стоял гул мотора, символ прогресса, цивилизации и спасения.

Они бежали, не чувствуя под собой ног. Если самолет повернет и сделает еще один круг над ущельями, их могут заметить. Земля стала более ровной, камни и песок сменила обожженная красноватая глина. Они добежали до первой огромной кучи хвороста — сваленных вместе ветвей колючего кустарника, верблюжьей акации и охапок сухой травы. Бэйн поджег все это, протянул факел Грэйс, и они помчались через долину к другой заготовленной ими охапке хвороста.

Самолет возвратился. И на этот раз, казалось, летел ниже. Они стояли, размахивая факелами, почти оглушенные рокотом мотора, когда самолет пронесся над ними. Майк и Грэйс что-то кричали. Стальная птица пролетела дальше, но затем резко повернула вправо. Их заметили. Самолет заходил со стороны открытого конца каньона на посадку.

Это была небольшая машина с нанесенными по одному борту буквами, хрупкое сооружение, парящее сейчас над зубчатыми черными утесами. Подобного типа самолеты, как правило, принадлежат индивидуальным владельцам. Бэйну приходилось видеть такие: они обычно обрабатывают химикатами посевы. Его беспokoила мысль, сможет ли эта машина поднять еще двух человек.

Бросив факелы, они остановились.

— Как быть с О'Брайеном? — спросила Грэйс.

— Он явится сюда, — ответил Майк. — Тотчас же.

Прикрыв ладонями глаза от солнца, они осматривали горы и черные скалы вокруг, но ничего не обнаружили.

— Мне страшно, — произнесла Грэйс. — Даже рядом с тобой, даже сейчас, когда прилетел самолет. Я все еще боюсь, хотя у нас и есть ружье.

— Если он здесь — придет, — сказал Бэйн.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Его, может быть, уже нет, Грэйс. Скорее всего, он остался лишь плодом твоего воображения. И моего тоже. Все это от страха. Если О'Брайен уцелел в том колодце, он обязательно спустится со скал, увидев самолет. Что ему терять? Цена его слов и наших одинакова. Мы не сможем доказать того, что он совершил.

— Ты думаешь, он все же погиб?

— Я полагаю, жив, — ответил Майк. — Но если он не появится, я закрою на этом книгу и стану считать его мертвым, утонувшим в колодце.

Самолет тем временем превратился в быстро растущее пятнышко. Но они не смотрели на него, они видели перед собой только пещеру да скалы. Грэйс и Бэйн искали глазами О'Брайена.

Потом, когда самолет почти налетел на них, ревя и обдавая красной пылью из-под резиновых колес, они бросились к нему, плача, держась друг за друга, смеясь и размахивая руками, не в силах прийти в себя от радости.

Самолет остановился. Открылась маленькая дверца. Гул мотора стих. Сначала показалась длинная нога, а потом перед ними появился средних лет мужчина высокого роста в белоснежной рубашке и очках без оправы. На борту самолета виднелась четкая надпись: «Цумсеби Майнинг лтд.».

Пилот долго смотрел на них.

— Ну, вот мы и нашли вас,— сказал он наконец.

Бэйн улыбнулся. Говорить стало трудно. Это был человек из другого мира; с утра он позавтракал, на ногах у него ботинки, и он по-настоящему пострижен.

Внезапно Грэйс поняла, что она почти раздета и пилот, отвернувшись от приборной панели, смотрит на нее через щелку дверцы. Молодая женщина крепко прижалась к Майку.

— Мы добровольно присоединились к поискам,— сказал мужчина,— как только услышали о вас. На алмазных россыпях на побережье подобрали какого-то парня, который назвался летчиком и сказал, что его самолет разбился где-то в черных горах. Ему не поверили и посадили в тюрьму, но кто-то все же заинтересовался рассказом этого парня, и оказалось, что он действительно сказал правду. Забавно!

— Стюрдевант,— произнес Бэйн.— Мы думали, он погиб.

— Неужели ему удалось дойти отсюда до берега океана?

— Да,— подтвердил Майк.— Он был нашим пилотом. И должен был дойти.

Итак, Стюрдевант жив. К горлу Бэйна подкатился комок.

— Нам нельзя глушить мотор,— проговорил пилот.— Слишком мало горючего. Есть здесь еще кто-нибудь?

— Остальные погибли,— крикнула Грэйс громко, стараясь, чтобы шум мотора не заглушил ее слова.

Обернувшись, Бэйн еще раз оглядел утесы. Никого. Никакого движения. Видимо, О'Брайена нет в живых. Только страх мог заставить их предположить, что охотник избежал смерти.

— Все остальные погибли,— подтвердил Майк.
Они сели в самолет и улетели.

О'Брайен видел, как поднялся самолет. Охотник стоял на огромной плите из черного камня, солнце грело его бронзовое тело. Он почесался и короткой заостренной палкой потер икру. Теперь О'Брайен остался один. Бэйн и Грэйс улетели, Гриммельман умер; все ушли, и горы принадлежат отныне только ему.

Дойдя до края плиты, О'Брайен стал спускаться с утеса; у него вдруг возникло острое желание снова увидеть прудик и пещеру — все, что окружало его прежде.

У водоема сидели птицы. Увидев его, они насторожились. О'Брайен бросился вперед. Птицы взлетели... Палка, которую он швырнул в них, скатилась в воду.

Он долго пил, а потом пошел к пещере. Увидев дымок, охотник почувствовал запах птичьего мяса, которое Бэйн только что поджаривал на костре. Улыбнувшись, он поспешил к огню, присел на корточки и набросился на птицу.

Теперь О'Брайен останется жив; и ничто другое его уже не беспокоило. Один человек в горах — это не шесть; набить один живот — не проблема. Новый урожай дынь уже поспевал. В ущелья вернется дичь, ведь запах человека исчезнет. Здесь всегда есть мед, водятся желтые ящерицы и змеи, растут корни и клубни, которые находил для них Гриммельман. Он будет охотиться и собирать пищу, а следовательно — жить.

О'Брайен встал и вошел в пещеру, увидел ограждение и траншею с заостренными кольями. Итак, он был прав: Бэйн предполагал, что О'Брайен жив, и принимал самые решительные меры предосторожности. Майк убил бы его, если бы охотник вышел к пещере.

Найдя один из факелов, О'Брайен поджег его от костра. Осветив пещеру, он увидел подвешенное вяленое и копченое мясо, оставшиеся дыни, кучу изношенной одежды. Какое-то время он будет жить здесь, питаясь сушеным мясом и предоставив возможность всему живому в каньоне расти и размножаться.

Неожиданно О'Брайен почувствовал под ногами что-то холодное. Сделав шаг назад, он стал на колени и смахнул мягкий песок. Там оказался большой гаечный ключ, который Бэйн всегда носил с собой. О'Брайен подбросил его. А ведь его удобно держать. Неплохое оружие! О'Брайен взмахнул ключом, описав рукой широкую дугу.

Сняв полоску вяленого мяса, он вышел из пещеры и уселся под лучами жаркого солнца. Где-то вдалеке лаял бабуин.

В пещере О'Брайен проводил не каждую ночь. Иногда он просто выбирал себе место среди ущелий и на утесах: то в старом логове бабуинов, то в узких расщелинах, то в невысоких пещерках, где находил кремниевые ножи, наконечники стрел и бусинки, изготовленные бушменами из яичных скорлуп и костей.

Ему легко удавалось разводить огонь. Палочку из твердого дерева величиной с карандаш он быстро вращал в своих мозолистых ладонях. Конец палочки упирался в дощечку из мягкого дерева, где было выбито углубление, заполненное сухими гнилушками. Спустя некоторое время вспыхивал огонек, согревавший его среди доисторической ночи. Он жарил над костром куропаток, жирных гекконов и вообще все то, что ему попадалось в песке и трещинах черных скал.

Снова выпадали дожди. Обнаженный О'Брайен стоял, остывая под струями воды, и чувствовал, как под ногами земля становится скользкой и мягкой. Необъятное песчаное море, окружающее черные горы, поглощало воду, ничего не отдавая взамен, но в каньоне трава становилась гуще, появлялись цветы, оживали и распускались деревья. Просыпались мириады семян, выбрасывая ростки, тянувшиеся к влаге и солнцу. Появлялись птицы и звери, поедающие нежные травы и созревшие клубни, высасывающие соки, благородные антилопы, похожие на сказочных единорогов; лоснящиеся зебры в своем пестром наряде; стремительные газели; гиены с низкими крупами. Влекомые каким-то древним инстинктом, они нашли дорогу к ущельям, окруженным скалами, к внезапно появившемуся здесь изобилию корма.

О'Брайен охотился. Выкопав неглубокую яму, он вбил в песок острый кол, накрыл ловушку ветками и травой, присыпав тонким слоем песка. На третий день в западню попала зебра, распоров себе живот. Идя по следу, О'Брайен

нашел ее в пустыне и разделал тушу. Мухи буквально набрасывались на мясо, откладывая на нем свои яички. Сотню фунтов мяса О'Брайен принес в пещеру и закопал в прохладный песок до ночи, чтобы потом разрезать на тонкие полоски и провялить. Но когда он побежал назад, чтобы забрать остатки туши, она исчезла. Над обглоданными костями дрались гиены, а злые стервятники стаяей взлетели при его приближении. О'Брайен заорал на них и тяжелым камнем попал в одну из гиен. Он ненавидел этих тварей. Они так же, как и бабуины, воровали его добычу.

О'Брайен охотился и на бабуинов, но без ружья ему приходилось быть очень осторожным. Обезьяны спускались с утесов в поисках сочных, напоенных дождевой водой клубней и ягод, а он гнал их назад с головнями в руках. Собирая съестное, О'Брайен складывал его или в главной пещере, зарывая в песок, или высоко в туннеле, где Смит нашел останки бушменов и скорлупы страусовых яиц. Зимой он будет жить там, но сейчас было лето, и охотник оставлял здесь свои запасы еды. Пещера превратилась в продовольственный склад.

Дыни он не трогал. Они росли и созревали, их не следовало собирать. В каньоне дынь для него будет достаточно, так как бабуины сюда больше не приходили. Когда-то здесь царствовали звери. Теперь это его каньон. И все изобилие, которое принесла сюда летом природа, принадлежит ему.

Однажды бабуины загнали его в ловушку.

Двигаясь вдоль самого короткого наружного хребта, напоминающего большой палец руки, если смотреть с высокого пика, он охотился за ящерицами. Вниз пути не было. Отрог обрывался растрескавшимися ступенями, где в неглубоких расщелинах еще сохранились остатки дождевой воды и быстрые ящерицы поджидали жирных мух; где пчелы находили камнеломки, цветущие на совершенно бесплодных клочках черной земли.

О'Брайен подошел к середине хребта, когда услышал лай бабуинов. Оглянувшись, он взобрался на высокую плоскую скалу, чтобы они увидели и его самого, и блеск гаечного ключа в руке. Он стал кричать на них и корчить рожи. Но бабуины впервые не отступили. Вожак подстрекал их идти вперед и рычал на врага, одиноко стоявшего на скале в лучах солнца.

Бабуины постарше помнили, как охотник нападал на них из засады со своим страшным ружьем, и держались сзади. Отступали также самки, занятые своими детенышами, и трусливые молодые обезьяны. Но остальные животные приближались к нему, двигаясь вдоль суживающегося гребня, лаяли, всячески демонстрируя свое бесстрашие.

О'Брайен снова закричал и двинулся им навстречу, швырнув несколько камней. Они отступили, но потом опять пошли вперед. Времени на то, чтобы развести костер и подготовить пылающие головни, не оставалось; с окружающих высоченных утесов не спустишься. Охотник начал отходить назад. Мысль его лихорадочно работала. Как разделаться с обезьянами, заставить их уйти? Но пока он сам оказался в их руках. Они загнали его в ловушку. И смерть приближалась к нему.

Бабуины стали заходить с флангов, стараясь оттеснить О'Брайена к краю утеса. В их рядах росло что-то, совсем не похожее на простое возбуждение: молодые самцы осмелели, подбирались все ближе; старые обезьяны, которые не хотели вмешиваться в драку и держались в безопасном отдалении, тоже начали поддаваться общему волнению. Обезьяны собирались прикончить человека.

О'Брайен осторожно отходил, а полукруг зверей, постепенно сжимаясь, двигался за ним следом. Прямо перед охотником, изворачиваясь и гримасничая, ликуя прыгал молодой самец, рисуясь перед стадом. Сейчас они бросятся на него, и все будет кончено. Но и он будет убивать. Одного или даже двух наверняка. О'Брайен почувствовал холодную спазму в желудке. Но это уже был не страх, а только волнение. И не безумное возбуждение, как у бабуинов, но нечто более сильное и поддающееся контролю — холодное, логичное чувство, свойственное человеку, готовому к решительной схватке.

Заняв удобную позицию, О'Брайен остановился. Солнце обжигало спину. Он ждал.

Стадо обезьян тоже остановилось. Животные усадились на камнях, на плоской черной скале, внимательно наблюдая за человеком. Потом один из бабуинов, самый свирепый и осторожный, отделился от стада и направился прямо к О'Брайену — это был новый вожак. Он начнет первым. Остальные бросятся вслед за ним.

Другие, даже самые крупные самцы, пока не двига-

лись. Они сидели напряженно и неподвижно. Но вот ярость возросла до предела. Раздались дикие вопли. Вожак ходил всего в двадцати футах перед О'Брайеном туда и обратно. Неожиданно бабуин бросился на охотника, но в последний момент, прежде чем О'Брайен успел ударить его острым колом, отскочил в сторону. Стадо издало одобрительный вой. Обезьяна стала ходить по кругу, и О'Брайен тоже стал двигаться вслед за ней, почувствовав, что остальные бабуины не нападут сзади. Это была дуэль, суд, единоборство, в котором выигрывал сильнейший.

Угрожая коротким копьём, О'Брайен держал зверя на расстоянии, заставляя его кружиться на месте и смотреть против солнца. Вожак снова бросился вперед, но охотник успел на этот раз ударить бабуина копьём в грудь. Тот схватил и отбросил копьё, почти без усилий вырвав его из рук О'Брайена. Теперь у охотника оставался в руках только гаечный ключ. О'Брайен пригнулся ниже, руки его, сжимающие нагретую сталь, покрылись липким потом. Вожак отошел назад и потрогал свою окровавленную грудь. Наступила полная тишина. Все замерло. Зверь взглянул на свои окрашенные кровью пальцы и, казалось, забыв о своей ране, снова начал зигзагами подходить к человеку. Последний бросок — и кто-нибудь из них завершит свои счеты с жизнью.

Выжидая, они кружили друг против друга, словно боксеры. Ключ сверкал в руке О'Брайена, раскачиваясь, как голова кобры. Длинная лапа вожака протянулась к охотнику, оценивая расстояние. Затем бабуин прыгнул вперед, раскрыв пасть с желтыми клыками, готовый к последней страшной схватке.

Но человек, подчиняясь первобытному жестокому инстинкту, действующему у него так же мгновенно, как и у животного, оказался быстрее. Сверкнув в воздухе расплывшимся серебристым пятном, ключ опустился на большую голову зверя. Бабуин, забыв о враге и взыв от боли, прижал лапы к голове и заковылял прочь. Через мгновение его труп уже распростерся на черной скале.

О'Брайен стоял, стараясь отдышаться. Стадо глухо зашумело. Обезьяны зашевелились, на загривках вздыбилась шерсть, клыки оскалились. Теперь следовало ожидать всего. Судьба находилась в руках самого О'Брайена. Он стоял, свирепо глядя на обезьян. Потом поднял копьё и решительно двинулся на бабуинов, словно их не суще-

ствовало вообще. Навстречу ему шел крупный самец; стадо застыло в ожидании.

О'Брайен не останавливался. Прыгнув на скалу, он набрал полные легкие воздуха и дико заревел: такого ужасного рева никогда раньше не было слышно здесь, в этих черных горах. Рев этот заставил молодых обезьян задрожать и съежиться. Потом они отшатнулись в сторону и побежали. В слепом страхе помчались самки с детенышами. Какую-то долю секунды оставшиеся самцы колебались. Тогда О'Брайен бросился на них, размахивая сверкающим ключом. Он налетел прямо на крупного самца, стоящего на его пути, и снова яростно заревел.

Побежденные и объятые ужасом животные обратились в паническое бегство. О'Брайен стоял, освещенный яркими лучами солнца, тяжело дыша. Под медной от загара покрытой потом кожей шевелились мускулы.

Охотник расхохотался. Он шел вдоль гребня хребта, а эхо по всему каньону, раскинувшемуся под его ногами, разносило звуки смеха и возвращало их назад — глубокие, дикие, первобытные.

П о с л е л о в и е

Советский читатель проявляет большой интерес к литературе, повествующей об исторических судьбах африканских народов. И это вполне закономерно. «Пробуждающийся лев» — Африка сбрасывает с себя вековые цепи колониального рабства. Однако завоевание политической независимости народами Африки не означает решения всех проблем антиимпериалистической революции. Подавляющее большинство независимых африканских государств еще не вышло из системы мирового капиталистического хозяйства, хотя и занимает в ней особое положение. Всевозможными методами экономического и политического воздействия империалисты пытаются сохранить эти страны в положении полуколоний. Поэтому огромное историческое значение для молодых национальных государств имеет помощь социалистических и других дружественных стран.

К литературе, рассказывающей о судьбах современной Африки, относится и предлагаемая читателю книга У. Малвихила «Пески Калахари». Автор, используя остросюжетную ситуацию, знакомит нас с природой Африки и жизнью ее коренного населения, с историей континента и жестокими методами его колонизации империалистическими державами. Особенно ярко показаны зверства германских и английских колонизаторов, их бесчеловечное обращение с племенами, населявшими захваченные империалистами территории. В своей книге У. Малвихил осуждает политику апарtheid, характерную для сегодняшней Южно-Африканской Республики.

События, разворачивающиеся в книге, проходят на территориях Африканского континента, находящихся под властью расистов. Поэтому мрачный период истории колонизации Африки, о котором говорится в книге, суровая критика в адрес конкистадоров того времени полностью относится и к современным колонизаторам. Этого нельзя не принимать во внимание, давая политическую оценку книге У. Малвихила и подчеркивая ее исключительную актуальность.

Как справедливо отмечалось в журнале «Африкэн комьюнист», основными чертами процесса колонизации Африканского континента были «хищнический грабеж людских и материальных ресур-

сов Африки, хладнокровное истребление коренного населения, полное отрицание его человеческих прав и достоинств»¹.

Захват территории сопровождался в Африке массовой экспроприацией наиболее плодородных и удобно расположенных земель, принадлежавших местному населению, причем колонизаторы широко применяли для этой цели такие меры внеэкономического принуждения, как обложение денежным налогом, административное давление и принудительный труд. Экспроприация проводилась также путем объявления «неиспользуемой» или «недостаточно используемой» земли собственностью колонизаторов; мошеннических «соглашений» с вождями в форме «скупки» за бесценок земель, населенных африканцами; наконец прямого отторжения земель у непокорных племен. В Южно-Африканском Союзе африканское население лишилось 89% земли, в Южной Родезии — 49%. Отнятые земли передавались европейским колонистам и земельным компаниям, которые вели свое хозяйство, эксплуатируя дешевую местную рабочую силу. Африканцам оставили лишь малоплодородные и плохо орошаемые земли. По площади они составляли иногда обширную территорию, но в значительной части представляли собой песчаные и каменистые почвы, безводные полупустыни, заросшие кустарником, зараженные малярией низины и болота, районы, покрытые зарослями непроходимых лесов, удаленные от железных дорог и т. п. В Южно-Африканской Республике, Южной Родезии, Ботсване, Юго-Западной Африке, Кении колонизаторы сгоняли коренное африканское население в специально отведенные поселения — резерваты, расположенные на непригодных или малопригодных для сельского хозяйства земельных участках. Естественно, что, будучи не в состоянии прожить за счет земледелия, население резерватов превратилось в источник дешевых рабочих рук для рудников и плантаций.

У. Малвихил в своей книге приводит яркие примеры, показывающие методы «освоения» колонизаторами богатств Африканского континента. Они осуществляли прямой грабеж коренного населения, отнимали скот, захватывали и превращали в рабов тысячи беззащитных людей. Многие зарубежные историки отмечали, что колонизация Южной Африки ознаменовалась столетним периодом кафрских войн, целью которых было физическое уничтожение местного населения. «В начале 1780 г., — пишет Х. Лоусон, — два военных отряда провели „рейд по захвату скота“, во время которого было убито много беззащитных людей. В 1781 г. отряд захватил 5 330 голов крупного рогатого скота за два месяца... В 1793 г.

¹ «The African Communist», Fourth Quarter, 1968, № 36, стр. 21.

первая военная экспедиция захватила 1800 голов крупного рогатого скота. Его владельцы были расстреляны. Вторая экспедиция захватила 2 тыс. голов; при этом было убито 40 человек, а третья, самая крупная военная группа, которой командовал «либерал» Мейнер, присвоила 10 тыс. голов крупного рогатого скота. 180 женщин с детьми стали рабами»².

Исследователи Африки периода колонизации подчеркивают, что «рейды по захвату скота» нельзя было назвать войнами в подлинном смысле этого слова, ибо здесь вооруженным огнестрельным оружием колонизаторам противостояли практически безоружные люди, доверчивые и беззащитные. Следовательно, это были фактически рейды мародеров, вначале бурских, затем английских и немецких, смелость которых питалась безнаказанностью творимых ими преступлений.

Оценивая роль колоний в процессе так называемого первоначального накопления, К. Маркс писал: «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства»³.

Политика обезземеливания африканского населения продолжается и на современном этапе путем втягивания местного сельского хозяйства в товарно-денежные отношения, которое усиливало разложение общины и дифференциацию крестьянства. Товарное земледелие европейских колонистов легко одержало победу в борьбе с местным отсталым земледелием и привело к разорению африканского крестьянства. Под влиянием товарно-денежных отношений натуральный характер и общинный строй африканского земледелия стали разлагаться, освобождая массу неквалифицированных рабочих рук для работы на рудниках, плантациях, строительстве дорог и т. д. В основе этого процесса лежит замена частной феодальной собственности частной капиталистической собственностью на землю.

Огромные массивы африканских земель все еще находятся в руках монополий США, Англии, Франции и других империалистических государств. В середине 50-х годов XX в. они владели 14,3 млн. га сельскохозяйственных и лесных концессий в странах Западной и Экваториальной Африки, 2,5 млн. га на территории Берега Слоновой Кости, свыше 2 млн. га в Камеруне, около 2 млн. га в Конго.

² «The African Communist», стр. 25—26.

³ К. Маркс, Капитал, т. I.—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 760.

Монополисты имеют на африканской территории шахты, рудники, плантации, железные дороги, порты, аэродромы. Все это используется для выкачивания баснословных прибылей, нещадной эксплуатации природных и людских ресурсов Африки.

Местное население, изгоняемое из традиционных отраслей производства в силу вытеснения натурального хозяйства товарным, испытывает тяжелое бремя нищеты. Только некапиталистический путь развития позволит отсталой экономике стран Африки с ее натуральным хозяйством и общинно-племенной организацией перейти к более высоким общественным формам хозяйства, минуя капитализм, позволит африканским народам избежать тех бедствий, которые несет трудящимся империалистическая эксплуатация.

Развивая марксистский тезис о возможности некапиталистического пути развития отсталых стран, В. И. Ленин указывал, что с помощью пролетариата передовых стран, осуществивших социалистическую революцию, отсталые страны могут перейти к социализму «...и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁴.

* * *

Книга У. Малвихила вызывает глубокую симпатию к народам Африканского континента и пробуждает сочувствие к их освободительной борьбе. В этом главное достоинство произведения. Увлекательная литературная форма изложения захватывает читателя, дает ему возможность реально представить ужас насильственного порабощения африканских народов. Так, например, описывая преследование племени гереро немецкой карательной экспедицией, автор пишет: «Погоня не представляла труда. Гереро отступали по полосе шириной всего около сотни ярдов. Солдаты, передвигаясь верхом на измученных лошадях, вскоре стали наткаться на брошенные вещи: одеяла и женские безделушки, различную утварь и сломанное оружие, чугунки и всевозможные инструменты, реквизированные у немецких фермеров. То тут, то там можно было увидеть трупы погибших от ран, полученных в последнем сражении у колодца. Стали попадаться измученные люди, безразличным взглядом смотрящие на солдат: мужчины, женщины и дети, умирающие от жажды и отчаяния. Повсюду валялись издохшие собаки, лошади, коровы и козы. Некоторые из оставшихся в живых

⁴ В. И. Ленин, II Конгресс Коммунистического Интернационала,— Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 246.

животных взбесились от жары и представляли серьезную опасность. Ужасны были трупы младенцев. Но страшнее всего — сидящие или распластавшиеся на песке живые и мертвые женщины с прильнувшими к ним детьми...» (стр. 87).

Не менее ярко рассказывается об уничтожении бушменов и готтентотов англо-голландскими колонизаторами. «Мы спускали на них собак,— признается потомок голландских колонизаторов Южной Африки летчик Стюрдевант,— травили ядами, чего только ни делали... Охотились за ними как за преступниками» (стр. 23).

Однако Стюрдевант, как и другой герой книги — Гриммельман, осуждают бесчеловечность колонизаторов. По-видимому, их устами говорит сам автор. Так, Гриммельман дает весьма яркую аналогию истребительных войн против племени гереро в Африке с уничтожением индейцев-аборигенов на территории США: «Мне стыдно признаться, что я участвовал в ней,— говорит он американцу О'Брайену.— Гереро хорошие люди. Но поселенцам, видите ли, понадобилась их земля, их скот и их труд. Однако гереро не могли, да и не захотели покориться. Большая часть племени была уничтожена. Шестьдесят тысячч. В общем совсем так, как вы расправлялись с индейцами у себя в Америке» (стр. 17).

В своем отношении к войне автор в целом придерживается пацифистских позиций, а говоря о войнах с целью колониальных захватов, переходит на позиции антиколониализма. Отвратительные сцены уничтожения колонизаторами тысяч безоружных и беззащитных людей, нарисованные в книге, порождают чувство гнева, протест против империалистических хищников, показывают, какие безмерные страдания выпали на долю африканских народов, поработанных колонизаторами, в каких тяжелых условиях живут миллионы коренных африканцев.

Как подчеркивает журнал южноафриканских коммунистов, на долю народов Южной Африки исторически выпала судьба испытать бешеный натиск наиболее реакционных представителей европейских колонизаторов — авантюристов и работорговцев феодальной Португалии, голландских торговцев, представленных Ост-Индской компанией, английских, немецких и других колонизаторов⁵.

У. Малвихил, рассказывая о жизни населения Южной Африки, его трудолюбии, мужестве и больших человеческих достоинствах, выносит по существу суровый приговор современным колонизаторам, неоконизаторам и расистам.

В Южно-Африканской Республике, на территории которой развертывается действие книги, сложился колониализм нового типа,

⁵ «The African Communist», стр. 22.

при котором угнетающая белая нация живет бок о бок с угнетенным народом. После прихода в 1948 г. к власти в ЮАР Националистической партии обстановка в стране характеризуется все большим разгулом расизма. Проводится политика апартхеида, сводящаяся к тому, что «каждая раса в Южной Африке должна развиваться своим собственным обособленным путем». Для того чтобы обеспечить «расовый мир», сохранить «самобытность каждой расы» и создать условия для «процветания рас», южноафриканские расисты держат миллионы людей в резерватах на положении узников концентрационных лагерей. Из 9 млн. банту, проживающих в ЮАР, половина содержится в резерватах, 30% работают на фермах европейских колонистов и 20% живет в поселениях городского типа, для которых характерен большей частью режим принудительных работ⁶. Две трети банту умирают от болезней, порожденных голодом.

В 1954 г. расистами ЮАР был принят закон о выселении африканцев, проживающих в пределах «белых» зон. В соответствии с этим законом в 1956 г. только из района Йоганнесбурга были изгнаны 100 тыс. «неевропейцев», располагавших своими домами, землей и работой в этом районе.

Дискриминация расистами африканского населения проявляется буквально во всех областях общественной и политической жизни. Удел африканцев — наиболее нищенски оплачиваемый, неквалифицированный, тяжелый труд. Средний заработок африканского рабочего ЮАР в 10—15 раз ниже заработка белого. Широко распространенной формой эксплуатации населения и грабежа природных ресурсов колониальных стран империалистическими монополиями является плантационное хозяйство, характеризующееся сохранением наряду с капиталистическими докапиталистических методов эксплуатации рабочих, таких, как ограничение свободы ухода рабочих на другие предприятия, изнурительный многочасовой труд под наблюдением надсмотрщиков и т. д. Для плантаций характерно закабаление рабочих и их семей контрактами, долгами, а в ряде случаев и прямое принуждение. Заработная плата на плантациях, как правило, ниже, чем у рабочих других отраслей хозяйства. В период уборки урожая рабочий день достигает 12—16 и более часов в сутки. Среди рабочих плантаций большой процент составляют женщины и дети, работающие наравне с мужчинами, но получающие значительно более низкую заработную плату. Широко распространены различные заболевания; детская смертность на плантациях исключительно велика.

⁶ Donald L. Wudner, A. History of Africa South of the Sahara, London, 1964, стр. 515.

Книга «Пески Калахари» ценна для нас, однако, не только тем, что в ней содержится критика колонизаторской политики империалистов в Африке. Мы находим в ней интересные описания природно-климатических условий южноафриканской пустыни, яркие картины животного и растительного мира, подробный рассказ о быте, нравах, культуре, искусстве населяющих ее народностей. Следует, однако, оговорить, что к некоторым высказанным в книге положениям необходимо отнестись критически. Так, неосновательно, на наш взгляд, аналогия колонизаторской деятельности буров и переселения на юг Африки банту, которых автор неправомерно причисляет к «завоевателям» территории бушменов. Требуется более основательного изучения и вопрос о происхождении бушменов, а также некоторые положения, касающиеся социальных проблем. Но в целом в книге содержится много интереснейшего материала для географа, биолога и этнографа, излагаемого в доступной и популярной форме.

Морально-этические позиции автора книги проявляются в раскрытии внутреннего мира ее героев, очутившихся по воле случая в чрезвычайном положении: после катастрофы с самолетом они оказались одни в безводной пустыне. Характеристика поведения каждого героя не оставляет сомнения в том, на чьей стороне симпатии автора. В суровой борьбе за жизнь, в поисках спасения побеждают смелые, честные и самоотверженные.

Автор сталкивает между собой самых различных по социальному положению и характеру лиц: старика немца Гриммельмана, участвовавшего еще в колониальной войне Германии в Юго-Западной Африке, а затем в первой и второй мировых войнах, уставшего от этих войн и возненавидевшего всякие войны вообще; южноафриканца Стюрдеванта, бура по происхождению, свидетеля страданий коренных африканских народов, проникшегося симпатией к ним, уважением к их трудолюбию и моральным качествам; американского негра Смита, прибывшего в Африку, чтобы изучить историю рабства и работорговли, выяснить исторические истоки несчастий своего народа, который и поныне остается объектом травли американских расистов; американца О'Брайена, богатого бездельника, приехавшего в Африку «поохотиться», презрительно относящегося к труду, самоуверенного невежду, считающего себя «сверхчеловеком».

Шестеро оставшихся в живых после аварии оказываются перед лицом смертельной опасности — им грозит гибель от жажды и голода. Эта необычная обстановка позволяет автору показать, что судьба каждого из героев определяется в конечном счете его моральными качествами.

Из всех пассажиров самолета лишь один — американец О'Брайен — обнаруживает полное отсутствие элементарной морали, которая вытеснена у него проповедью «борьбы за существование», «права сильного на уничтожение слабого». Пытаясь ликвидировать одного за другим всех своих попутчиков, чтобы обеспечить себе достаточные ресурсы воды и пищи, О'Брайен в конце концов был вынужден остаться один в пустыне. Страх перед неминуемой расплатой не позволяет ему выйти к самолету, прилетевшему на помощь потерпевшим. Так автор наказал О'Брайена, оставив этого представителя идеологии «человек человеку — враг» наедине со стадом обезьян.

Честность, благородство и товарищество торжествуют в книге над подлостью и коварством американского «сверхчеловека». Эта позиция автора заслуживает положительной оценки не только с точки зрения морально-этической, но и социально-политической. Ибо здесь в художественной форме разоблачается и развенчивается идеология американского империализма, воспитавшая морально развращенных людей, культивирующая насилие как норму человеческих отношений.

Довольно интересна судьба пилота Стюрдеванта. Чувствуя ответственность за доверившихся ему пассажиров, он фактически ставит на карту свою жизнь, отправляясь через пустыню к океану. Преодолев раскаленные пески, ежедневно рискуя погибнуть от жажды и голода в безбрежных просторах, Стюрдевант в конце концов достигает своей цели — выходит к побережью Атлантического океана и попадает... в тюрьму Алмазного синдиката.

Этот эпизод — не просто моральный протест против отношения дельцов алмазных копий к герою-летчику, совершившему подвиг ради спасения товарищей. Автор поднимается здесь до вершин социального протеста против человеконенавистнической морали монополистического капитала и его слуг. По существу он сталкивает здесь две морали: общечеловеческую — людей, терпящих бедствие, и звериную — тех, кто грабит население и природные богатства поработанных стран, для кого не существует ничего святого, кто ради наживы готов убить человека.

Алмазодобывающая промышленность Юго-Западной Африки, аннексированной ЮАР, входит в сферу влияния концерна «Де Бирс», образующего вместе с «Англо-Америкэн корпорейшн оф Саус Африка» империю «алмазного и золотого короля» Гарри Опенгеймера. В руках этого южноафриканского миллиардера сосредоточен контроль над 90% добычи алмазов в капиталистическом мире. Его компания эксплуатирует обширные площади алмазного гравия на прибрежной полосе пустыни Намиб в других

алмазоносных районах. «Золотыми и алмазными копиями владеют семь горно-финансовых корпораций, а контролирует их горстка могущественных финансистов,— говорится в программе Южноафриканской компартии.— Эти семь корпораций тесно связаны с британским и американским империализмом. Только в горной промышленности они контролируют капиталовложения в 490 млрд, ранд, на них трудится почти 500 тыс. рабочих. Кроме того, они господствуют в крупных отраслях обрабатывающей промышленности»⁷.

Концессия Оппенгеймера позволяет ему эксплуатировать алмазные залежи Юго-Западной Африки до 2010 г. В «империю» Оппенгеймера входят также обширные территории Родезии, Мозамбика, Танзании, Ботсваны, Лесото и других африканских стран. Именно ее «границы» нарушил Стюрдевант на пути к океану, за что и был жестоко наказан по подозрению в нелегальной добыче алмазов. Алмазные монополии тщательно охраняют свои интересы. Известны случаи физического уничтожения лиц, схваченных на территории алмазных концессий.

«С утра до ночи над каменной пустыней патрулируют самолеты со специальной охраной на борту, выискивая нелегальных изыскателей алмазов. Но случается, что самолеты выполняют и другие задания... На аэродром привозят полуживых окровавленных людей с черной кожей. Дюжие охранники вытаскивают их из машин и грузят в самолет, который немедленно отрывается от земли и берет курс в сторону Атлантического океана. Над водными просторами самолет делает один, другой крен, и... из его открытого люка в океан падает живой груз. Океанская пучина становится могилой для непокорных африканцев...»⁸

Иностранные монополии, глубоко проникшие в африканскую экономику, не собираются уступать своих позиций. Яростно сопротивляются неумолимому процессу освобождения народов португальские колонизаторы. Используя замаскированные формы колониального господства, продолжают свою грабительскую деятельность монополии США, Англии и ФРГ. Империалистические державы все чаще прибегают к методам коллективного колониализма, используют все формы государственной помощи монополиям для сохранения и укрепления их позиций в экономике африканских стран. Однако ход истории неумолим, он неизбежно ведет к окончательному освобождению африканских народов от остатков колониализма, неоколониализма и расизма.

Л. А. Афанасьев

⁷ «Документы обличают расизм», М., 1968, стр. 127.

⁸ «Азия и Африка сегодня», 1968, № 7, стр. 51.

*Перевод упоминаемых в книге
англо-американских мер
в метрические*

М е р ы д л и н ы

1 ярд — 91,44 см	1 фут — 304,8 мм
1 миля — 1609 м	1 акр — 4047 кв. м.
(сухопутная)	1 дюйм — 25,4 мм

М е р ы ж и д к и х т е л

1 галлон США — 3,785 л

М е р ы в е с а

1 фунт — 453,6 г

О г л а в л е н и е

ГЛАВА 1	3
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	50
ГЛАВА 4	86
ГЛАВА 5	131
ГЛАВА 6	165
ГЛАВА 7	178
ГЛАВА 8	199
ПОСЛЕСЛОВИЕ	220

Уильям Малвихил
ПЕСКИ КАЛАХАРИ

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор Э. О. Мосесьян
Художник А. П. Плахов
Технический редактор
Л. Ш. Береславская
Корректор Л. З. Карапетян

Сдано в набор 27/III 1969 г.
Подписано к печати 13/VI 1969 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 2. Печ.
л. 7,25. Усл. п. л. 12,18. Уч.-изд.
л. 12,13. Тираж 100 000 экз. Изд. № 2322.
Зак. № 2303. Цена 61 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

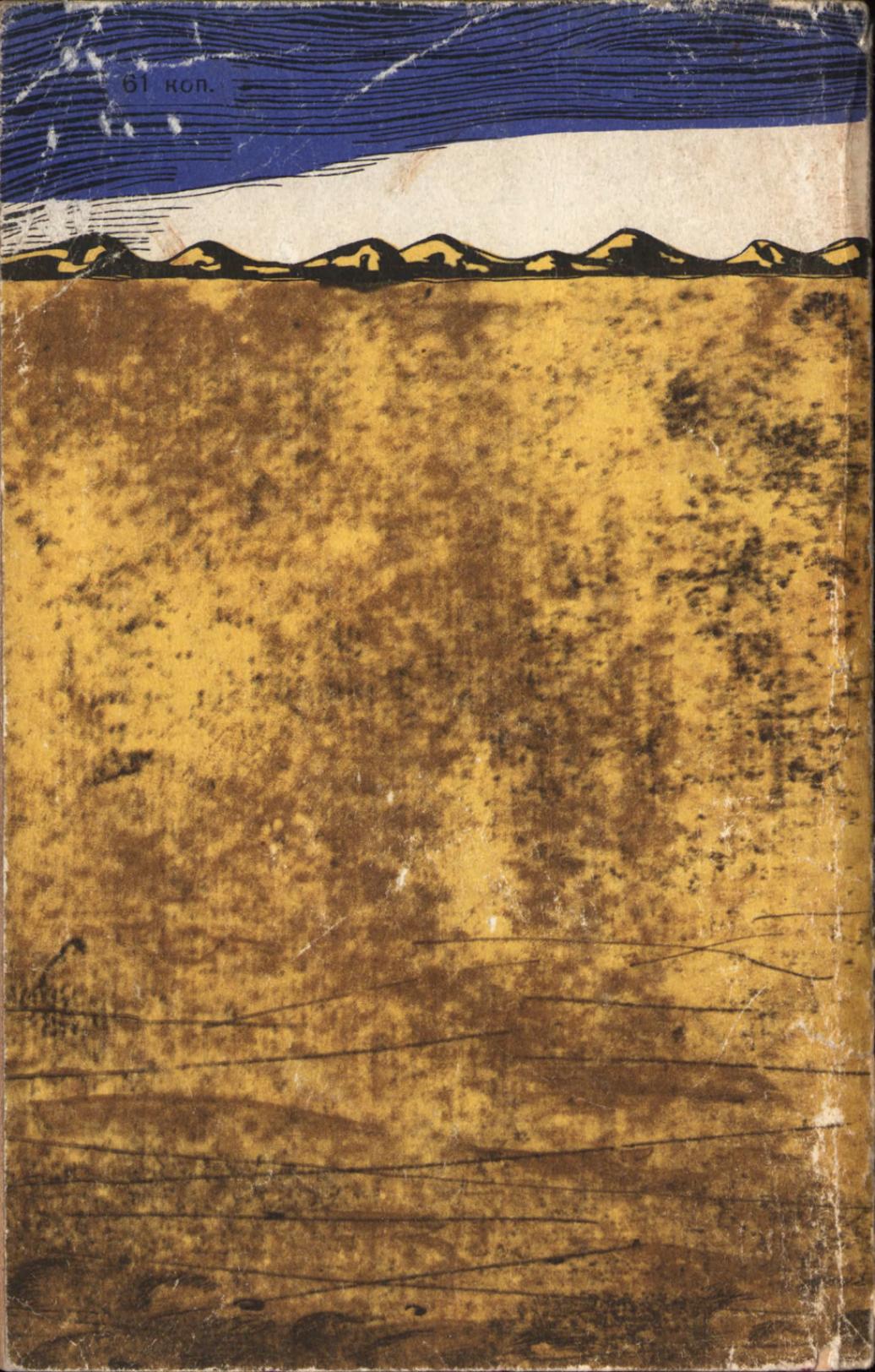
**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА „НАУКА“**

в 1969 году выйдут:

- Малаховский К. В. Австралия и Азия. 5 л.**
Рабочее движение в странах Азии и Северной Африки. 25 л.
Развивающиеся страны в мировой политике. 20 л.
Современные идеологические проблемы развивающихся стран Азии и Африки. 25 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: Москва В-463, Мичуринский пр., 12, магазин № 3 («Книга-почтой») «Академкнига».

61 коп.

MAXIMUM •

MINIMUM •